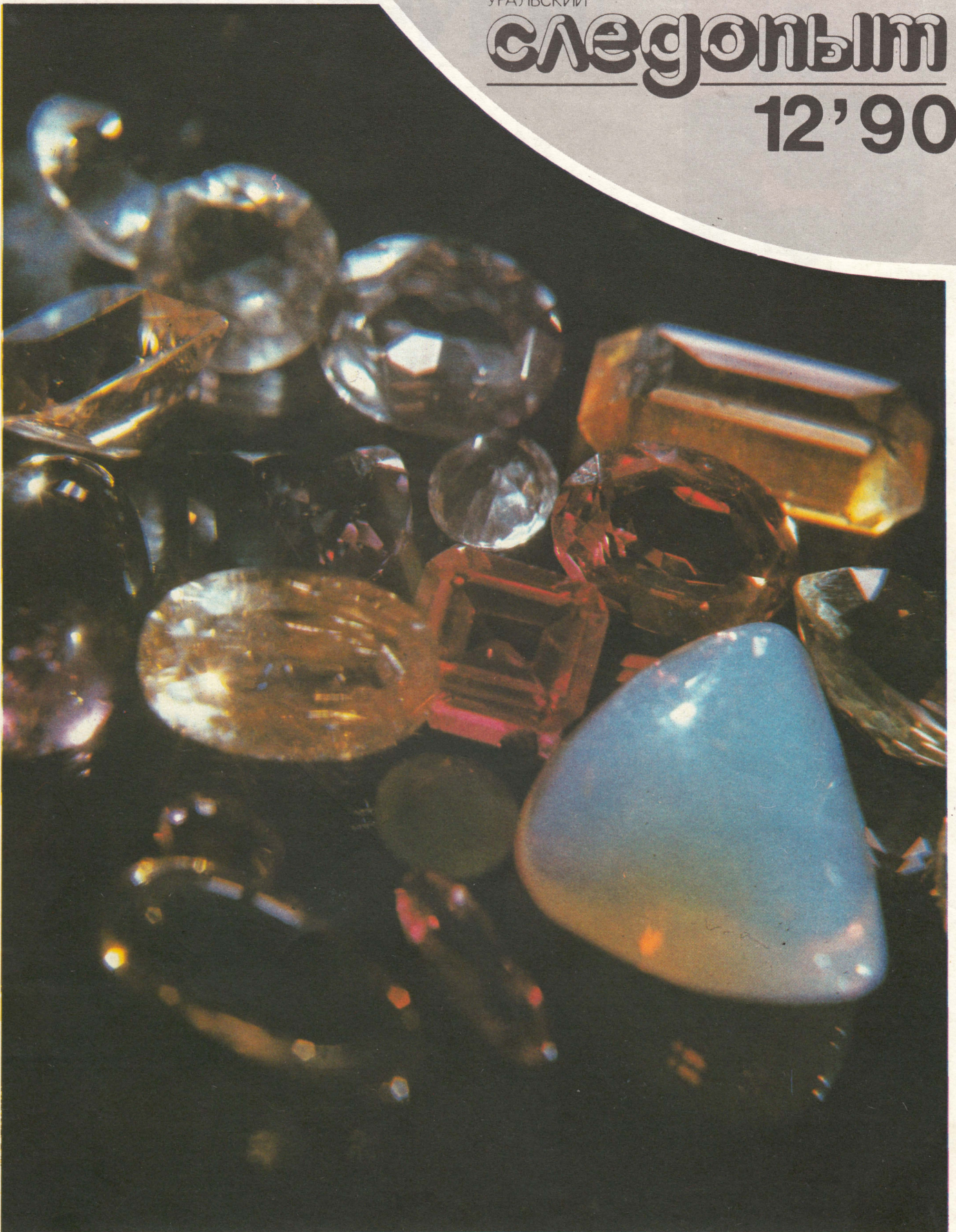

УРАЛЬСКИЙ

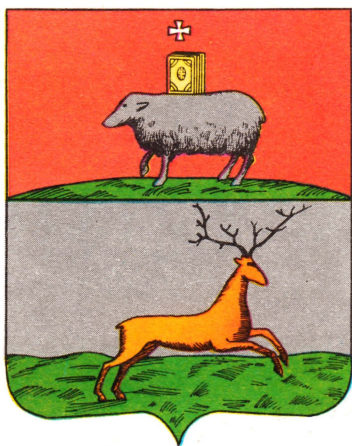
Следопыт

12'90

152

Легенды старой Чердыни

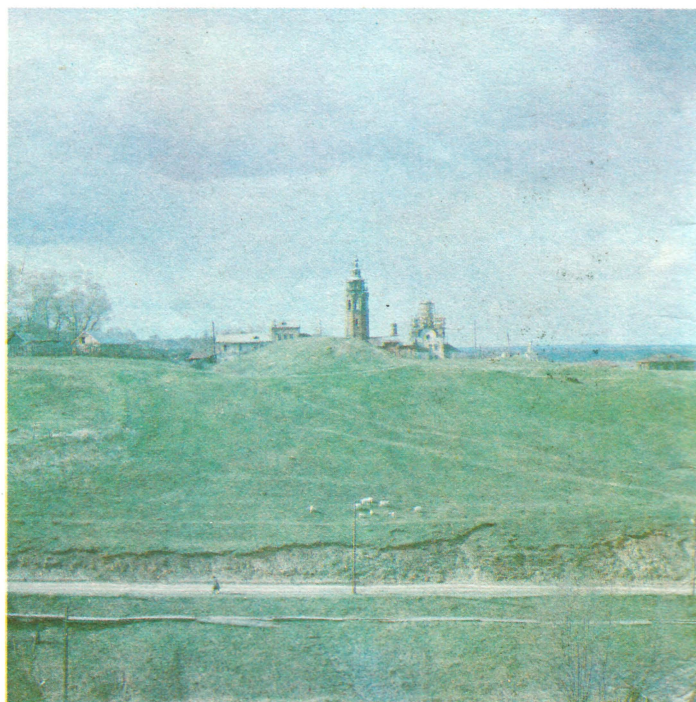

Богоявленский мужской монастырь

С этой крепости на холме начиналась Чердынь

Дом купца Алина-большого

Читайте очерк на стр. 4

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

12 '90

В НОМЕРЕ:

И. Юганпелек ТЮЛИ-СЕ. Поэма	2
Ю. Горбунов ЛЕГЕНДЫ СТАРОЙ ЧЕРДЫНИ	4
Н. Никонов ОРНИТОПТЕРА РОТШИЛЬДА. Окончание	9
А. Нестеров МОНЕТЫ ИБРАХИМ ХАНА	29
А. Дун О РЕПЕ И УТЕРЯННОЙ ПЕРЕПИСКЕ	30
В. Ромашов РОДИНА КАМЫ — ИНДИЯ!	30

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Н. Галкина НАДЗИРАТЕЛЬ ПРОШЛОГО	32
А. Карапетян СКОРО БУДЕТ ВЕСНА	34
А. Щеголев ГЛАВНЫЙ ВРАГ	37
М. Алферова ИДОЛЫ	43
С. Казменко СИЛА СЛОВА	45
КЛФ	54

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Э. Берроуз ТАРЗАН — ПРИЕМЫШ ОБЕЗЬЯНЫ. Окончание	57
Д. Андреев БОРЬБА С ДУХОВНОСТЬЮ. Глава из книги	67
С. Ахметов ЖЕМЧУЖНАЯ РИЗА ПОЭТА	73
В. Дагуров СТИХИ	75
Е. Ястребов ДРЕВНИЕ ДОРОГИ УРАЛА	76
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1990 ГОДУ	79
Н. Мигаев ПОДАРОК ЭФИОПСКОМУ ПРАВИТЕЛЮ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
[главный редактор],
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
[заместитель главного
редактора],
Сергей КАЗАНЦЕВ
[ответственный секретарь],
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения,
секретариат),
22-10-74 (писем,
науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии,
публицистики,
молодежных проблем).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.09.90.
Подписано в печать 24.10.90.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,8.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 500 000.
(2-й завод: 250 001—500 000).
Заказ 537.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий».
620151, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото
Владимира Холостых

© «Уральский следопыт», 1990 г.

Иван
ЮГАНПЕЛЕК

Переведенная мною в начале 70-х поэма «Тюли-се» принадлежит перу ненецкого поэта Ивана Антоновича Юганпелека. Имя его, могу сказать с уверенностью, почти не знакомо русскому читателю, а «Тюли-се» и по сей день едва ли не единственное более или менее крупное произведение поэта, увидевшее свет. Казалось бы, лицо яркое, самобытное дарование, а вот поди ж ты... ему далеко за шестьдесят, он безвестен и одинок, разлучен с колыбелью своей — Ямалом, и встречает старость в тихих покоях Ялуторовского дома инвалидов! Что же: ирония судьбы, суровая ее закономерность? Не берусь судить. Помню только коренастого замкнутого человека, тяжело хромящего по хрусткому салехардскому снегу. Вот он останавливается перед высоким тесовым крыльцом редакции «Красный Север», вытаскивает из кармана пачку папирос, толкает под мышку трость, прикуривает из ладоней и начинает трудный подъем. Скрипу протеза времен войны тоскливо отзываются послевоенные ступени. Здесь его «контора» «Нарьина нгарм» — дубль «Красного Севера» на ненецком языке. А возглавляет национальный отдел соплеменник Ивана Антоновича — энергичный, еще молодой, но уже известный на всю страну поэт Леонид Лапцуй. Для русских он — родоначальник ямальской литературы, для ненцев — нумэн (звезда), живой классик. Наверно, в тени такого могучего дерева трудно расти! Но...

Однажды случай свел меня с Иваном Антоновичем в нацпедучилище. Нас пригласили выступить перед будущими ненецкими учителями. Первым читал я, по-русски, естественно, и был принят тепло, хотя и со свойственной северянам сдержанностью. Потом поднялся Юганпелек и стал читать свои стихи на родном языке. Его чтение напоминало молитву, ритмически однообразную, монотонную, обращенную в небо молитву. В какой-то момент, как мне показалось, совершенно неожиданно, он оборвал речь... Молчание аудитории. И вдруг — овация. Я и не знал, что ненцы могут так бурно реагировать на слово. Что же так всколыхнуло их прирожденную сдержанность, оживило до неузнаваемости бесстрастное идолоподобное выражение

лиц? Свет на «тайну» пролила мой старый друг, журналист Тася Лансуй.

— Понимаешь, — с мягкой улыбкой сказала она, — Ляня (Лапцуй) у нас замечательный поэт. Но он очень высоко поднялся над нами. Внутри, наверное, он очень обрусел. А Юганпелек — это плач, понятный и родной для каждого ненца.

Боже сохрани меня от сопоставления имен, тем паче противопоставления двух этих людей, двух поэтов! Тем более, что несколько лет назад действительно щедро одаренный Леонид Васильевич Лапцуй в расцвете сил безвременно покинул мир живых, оставив яркий след в нашей литературе и памяти. И все же, объективности ради, попытаемся рассмотреть их творческие позиции через призму времени. Время, скрестившее наши пути под северным небом, теперь именуют застойным. Однако в памяти тех, кто соприкоснулся с Ямалом начала 70-х, осталось неизбывное ощущение весны, пробуждения, взлета. Вспомните первые нефтяные и газовые фонтаны, вспомните походы первых механизированных колонн и рождение молодых белокаменных городов. Лапцуй искренне (уверен!) воспринял этот момент как единственный шанс Ямала вырваться из мертвящей дух глухомани. Шанс, который нельзя упустить! Перелистайте его книги тех лет: это — буровые, вездеходы, краны, созидание; это — люди в рабочих спецовках, дружеские рукопожатия, романтика. Это, в сущности, гимн прогрессу, который возродит его мощную родину. А что же Юганпелек, инвалид войны, испытанный огнем сражений и салютом победы, шквалом страданий человеческого и торжеств? Как же он отнесся к тому счастливому шансу? Увы, он один из тех, кто первым почувал угрозу в победоносном рокете буровых станков, тракторов и амфибий. И чуткая душа его отозвалась плачем.

Чистая, прозрачная, как родник, «Тюли-се» — лишь одна слезинка на щеке Ямала. Но прочтите ее, и вы ощутите горечь и соль многострадального этого края. Вы услышите надломленный голос поэта, чьи стихи и поэмы, я уверен, еще всплывут из несправедливого забвения.

А. ГОЛЬД

ТЮЛИ-СЕ

Поэма

1.
По весне, едва растают
Горы сахарных снегов,
В небе синем вырастают
Чумы птичьих косяков.

Вот они простились с югом
И стремятся друг за другом
Над воскресшею водой, —
Чередой и полукругом,
Нитью, клином — друг за другом
Дружной радостной ордой...
И ни лед, ни ветер лютый
Не прикажут им: вернись!
Птицы свято, словно люди,
Помнят край, где родились.
Вот и мчат над побережьем
Перья в заводи роняя,
На домашние одежды
Платья южные менять.

Далеко из тундры виден
Ход утиных косяков,
Но ни разу я не видел
Перелета куликов...

2.
Это странно. И, не скрою,
Сам шептал себе: очнись!
Когда утренней порою
Вдруг, откуда ни возьмись:
«Тюли-тюли, тюли-се-е...»
Тонко свищет одноножка,
Стоя, будто бы морощка,
По коленочку в росе.
«Тюли-тюли, тюли-се-е...»
Клювик, острый, как иголочка...
Как ты, птичка-невеличка,
Очутилась на косе?!
«Тюли-тюли. Рассвело-о!» —
Озираются глазочки —

Две мерцающие точки
Цвета ягоды моло.
К золотинке — золотинка,
В черных лучиках — перо.
Сам-то меньше, чем тростинка,
А в сердечке — серебро!
Вот, как леска, натянулся,
Чтобы все слышали, все:
«Аньторова! * Я ж вернулся!
Тюли-тюли, тюли-се-е...»
Я вернулся, я вернулся,
Будто спал и видел сны
Долго, долго... а проснулся —
В тех же заводях весны.
Нет ни холода, ни вьюги,
И так нежен неспроста
Голосок моей подруги
У родимого гнезда!

* Аньторова (ненецк.) — здравствуйте

По лохматым холкам кочек,
По сверкающей росе
Льется тонкий колокольчик:
«Тюли-тюли, тюли-се...»

3.

Куличок, мой братец малый,
Погоди чуть-чуть, не пой...
По дорожке зорьки алой
Не спеши к себе домой!
Радость встреч и слезы вдовьи —
Все вода в одной реке.
Помню я твоё гнездовье
На песчаном бугорке...
Да и песню: «Тюли-тюли» —
Колокольцы-бубенцы! —
Как лилась она в июле,
Когда вывелись птенцы...
Видел я — у птиц порука
Человеческой под стать:
Ты учил их петь. Подруга —
Чистить перышки, летать...
В мире все ведется мудро
По заведомой канве...
И однажды было утро
С первым снегом на траве.
И стоял я у обрыва,
А над гребнями реки
Молчаливо, молчаливо
Пролетали кулики...
Лебедь, гусь — те обозначат
Час прощания: кричат.
Тюли-се, прощаясь, плачут,
Это слезы в них молчат!
И такая в том молчаньи
Нескончаемая грусть,
Будто длинное звучанье:
«Я вернусь, вернусь, вернусь...»

4.

Ты вернулся, братец малый,
Но не пой пока, не пой.
По дорожке зорьки алой
Не спеши к себе домой...
Жизнь порою крутит круто!
И подарит звездопад
Зерна радости кому-то.
А кому-то — боль утрат.
Берег твой, твои березки,
Твой песчаный бугорок
Оказались в перекрестке
Двух сбежавшихся дорог.
И на нем, покой взрывая
Грозным рокотом станка,
Чум железный — буровая
Поднялась под облака.
Там работа — локоть в локоть,
Дни, как белки в колесе...
Ты прости мою жестокость,
Это — правда, тюли-се!

5.

По заре на склоне мая,
Перелетною порой,
Вот опять — за стайей стая,
Вот опять — за строем строй.
И опять вы не успели
Разглядеть наверняка,
Как от стаи отлетели
Два веселых кулика.
И назад не оглянулись,
Промелькнули по косе:
«Мы вернулись, мы вернулись!
Тюли-тюли, тюли-се...»
А земля дышала паром,
Жаром вытаявших трав...
Вдруг один завис над яром,

Будто что-то потеряв.
И всплеснув крылом упруго,
Неуверенно, не в лад,
В тот же миг его подруга
Вдруг отпрянула назад.
Очертив без передыха
Над железной вышкой круг,
Простонала куличиха:
— Возвращаемся на юг!
— Не спеши, — он ей ответил, —
Не печалься, оглядись —
Разве есть земля на свете
Лучше той, где родились!
Сердцу каждому известно:
Лишь на родине отцов —
Звонче голос, ярче песня,
Крепче крылья у птенцов!
Затаи свой крик печальный,
Глянь, как дали широки!
Я найду другой песчаный
Бугорочек у реки.
Облабую золотую
Кочку в утренней росе
И весне отсалютую:
— Тюли-тюли, тюли-се!

6.

Вот и снова у реки
Поселились кулики.
По лохматым холкам кочек
скачет нежный колокольчик:
«Тю-ли, тю-ли — я живой!»
...В двух шагах от буровой.

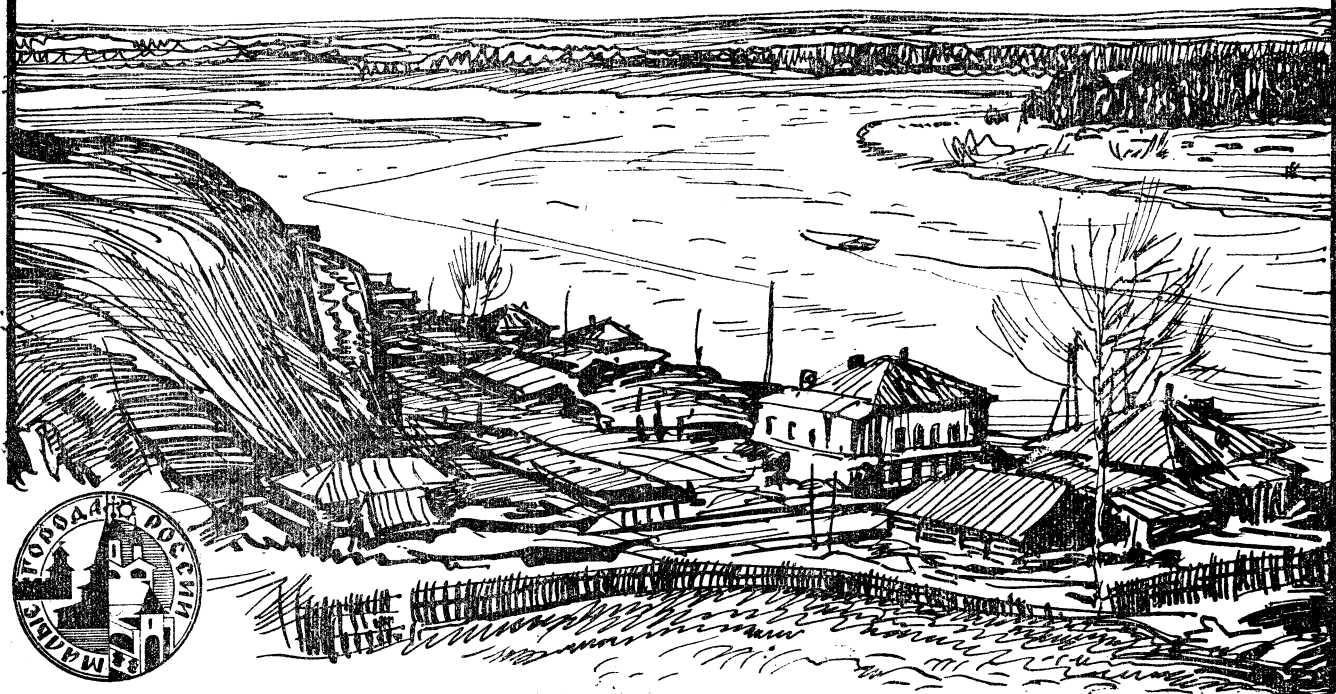
Перевод А. Гольда

Рис. Сергея Мальшева

Легенды старой Чердыни

Юлий Горбунов

Медная поэма о стране Биармии

Пытаться заполнить анкету Чердыни — напрасный труд. Она не помнит года рождения, забыла, чем была в пору своей юности — острогом, городом, страной? Не знает места, где родилась, и даже имени своего, с которым появилась на свет, увы, не назовет. Считай, что половина анкеты — сплошные пропуски.

Зато в чем не испытывает Чердынь недостатка, так это в легендах. Как огромная океанская глыба льда, являет она нашему взору только маленькую верхушку своей сути, все остальное скрыто в зыбкой были-небыли легенд и преданий.

Впрочем, что есть предание для нас, ныне живущих? Даже документами и фактами подтвержденная вчерашняя явь чердынская видится нам легендой — так стремительно легкодоступно и безоглядно мы от нее оторвались...

В древние языческие времена края пермские, как утверждают, населяла загадочная чуда, а страна чуди именовалась Биармией. Владения того народа были велики: на севере простирались до рек Печоры и Мезени, на западе до Северной Двины, Сухоны и Вятки, на юге — до

Белой и Сылвы, а на востоке упирались в горы Каменного пояса.

И столицей той страны-легенды была Чердынь.

Одно из немногих свидетельств того легендарного времени нам надежно сохранила чердынская земля — это медно-бронзовые тотемы, знаки-символы и украшения пермской чуди. В чердынском музее целая витрина населена пришельцами из были-небыли полуфантастической страны Биармии.

Кого только тут не встретишь: человека с лосиной головой и крыльями; птицу с изображением человеческого лица на груди; медведя или росомаху с крыльями и птичьим хвостом; утку, наделенную головой лося; получеловека-полуживотное в окружении симпатичнейших зверей... Безграничной кажется фантазия чудских литейщиков и ваятелей! Медиевнсты-этнографы именуют их творения сложными зооморфными и зооантропоморфными образами. А мы назовем это медно-бронзовое царство поэмой о стране Биармии.

Пришельцы оказались столь оригинальными, что искусство древней коми-пермяцкой чуди получило в науке особое назначение — пермский звериный стиль. Страшно, не правда ли? Сразу вспоминаются жестокие языческие

нравы и жертвоприношения. Но стоит пообщаться с медно-бронзовым населением музейной витрины, как впечатлительные тотчас изменятся.

Эти загадочные существа наивны, добры, лукавы, но отнюдь не жестоки. Ничего в них нет от того звериного облика, каким наделены их современники из стран южного Востока. Внутри каждого животного, считали наши далекие предки, непременно обитает человек, и мудро-наивные художники изоощряли свое искусство, фантазию в том, чтобы слить человека с миром окружающей его природы.

Преобладание женских персонажей в чердынской «главе» поэмы ученые объясняют просто: у охотников Верхнего Прикамья к тому времени еще сохраняется главенство в роду женщины — покровительницы очага, в то время как в Нижнем Прикамье с развитием скотоводства и земледелия уже давали о себе знать отношения патриархата.

Да, да. Мы это в школе проходили. Но почему доброе материнское начало, почему-то именно оно согревает во мне легенду о загадочной Биармии, наделяя ее мягким женским обликом. И этот образ передается затем самой Чердыни — тихому, одноэтажному купеческому городку, который словно бы покоится в теплых ладонях хранительницы очага, пришедшей в наши дни из глубины веков, с медно-бронзовых страниц поэмы о стране Биармии.

Гости из Чердыни

В XI веке с появлением в Приуралье новгородцев легендарная Биармия начала обретать реальные очертания Перми Великой, а древняя чужд уступила место коми и пермякам, осякам и вогулам.

О Чердыни же как столице Перми Великой историки нашли первое упоминание в Вычегодско-Вымской летописи 1451 года: сюда на княжение был послан Московией Михаил Ермолич — знатный молодец из небольшого княжества Верейского, что находился под рукой Москвы.

Где стояла тогда столица, трудно сказать. Как и то, куда подевалась чужд доисторическая — талантливый, наивный и любознательный народ. Похоронила себя заживо в земле, не приняв единобожия, как толкует предание? Или, изменив природе и тотемам своим, помудрела и обратилась в коми? Никто этого не знает.

А любители начинать историю с нуля могут теперь аккуратно заполнять анкету Чердыни.

В 1535 году столица Перми Великой бросила, наконец, якорь на береговых холмах реки Колвы (притоке Вишеры) у впадения в нее Чердынки.

Некий строитель Давид Семенович Курчев срубил на Троицкой горе крепость — шесть башен, четверо ворот, стены и тайник. Следы крепостного вала и посейчас заметны на том холме — пустынном и голом.

Через Чердынь шла в ту пору единственная дорога за Камень — для купцов и для воителей необъятной Сибири. Чердынь ту дорогу исправно стерегла.

То был короткий — вполвека, но сладкий миг владычества и славы Чердыни. Проступили в ее облик черты не женщины, но мужа. Чердынь нахала землю, пасла стада, ловила рыбу. А главное — лихо и воинственно торговала, добираясь по рекам до Великого Устюга, Вычегды и молодого города Тюмени. Воинственно потому, что хотелось ей самой держать всю торговлю, не делясь с московскими наместниками. И на какое-то время пермские купцы получили царскую грамоту на право монопольной торговли с осяками и вогулами. Бывали чердынцы на всех пристанях от Каспия по Волге и Каме, Северной Двине и Печоре к Студеному морю.

Стала она и центром далеко не бескровной христианизации языческих племен, отправным пунктом не только торговли, но и военного освоения Сибири в соперничестве с казанскими и сибирскими ханами. Оплотом распространения христианства среди пермичей и вогулов был в Чердыни деревянный Иоанно-Богословский монастырь с древнейшей на Урале церковью Иоанна Богослова.

По переписи 1579 года значилось в Чердыни 290 дворов и 326 жителей мужского пола. Это был самый восточный русский город и самый крупный населенный пункт в Прикамье. Соликамск ходил у него в пригородах. Пермь Великая и Чердынь означали одно и то же.

Но и исторический миг недолог.

В 1597 году посадский человек Артемий Бабинов предложил купцам новую дорогу, которая, минуя Чердынь, пошла от Соликамска на Тюмень через новый уральский форпост — Верхотурье. Путь сократился чуть ли не вчетверо, преодолевался за одну навигацию.

И Чердынь тотчас обезлюдела, сникла. Москва не стала присылать сюда наместников, а, наконец, ее административно подчинили Соликамску.

А в 1638 году разыгралась в Чердыни стихия — возник пожар, слизнувший все ее деревянные церкви, лучшие жилые дома, лавки и прочие заведения. Предстояло строиться и жить заново, навсегда оставив в снах славное прошлое Великой Чердыни.

Сгорев почти еще столицей, она возродилась скромным провинциальным поселением без надежд и претензий. Возродилась, обретя вновь мягкий, уступчивый и покровительственный облик. Принялась справлять лес и плотничать, снабжать хлебом служилых людей в Сибирь, слать туда своих агрономов для начала хлебопашества. И мирно торговать всем, что давала чердынская земля, ближайшего города и ярмарки. Торговать уже без всякой былой гордыни.

С тех пор стала Чердынь уездным купеческим городом.

Надо представить себе трогательно маленькую, одноэтажную, всю в маковках сердобольных церквей, бездетную матушку-Чердынь, словно бы за какие-то грехи оставленную в центре неохватной территории северо-востока европейской России, чтобы оценить как следует экономическую роль ее купчества.

Прикамье с его хлебом-солью, всевозможными промыслами и богатыми ярмарками — это с одной стороны. А с другой — не менее обширный Север с его пушшиной, рыбой и другими охотничьими трофеями. И полное отсутствие иных дорог, кроме водного пути летом и санного — зимой. Кто еще в силах был обеспечить нормальную жизнедеятельность двух регионов: снабдить самым необходимым охотников и рыбаков бассейна Печоры и дать дорогу на большую землю их обиходному товару? Матушка-Чердынь безропотно этот крест несла. Пригодились давние — чудские еще — купеческие традиции и профессиональный опыт.

Купечество обеспечивало и нормальное функционирование самого города и его уезда. Об этом еще в начале прошлого века писал в солидном сочинении титулярный советник и исторических наук учитель» Никита Попов. Капитала у купчества и мещанства обращалось в ту пору до 35 тысяч рублей — при населении немногим более тысячи человек. На этот капитал торговцы закупали хлеб, шелковые и другие мелочные товары и снабжали ими городских обывателей и уездных крестьян, а излишки отправляли на Печору.

Но чердынское купечество, как утверждает, пожалуй, единственный его исследователь Э. П. Андерсон, имело торговые связи с Прикамьем, Поволжьем, центральными районами России и Сибирью.

Старожилы Чердыни покажут вам дома купцов Алиных. «Этот, — скажут, — Алина-малого, а тот, на Пионерской, Алина-большого». О купцах этих до сей поры ходит по городу уважительная молва. Никто при этом не отрицает, что богаты были непомерно, своего не упускали, но и дело знали получше нынешнего многолюдного министерства торговли. Посредничали по всему Прикамью и Печоре, были непременно участниками Нижегородской и Ирбитской ярмарок, давали сезонную работу сотням крестьян. И не случалось, чтобы их обозы не появились вовремя на дальних печорских пристанях, лишив охотников и рыбаков хлеба, пороку, дробы и прочего нужного товара. То была профессиональная, многими поколениями отработанная надежность.

Наверно, только хорошо поставленное дело могло позволить купцу второй гильдии Василию Алину-большому отправить зимой 1896/97 года из Чердыни в обе столицы 267 тысяч штук мороженных рябчиков.

Разумеется, это была у Алины не главная статья дохода. Той же весной он вывез с камских пристаней на Печору 90 тысяч пудов ржаной муки, 18 — овса, а также солод, гороховую муку, крупчатку, чай разных сортов, дробь, снасть рыболовную, кожаные, шорные и скобяные товары. У мелких торговцев закупил домотканые холсты, в Соликамске — соль...

Такой вот обоз в начале навигации пришел на чердынскую пристань, а оттуда отправились товары по Чердынскому, Усть-Сысольскому и Печорскому уездам. Доставить все это потребителю нелегко было делом. Алин нанимал несколько барж и ежегодно от 350 до 500 подвод.

Через полгода баржи и подводы возвращались, и тоже груженные круто: пушнина и сукно зырянское, рыба и ворвань (жир морских животных), моржовые кожи и замша, утки соленые и коровье масло...

Что на барже по мелководным рекам и волокам, что гужом по любой погоде — тяжело давался крестьянам этот путь. Не всякий мог выдохнуть. А потому и набор сезонников Алины вели по-своему. Собирали богатые столы и, созвав претендентов, кормили их от пуза, а сами меж столами расхаживали: «Что-то ты, парень, плохо ешь, не так ли и работать будешь?»

Нет слов, и купечество было разным, и роль этого сословия в капиталистическом обществе нельзя оценить однозначно. Но думая ныне о социалистическом рынке, если это — не очередной экономический эксперимент на живых людях, нам предстоит непременно оглянуться на опошленное все сословие, и не морщась брезгливо, взять во внимание здоровые зерна опыта их широкой посреднической деятельности.

...Мы гостим в доме Марии Тимофеевны Грибановой, в прошлом учительницы начальных классов, ныне пенсионерки. Дом деревянный, просторный, каких уйма в Чердыни. Обстановка в нем, как говорит сама хозяйка, в стиле ретро. Мария Тимофеевна бережет в нем память о родителях. Весь интерьер, за небольшим исключением, — старинный.

Массивный, с купеческим достоинством комод, дубовый стол работы чердынского плотника Ламанова — сто лет стоит, не пошатнется, часы, зеркало — старинные, нездешние, тумбочка, точеная из орехового дерева, витые венские стулья (отец еще молодоженом покупал в кредит у купца Богомолова — 6 рублей дюжина), кровать «варшавская» купеческая... Все стоит там, где стояло при родителях. Собственно, это уже не квартира, а музей быта чердынской мещанской семьи.

Отец хозяйки Тимофей Николаевич Грибанов служил писарем в земской управе, а мать была купеческая дочь. Этим все сказано: вне дома она не работывала, зато хозяйство держала. Была рукодельница, художница. Вместе с мужем пела в церковном хоре.

Семья была в родстве с купцом Лунеговым и вообще близка к купечеству. Плохого она, учительница, от родителей о купцах не слыхивала и сама сказать не может.

Ворота дома купца Алины были всегда настезь распахнуты: в любое время суток там был накрыт стол с простой крестьянской пищей — любой мог найти приют.

В краеведческом музее поражает богатством и качеством исполнения коллекция фауны Верхнего Прикамья. Хранители не без гордости сообщают, что основу этой экспозиции составила домашняя коллекция Н. П. Алины. Из купеческих домов перешли в музей и служат людям образцы мебели, посуды и других предметов купеческого быта.

Далеко не все прибавочные купеческие капиталы шли на удовлетворение их личных запросов. Кое-что, а иногда и в немалой степени, возвращалось народу.

В 90-х годах прошлого века чердынская земская управа затеяла прокладку в городе водопровода. Расходы

взяли на себя, кроме самого земства, местное общество потребителей и купцы — кому сколько не жаль. Так вот, доля купца-пароходчика Г. М. Лунегова составила 10 тысяч рублей из 52-х, потребных на устройство водопровода. Тот же Лунегов построил в Чердыни детский приют, двух своих сестер наделил домами. В одном из этих домов и живет ныне учительница М. Т. Грибанова.

Вообще купеческие дома и до сей поры первое украшение городского пейзажа. Ничего прочнее и надежнее за последние десятилетия в Чердыни не построено. В купеческих домах и в домах, сооруженных земством, т. е. с участием всего уездного общества, располагаются ныне почти все государственные и общественные учреждения, вплоть до райисполкома. Красиво, добротно, на века построены эти дома. Они — живая память прошлого.

Стоит вспомнить добрым словом и династию купцов Черных из пригородного села Покчи. В начале нынешнего века историк сообщает нам, что в селе действуют целых два детских приюта, открытые на средства купцов, и богадельня, построенная на капитал, пожертвованный в размере 40 тысяч рублей Иваном Васильевичем Черных, а затем и его сыном. Об этом заведении мы привыкли говорить в ироническом смысле, забыв, что богадельня — это общественный дом для инвалидов и престарелых, содержащийся, как правило, на пожертвования благотворителей.

Рассматривая в нынешней Покче полуразрушенный храм Благовещения, мы случайно набрали в прибрежном овраге на остатке мраморного памятника: «Здесь погребено тело чердынского 1-й гильдии купца Василия Сидоровича Черных... Вечная ему память».

Это некогда он начинал в Покче баржестроение, и его капиталы есть в тех трех покчинских приютах.

А что касается памяти, то с этим товаром вечно у нас напряженка...

Древоделы

На одной из медных статуэток чердынской коллекции есть изображение орла, распростершего крылья над женщиной. Не птица ли это Феникс, в старости сжигающая себя, чтобы из пепла вновь родиться молодой? Не он ли, Феникс, таким языческим манером покровительствует нашей Чердыни?

Так или иначе, но в 1792 году, через 154 года после уже упомянутого опустошительного пожара, Чердынь сгорела вновь. Сгорела дотла, как на высоком жертвенном огне. Ходит легенда, что пламя расплавало даже двухсотпудовый колокол Воскресенского собора.

Тем более не осталось следа от Соборной и Троицкой площадей, Гостиного двора, приказной и таможенной изб, ратуши, хлебных амбаров, десяти приходских и трех монастырских церквей. Огонь и дерево хорошо понимают друг друга. Уцелел на окраине один Иоанно-Богословский мужской монастырь.

В груды пепла обратились 350 домов чердынских обывателей.

И началось третье возрождение Чердыни из пепла — на этот раз по плану, предложенному «Комиссией каменных дел и строений Санкт-Петербурга и Москвы».

А от той прежней Чердыни остались лишь легенды.

Деревянных дел мастера добавили городу добрую толику женской стати. Она не в облике и в убранстве, нет. Его трудно себе домыслить. Но остался у Чердыни особый плотницкий нрав матери-созидательницы, вновь и вновь восстающей из пепла.

Он зародился где-то в середине XVII века, когда уезд начал отдавать свои леса на стройматериал. Лес шел по рекам в Казань. А в молодой город Верхотурье Чердынь посылает плотников. Об руку с мастерами из приморских городов строят чердынцы мирные торговые суда для перевозки хлеба по Сибири. Того хлеба, что выращен чердынскими же агрономами.

Обзаводится и сама Чердынь избами с просторными сенями по сторонам горниц, крепкими и ладными амбарами — особой гордостью купеческой столицы. Еще была у здешних плотников страсть покуситься с воротами, разукрасить деревом же, хитроумный запор смастачить — тоже чаще всего деревянный.

А еще любили с утварью домашней повозиться. Ковшик-уточку вырезать, чельшь для добывания из кипятка пельменей женушке преподнести, а себе седелко для будущего савраса, солоницу малую либо рожок пастушеский из бересты смастерить. Смотришь в музее на все это рукоделие и видишь словно бы улыбку, бабушкин прищур старой Чердыни-мастерицы.

Храмы после того пожара стали возводить из кирпича. Но руки плотников долго не хотели уступать богоугодное дело холодной глине и камню неподатливому. Несли хозяйки парное молоко и яйца свежие, лили в раствор — то ли на крепость той глины, то ли на умягчение и согревание.

А плотники держали купола, малые часовенки не торпились отдавать камню. А то нет-нет да и всю церквушку, помолясь, сработают в каком селе одними топорами — праздник для души!

Самая древняя из таких церквей — Богородицкая — еще стоит в Пянтеге — живая легенда, которую можно потрогать рукой. Хорошими ясными утрами, наверно, рубили ее из отборной сосны. Без конопатки, а комар, как говорится, носа не подточит. Высокий шестигранный сруб уже почти четыре века противостоит ветрам.

И еще оставили плотники лукавую загадку в стенах того храма: два спаренных окна с юго-восточной стороны и одно сильно вытянутое по горизонту — на юго-западной. Смотришь, вроде нескладница какая-то. Но когда начиналась престольная служба и распахивали глухие ставни этих окон, то народу с улицы открывалось все небольшое пространство церкви, и действо богослужений можно было слышать и видеть, не заходя внутрь. «Хитрые» окна как бы всю площадь собирали под своды храма Богородицы.

Еще одно чудо плотническое рукотворное долговечет в селении Керчево. Часовенка поставлена вокруг ствола многовекового дерева так, что пять его могучих ветвей служили столбами звона колокольни и поддерживали конусообразную крышу.

Словом, умели мастера-плотники лукаво улыбнуться богу своему, и он, наверно, отвечал им тем же...

Не отдали камню деревянных дел мастера и иконостас — главную принадлежность храмового убранства. В самой Чердыни и в окрестных селах жили непревзойденные творцы этого искусства. Многие храмы Прикамья украшены чердынскими иконостасами.

Чердынь — город портовый, он всегда умел и любил ладить струги. Но ничего наглядного не осталось нам — все унесла безжалостная Лета.

Промысел этот давний. В XVII веке плотники из чердынской деревни Большие Долды ставили суда, получившие название «долдинские ладьи». С той поры судостроение повсеместно распространилось по чердынской земле.

Ежегодно в уезде спускались на воду 60—70 барж. На каждую требовалось 12—14 плотников. Значит, на плотницах находили работу ежегодно около 800 крестьян, не считая помощников.

Баржи шли по рекам самосплавом, вверх поднимались бечевой или на парусах. А в 1880 году купец И. А. Суслов пустил по Печоре первый чердынский пароход для буксирования барж. К девятилетью годам пароходы на здешних реках стали обычным явлением.

Просветители

С годами, а то и столетиями неизменно мирной, торгово-созидательной жизни обретала Чердынь еще одну особенность — непрерывное желание усадить за парту каждого своего обывателя.

Тут надо сказать, что после отмены крепостного права и все-то россияне жадно потянулись к просвещению и

самостоятельности. Возникли органы самоуправления — губернские и уездные земства. Они открывали школы, библиотеки, больницы, музеи, насаждали культуру хозяйствования. Так накапливалась в русской провинции разнородная интеллигенция — тот тонкий плодородный слой, который долго и трудно образуется, легко исчезает под гусеницами небрежения, но без которого гадатские пласты народиной почвы никогда не давали и не дают плода.

«Гумусный слой» общества уездной Чердыни к периоду революции уже сильно давал о себе знать. Постаралось уездное земство, во главе которого около тридцати лет стоял Николай Степанович Селиванов, личность сгинувшая и постыдно затерянная нами в исторических пертурбациях¹. В его бытность земство открыло в уезде 77 учебных заведений, больницу и аптеку, публичную библиотеку, для которой сам председатель управы пожертвовал немалое число личных книг.

Полюбопытствуйте у любого исполкомовского работника наших дней, простое ли это дело открыть в районе какое бы то ни было культурное заведение. Только не говорите ему про семьдесят селивановских школ — наверняка спросит, не из психушки ли вас досрочно выпустили.

После Селиванова в 1898 году его место в уездном земстве занимает Дмитрий Аристархович Удинцев, зять Мамнина-Сибиряка, человек прогрессивный, образованный и не менее настойчивый в деле народного образования. Он собрал в городе деятельный кружок интеллигенции, куда входили и социал-демократы.

Подошел между тем большой пушкинский юбилей — 100-летие со дня рождения поэта. По предложению Удинцева в день памяти Пушкина был открыт в Чердыни музей. Он назывался «музеем прикладных знаний». В уставе было сказано, что он «имеет своей целью содействовать развитию самообразования жителей Чердынского уезда и в особенности учителей начальных школ».

Получили пушкинский подарок и маленькие жители Чердыни. Училищный совет предложил земской управе закупить недорогие книжки Пушкина и бесплатно раздать крестьянским детям. (Не забудем истины ради напомнить, что в нашей тогдашней «поголовно безграмотной стране» к пушкинскому юбилею было издано, по самым приблизительным подсчетам, больше миллиона экземпляров только дешевых, буквально копеечных книжек великого поэта. Значит, было кому читать. Тогда издатели книг денег на ветер не выбрасывали.)

Можно хотя бы приблизительно себе представить, какую массу здоровых сил чердынского общества подняли на просветительскую работу эти земские начинания!

Хотя бы, например, музей. При нем почти сразу собирается «Общество любителей истории, археологии и этнографии». Своими экспедициями оно расшевелило память и энергию населения, подняло первые слои кладов чердынской земли. Именно тогда понесли в музей крестьяне медно-бронзовые чудские статуэтки, предметы культа и домашнего обихода. Один столичный историк поражался обилию памятников старины и легкости их приобретения. Чудские средневековые предметы крестьяне продавали оптом — по пять рублей за ковш.

Особенно воспрянули учителя. Профессия эта стала одной из самых распространенных в Чердыни — после купца и плотника. Много живет о них рассказов-легенд.

Вспомним, например, Павла Павловича Полякова. В село Искор его почти что сослали за то, что, окончив Казанскую семинарию, не захотел стать священником, а поехал учителем словесности и пения. Первым его приобретением, на которое ухлопал все свои сбережения, была фисгармония. Но сделалась она достойным общественным — вокруг нее стал собираться хор. Крестьяне удивлялись, что не под сводами храма. И приходили сначала робко, будто полюбопытствовать! А прийдя раз, от второго уже отказаться не могли. Учитель покoraл энтузиазмом и песенным дарованием. Из окрестных сел стали съезжаться и приходили крестьяне в поляковский хор.

¹ Единственная статья о нем Д. Чистюхина напечатана в местной газете «Северная Звезда».

Словом, когда приехал в Искор из Перми возбужденный слухами знаток хорошего дела Александр Дмитриевич Городцов, он попал на генеральную репетицию... оперы Глинки «Жизнь за царя». Костюмы, массовые сцены, декорации... И отлаженный многоголосый хор — сотни вдохновенных искусством людей всех без исключения классов и сословий.

Это, напомню, происходило в тринадцатом году в захолустном чердынском селе!

Потом Павел Павлович учительствовал в Чердыни. В 1919-м Колчак при отступлении мобилизовал все здоровое мужское население, и в том числе Полякова. Забрали белые с собой и заключенных из тюрьмы, а среди них был брат жены Полякова девятнадцатилетний секретарь большевистского Совета Василий Горохов.

При попытке пробраться к нему в вагон и передать еду Полякова поймали, и только чудом не оказался он в компании с заключенными, которых потом, как рассказывают, живыми сбросили в шурф на Луньевской ветке железной дороги.

Тифозный, изнеможенный вернулся учитель в Чердынь и снова отдался школе. Хоровое пение, музей, походы по родному краю — все это составляло со школой единое нераздельное целое и называлось ОБРАЗОВАНИЕМ юного человека. Одна его ученица много лет спустя вспоминала: «Я каждый день знала, чувствовала, что он меня любит». И это же могли сказать многие, если не все ученики Павла Павловича.

Вспомним еще одного забытого деятеля той поры — Григорий Александрович Вологодина. Послужной его список не впечатляет: доверенный в частном имении Лаза-ревых, делопроизводитель по народному образованию в уездном земстве, там же инструктор по внешкольному образованию... Чиновник по теперешним понятиям. Но кроме всего этого был Григорий Александрович бескорыстным энтузиастом музея в Чердыни. Используя его богатую экспозицию, преподавал в школах родноведение — предмет, о котором мы, нынешние патриоты всех мастей, даже приблизительного понятия не имеем. Он принял на себя музей в тяжелые годы колчаковского хозяйничанья.

Подвижники разных времен: Василий Попов, Николай Карнаухов, Дмитрий Четвериков (отец известного советского писателя Бориса Четверикова), Николай Белдыцкий, В. Бортновский, Илья Лунегов и много-много других — собирали фольклор, пополняли музей, играли в спектаклях и пели в хорах — и все это было для них единым просветительским делом.

Им благодаря Чердынь так много сберегла из своей истории: выпестовала замечательный музей (одна лишь этнографическая его коллекция насчитывает свыше трех тысяч экспонатов), собрала богатейший архив, сохранила уникальную библиотеку старинных изданий. Несмотря на примитивную автобусно-паромную связь с «Большой землей», буквально вся наша страна побывала в музее Чердыни и оставила восторженные отзывы.

Прошлое сраму не имеет, или послесловие к легендам

В 1601 году повозка, окруженная конной стражей, доставила на чердынскую землю первого государственного преступника. Это был боярин Михаил Никитич Романов — дядя первого царя из династии Романовых, чем-то крепко насоливший Борису Годунову. Узника заковали в цепи и поместили в земляную яму².

С тех пор никакие снега не могут замести ту проклятую каторжную дорогу. Бесконечные вереницы государственных узников идут и идут по ней до сей поры. Назovem лишь некоторые имена, сохраненные историей: революционеры Е. Н. Васильев, И. Г. Рассомахин, Л. Ф. Фе-

доров, Павел Ногин и другие. Жил здесь с семьей в ссылке Климент Ворошилов. Вынужденно провел два года секретарь Льва Толстого Н. Н. Гусев.

Затем начались послереволюционные массовые гонения. Верхушка правящей партии расправлялась с собственным преданным народом. Узники той поры потеряли право на имена и фамилии, на могилы с крестом православным. Кто, сколько, когда и где похоронен здесь? Кто вернулся в жизнь с искаленной, униженной душой? Только случайно сохранились некоторые имена, например, Осипа Мандельштама.

Это было прицельное уничтожение общечеловеческой нравственности и культуры. Все те бескорыстные чердынские просветители, о которых мы только что вели речь, стали в той или иной мере жертвами борьбы с духовностью.

Земский деятель Н. С. Селиванов осужден на каторжные работы, но по дороге застрелен в селе Усолье. П. П. Полякова, по воспоминаниям дочери, в начале 30-х годов обвиняли то в великорусском шовинизме, то в причастности к партии эсеров, то в принадлежности к поповскому сословию. Сколько нервов было убито на унижительных допросах! На Г. А. Вологодина власти завели дело о его сотрудничестве с колчаковцами.

Как видим, не абы какая выбиралась цель, а было намерение искоренить ту культурно-нравственную почву, из которой берет обшество живительные силы.

Канули, кажется, в невозвратное прошлое времена ГУЛАГа, но высоких непроницаемых заборов, обнесенных колючкой, на чердынской земле вроде бы не стало меньше. Северные населенные пункты района опутаны густой колючей сетью исправительно-трудовых колоний разного режима. Но сами эти «эзовские» поселки, типа Ныроба, и малые города близ них, такие как Чердынь, они ведь ни в чем преступном не замешаны. У них исторически сложившийся облик, чай-то здесь дом родной, кто-то по разным причинам не может, связав пожитки в узелок, бежать на все четыре стороны: возраст, принципы, могилы предков... Родина... Как ни крути, а эти шесть букв что-то ведь да значат в общечеловеческом алфавите.

Сейчас уже мало что сохранилось от гуманистических традиций старой Чердыни в Чердыни современной. Или спрятались они где-то за стенами домов, наблюдают со стороны, уступив главенство эзовско-деревенской волинице.

Дело в том еще, что в Чердынь переливается скудеющая и бездельная окрестная деревня. Та самая, что испокон веков бесцетными своими промыслами кормила и поила матушку-Чердынь, почти каждому четвертому обеспечивая посреднический капитал. Ныне она растеряла все свои промыслы, все умение и сама неудержимо хлынула в город: к работе, к теплоте жилья, к магазину и столовым общепиту, массовой культуре — село же нынешнее и вовсе ничего этого не знает, скукожилось село.

История старой Чердыни опасливо забилась по углам, незадействованная, незапрошенная. Неуместной выглядит старина, купеческо-плотницкий созидательный нрав, просветительская жизнь — все это голодной, напичканной пришлым людям Чердыни ни к чему.

Самой старине не привыкать-стать. Она притерпелась к пожарам, к тлену, людскому небрежению и бесцеремонности. И еще одно столетие пролежит тот мраморный памятник купцу в прибрежном овраге Колвы, позарастет самосевными березками карнизы брошенных храмов. История сраму не имеет.

Но скоро, совсем скоро потеря памяти скажется на самих людях. В результате безоглядно-революционных преобразований, пагубных экономических экспериментов плодородный гумусный слой чердынского общества истончился до опасных пределов полного исчезновения. Хватит ли у него сил, чтобы остановить падение Чердыни? Где ты, чердынская птица Феникс? Сумеешь ли восстать молодой после еще одного самого опустошительного пожара?

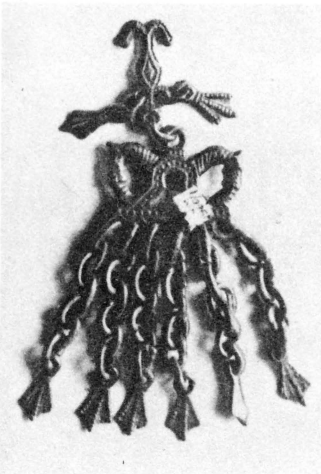
² См. С. Ильин. Песня о ныробском узнике — «Уральский следопыт», 1990, № 7

Семья Грибановых
Один из купеческих домов
Богородицкая церковь
Купеческие амбары
Медно-бронзовые татемы

Фото Олега Капорейко

ОРНИТОПТЕРА

Николай
НИКОНОВ

РОТШИЛЬДА

летом добраться до редкостей. Грешная мечта каждого коллекционера. Да что поделаешь — человечество неисправимо и в каждом поколении, наверное, повторяет ошибки предыдущих. И долг путь к его совершенству.

Мечты

Наши путешествия не обошлись даром ни мне, ни Расселу. Примерно два-три раза в год, чаще ранней весной или поздней осенью, то у меня, то у Альфреда случались тяжелые рецидивы тропических лихорадок. Я слабее здоровеем и, если Альфред перемогал болезни за счет своей неударной природы, могучего роста, атлетического сложения, меня лихорадка сваливала в постель на недели. Я не был женат, как Рассел, и зверски скучал в этом болезненном одиночестве, весь пропитанный будто горькую хинина, которым пичкал меня доктор, и трясаясь во время приступов, когда заваленный пледами и одеялами пил чай, брэнча зубами по чашке.

В такие периоды Рассел приезжал ко мне, жил у меня, ухаживал за мной, как самая добрая нянька, сидел у постели, и мы вели нескончаемые беседы о нашем прошлом совместном плавании, жизни на Амазонке, или он рассказывал про свой Малайский архипелаг (в то время писал книгу, а я уже издал свой труд, который понравился Дарвину¹). Или мы просто мечтали — старикам куда как сладостно помечтать — было бы с кем и о чем. Иногда я записывал после наших бесед и здесь приведу содержание одной из них.

— На Целебесе, — говорил, улыбаясь в бороду, Рассел, — какой-то чудной, вывернутый мир. Находишься на острове, а ощущение — будто ты попал в Гималаи. Глубоченные ущелья, каньоны. Скалы в самое небо! И леса... Пожалуй, более странные леса я видел только на острове Тимор, там растут дикой величины эвкалипты и ясно, что он осколок Австралии или как-то тяготеет к ней, а на Целебесе удивительная смесь малайской, филиппинской, австралийской, новогвинейской и даже африканской флоры. Каково? А эти целебесские обезьяны, куда больше похожие не на азиатских макаков или гиббонов, а на африканских павианов? Или — ловишь бабочек и вдруг вынимаешь из сачка парусника, похожего на нашего подальрия и амазонскую Уранию Лейлус, но у подальрия черные полосы на верхних крыльях идут по светло-желтому, а тут будто все наоборот и похоже на светописный негатив — фон черный, а полосы желтые! И на уранию этот парусник² похож или она на него? Даже змеи здесь попадают какие-то особые, словно бы вышедшие из океана? Все-таки, Генри, я бы еще раз побывал на Целебесе и на малых островах Зунда³. И как бы хорошо, друг, вместе с тобой. Мне так не хватало тебя во всех этих странствиях. Не хватало, Генри. На больших островах я нашолся досыта, особенно на Яве, на Суматре. Борнео — это целый мир, которому надо посвятить жизнь. А Малые Зундские острова интересны тем, что их бесчисленное множество. Кто сосчитал их? Очень многие из них совершенно необитаемы, и на каждом можно найти новые виды или хотя бы подвиды великолепных бабочек, жуков, прямокрылых, птиц, пресмыкающихся, растения. Да что — птиц, мне рассказывали, что на таких островках попадают гигантские ящеры, не то вараны, не то крокодилы семиметровой величины⁴. Может быть, это уцелевшие динозавры? Где им и сохраниться, если не в островной изоляции? К тому же температура в этом поясе отличается удивительным постоянством миллионы лет. Не знаю, как насчет ящеров, а крокодилов,

¹ Очевидно, имеется в виду книга А. Р. Уоллеса «Малайский архипелаг — царство орангутана и райской птицы», а также книга самого Г. Бейтса «Натуралист на Амазонке» (Здесь и далее прим. авт.).

² По всей вероятности, имеется в виду парусник Графиум Резус.

³ Имеются в виду Большие и Малые Зондские острова.

⁴ На острове Комодо и прилегающих к нему островах встречается гигантский индонезийский варан, и пусть не семиметровый, но длиной до пяти метров, питающийся козами, свиньями и падалью. Что же касается крокодилов, то гребнистый крокодил принадлежит действительно к самым крупным, до 10 метров.

И в тех же репях, крапиве, лишь обычно к осени, в августе, сентябре, перед первым хладом, появляется на пустырях бабочка-адмирал. Адмирал не зря носит столь звучное имя. Он близкий родственник репейницы, но похож на нее только нижними крыльями, а на верхних, черных и блестящих, носит, как положено адмиралу по чину, красные ленты-лампасы. Адмирал самая редкая бабочка из племени крапивниц-репейниц, и, помню, был памятно обрадован, когда поймал на пустыре за огородом эту бойкую красивую нимфалиду. Адмирал на Урале, мне думается, также перелетная, кочующая бабочка и даже, возможно, залетная. Осенью пятьдесят первого она попадалась часто. Еще раз я видел ее в следующую осень. С тех пор она словно вымерла. Я не мог встретить ни одного экземпляра.

Вообще в бурьянах я охотился на бабочек до самой поздней осени. Здесь попадались они такие, которых не встретишь в лесу: странная нимфалида-углокрыльница, несколько похожа на крапивницу, но крылья ее как будто исстрижены как попало чьими-то ножницами, здесь держались постоянно ярко-красные с голубыми павлиньими глазками бабочки дневной павлиний глаз (есть еще совсем особенное семейство группы ночных бабочек — сатурнии или павлиноглазки), в бурьянах бывало порядочно бабочек голубянок, бабочек — сатиров (они же бархатницы). И сюда же залетали крупные черные траурницы. Я уже упоминал о них в воспоминаниях об осиновых дровах.

Я охотился в бурьянах, благо было совсем рядом с моим домом, пока холод не губил травы и даже крепкие осенние тысячелистники, одетые снегом и подтаявшим ледком, не превращались в кубачинское черное серебро. Тогда в сухих, примерзших бурьянах начиналась другая, манившая меня жизнь. Налетали шеглы, бойко пиликающие, перепархивающие, переносящиеся с репья на репей белыми стайками, вспыхивающие в мрачном осеннем солнце желтым блестящим пером, появлялись шумно галдящие чечетки, осыпавшие стаями лебеду, являлись снегирь, так красиво и печально перекликающиеся на зорях в тон снеговому низкому небу. Шел пролет певчей птицы. Но однажды я видел на таком бурьяне замерзшую бабочку-репейницу. Она была как напоминание о Лете, как жертва Лета Зиме.

Я надолго, до новой весны, убирал сачок, расправлял собранных насекомых, писал этикетки. Размещал бабочек по видам, родам и семействам. В первое лето активного собирательства имел уже все обычные виды «дневных булавоусых». Две-три более менее не часто встречающихся и ни одной редкой. Так не было в моем собрании за то лето ни махаона, ни парусника-подальрия, еще более редкого на Урале, ни аполлонов (по Плавильщикову, их здесь встречается три вида: обыкновенный, черный, или Мнемозина, и аполлон Феб, редчайший и словно бы уже вымерший), не было у меня бабочек-переливниц (ивовая и тополевая), не было ленточников (большого тополевого и меньшей камиллы). Редкостей не было.

Я еще не знал, что даже посвятив всю жизнь сбору отечественных дневных бабочек (да, да не каких-нибудь заморских див!), можно не найти (а ныне тем более!) редкие виды из большинства перечисленных. Редкость на то и — РЕДКОСТЬ. Красота — не массовое понятие.

Я не знал этого. Замурзанный за лето «Плавильщиков» ничего не сообщал мне об этом. И я готовился новым

Окончание. Начало в № 10—11.

гигантских, жутких, я много раз видел плывущих в открытом море. Они плавают между островами, и вообще здешний крокодил кажется единственным способным жить в море. Настоящее чудовище! Малайцы рассказывали, он нападает на лодки, опрокидывает и хватает людей. Поедем, Генри, на архипелаг. Вместе.. Это было бы так чудесно!

— А я все еще мечтаю совершить кругосветное плавание на хорошей собственной шхуне или паровой яхте. Что, Фред? Ты богаче меня, но давай сложимся, закажем в Бристоле или в Глазго новую крепкую шхуну. Оснастить — и в путь?

— Особенно с твоей лихорадкой, дружище!

— Лихорадка вздор. Даст Бог, я ее укрошу. А так хотелось еще повидать мир. Плавают же люди на парусниках и в одиночку?

— В одиночку — величайший риск. Я даже затрудняюсь представить степень безрассудства шуток с океаном. Мне хватило одного кораблекрушения и того чуда, когда нас спасли. Второго чуда, Генри, не бывает.. На добром корабле или на военном клипере я, пожалуй, отправился бы и сейчас хоть на край света. (Конечно, строить шхуну дорого и долго. Оснастить ее для вокруг-земного плаванья и того сложнее.) Наверное, непременно надо, чтоб он имел высочайшую прочность, парусное оснащение и надежный двигатель. Надо иметь и более чем годовой запас продуктов. Хороших продуктов. А как их сберечь? Солонина и рыба в жестянках приедаются очень скоро. От них воротит душу. Ах, Генри, как я скучал на архипелаге по нашему английскому сыру, маслу, овсянке и яичнице с беконом! Там чай не такой, как дома. Слишком китайский! Он пахнет словно бы жасмином или духами.

— Можно, конечно, везти с собой живность, например, кур. Но.. — тут я усмехнулся. — Кто будет их рубить? Я на это совершенно не способен.

— И я тоже, — ответил Рассел. — Я, кажется, мог бы подстрелить курицу из ружья, как доводилось это делать на Малакке. Там множество мелких диких кур, и очень странно слышать пенье петухов где-нибудь в самом глухом лесу. Впечатление, что рядом деревня и жильё человека, и в то же время знаешь, что кругом дичь и глушь. Нет. Курятина отпадает.. Продукты в нашем возрасте, конечно, нужны стабильные.. Но — ведь в океане полно рыбы. Про рыбу ты забыл? Мы возьмем удочки, сети, гарпуны на акул и черепах. Возьмем шлюпку, надувной каучуковый плот. Это новинка! На крайний случай можно стрелять и морских птиц, правда, мясо у них, по отзывам моряков, отвратительное. Ну, что еще?

— Семена полезных растений и зерно на тот случай, если нас выбросит на необитаемый остров! — я уже смеялся. И Рассел тоже. Он любил, как и я, мечтать вслух, и со стороны мы, наверное, походили на двух впавших в детство старых остопопов.

— Да, от перспективы робинзонады моя лихорадка словно бы усиливается, — сказал я, кутаясь в одеяло. — Хорошо это написано у Дефо, но на деле.. Не приведи, господи! К тому же на судне я хотел бы путешествовать с комфортом, какого мы не могли позволить в молодости, Фред! Мы взяли бы с собой мой кабинетный рояль? И мою добрую скрипку? И еще твою отличную кухарку?

Мы уже просто хохотали.

— Надо еще и доброе вооружение, — сказал Рассел более серьезно. — Я не отказался бы не только от хороших ружей и револьверов, но взял бы на борт и скорострельную пушку. В Малом Зунде и в проливах Южно-Китайского моря порядочно пиратов. Причем, пока они не приблизились и не напали, их не отличить от мирных рыбаков на их неуклюжих джонках и прау⁵. Как-то, близ Тимора, наше судно остановили и попросту хотели обчистить, но помешала голландская охрана. Голландцы, надо признать, молодцы, и порядок в их колонии, особенно на Яве, отменный.

— Ну, пусть будет оружие. Правда, я никогда слишком не пелагался на него. Итак, мы купили судно и оборудо-

⁵ Малайская лодка.

вали его. Мы устроились в каютах на корме, взяли слуг, наняли команду и капитана. Человек десять? Или восемь? Для небольшого судна хватит. А дальше?

— Дальше, Генри, мы отправились бы из Лондонской гавани или из Бристоля к Канарским островам, а оттуда прямо к устью Конго. На Амазонку, Генри, меня что-то не тянет. Мы жили там, и, как говорят японцы, кто не был на Фудзи — дурак, а кто был дважды — дважды дурак. Африку, и особенно ее юго-запад, мы не знаем совсем или, точнее, знаем по коллекциям да рассказам сэра Ротшильда. Сдается, там рай для натуралистов. Бельгийское Конго — неисследованная страна, и там можно было бы жить годами. Но мы не ставим такой цели. Мы просто делаем стоянку где-то недалеко от устья и путешествуем в глубь континента по Конго и ее притокам. Я думаю, больше того, — уверен, мы собрали бы великолепные коллекции фауны и фауны тропической Африки. Я взял бы на себя млекопитающих, а из насекомых — жуков и прямокрылых и, конечно, растения, ты, Генри, — бабочек, птиц, пресмыкающихся и земноводных. В них я разбираюсь хуже.

— Да, я согласен с тобой, Фред, — сказал я, загораясь его убежденностью и словно уже всерьез пытаюсь осмыслить наш будущий год. — Конго действительно самая экзотическая река Африки, если не считать верховьев Голубого и Белого Нила. Мне рассказывали, в верховьях Нила есть такие гигантские болота, а в них острова суши в сотни километров, куда никогда не ступала нога человека, даже аборигена. Как в заповедниках, там сохранилась первобытная, не затронутая никакой цивилизационной жизнью. Там живут, быть может, еще неизвестные миру виды антилоп, а вдруг и слонов и носорогов? Вдруг там еще сохранилась третичная фауна? Южный слон, носороги, мегатерии и гигантские птицы? Ах, если бы с верховьев Конго пробраться туда! Я даже представить себе не могу, что за открытия ждали бы нас там? Но и в верховьях Конго еще полным-полно белых пятен. Там, в болотах, может оказаться множество неизвестных водоплавающих птиц, а в лесах крупных жуков и бабочек. Туда ведь не добирался и сэр Ротшильд!

— Ты, Генри, мечтатель почище меня, — сказал Рассел, — но, насколько я представляю, Африка все-таки не блещет крупными жесткокрылыми и чешуекрылыми. Судя по коллекциям Лондона, там особенно распространены и ярко представлены нимфалиды, птериды-белянки, сатиры и голубянки. И среди них есть замечательно красивые, даже уникалы, но парусники?

— Фрачников на Конго должно быть больше, чем где-либо в Африке. Убежден, — они далеко не все открыты. Ты же прекрасно знаешь закон жизни тропического леса. В нем масса экологических ниш, и значит, множество видов и форм животных и растений, но ни один вид не распространен слишком широко. Количество особей любого вида может быть крохотным.

— Да, ты прав, — задумчиво сказал Рассел. — Дождевой лес создает столько укромных убежищ во всех своих ярусах от почв до вершины, что, возможно, самых интересных его существ мы еще и не видели. Я думаю, они живут в вершинах и никогда не спускаются на землю. А прыгать там, подобно гиббонам, натуралисты еще не научились.

— Француз-энтомолог Ле Мульте писал, что ему, специально для ловли жуков и бабочек, заключенные в каторжных лагерях французской Гвианы строили вышки до крон самых больших и цветущих деревьев. Так он добывал редчайших жуков и бабочек.

— Я знаю Ле Мульте, — сказал Рассел, — но не люблю его. Это не столько натуралист, сколько предприниматель и торговец. Ведь это он придумал, избрал эту чертову глупость — веера и письменные приборы, изукрашенные крыльями бабочек морфо. Кстати, твоих любимых м о р ф о! — выделил он.

— Но ведь и мы с тобой продавали коллекции и экспонаты, чтобы иметь возможность жить-быть и путешествовать? — возразил я.

— Да, Генри, но мы не сделали предпринимателями!

И если я по нужде что-то продавал из дублей своих собраний, я и сейчас тоскую по ним. Пусть я тебя не убедил, но вернемся к главному: ты прав, что на Конго есть где поохотиться с ружьем и сачком. К тому же бедность дневных бабочек там замещается богатством ночниц! В коллекциях африканских ночных бабочек я видел потрясающие экземпляры сатурний и бражников.

— А ты забыл про жуков-голиафов? — воскликнул я. — Они же водятся в основном в Конго и Камеруне? Ты знаешь, что я привез с Амазонки огромное собрание жуков. В нем и жук-геркулес, и жук-слон, и усач-арлекин, и огромные златки, рогаши и бронзовки, но африканский голиаф превосходит их всех!

— Насчет голиафов-то я, предположим, не забыл. В моей коллекции есть все четыре вида⁶, — усмехнулся Рассел.

— А ты не хотел бы открыть еще один-другой вид ГОЛИАФА!

— Да, Генри! Ты искуситель. И ради одних этих жуков я готов ехать с тобой. Но что бы мы делали после Конго?

— Я предложил бы, обогнув Африку, отправиться на Мадагаскар.

— Ты слишком спешешь в таком случае, — возразил Рассел. — Южная Африка — это величайший природный заповедник реликтовой флоры. Ведь там сосредоточено столько нигде более не встречающихся цветковых растений, что ботаники теперь выделяют Южную Африку в особое Капское царство растений! Царство, Генри! Мне уже сдается, что эта часть Африки когда-то была отделена от основного континента. Иногда же мне приходит чудовищная по глупости мысль, что Капская земля — это кусок древней Антарктиды, оторвавшийся от нее быть может еще в Мезозойской эре и со всей своей сохранившейся там флорой причаливший к Африке! Каково? Иначе откуда там взялся такому обилию нигде больше в Африке и вообще в мире не встречающихся эндемиков и реликтов? Ведь Африка не остров, черт побери, а если и остров, то гигантский. В конце концов, тогда все матерки — острова в Мировом океане? Так вот почему, кроме повсеместно почти распространенных молочаев-эвфорбий, алоэ, гастерий и гаворций, в Южной Африке есть целые области, растительность которых состоит из «живых камней»? Это литопсы, конофитумы, похожие на разноцветный морской галечник, там растут плейоспилюсы — «живой гранит», в самом деле похожий трегульными сочными листьями на камни, и, наконец, растения с глазами! Да, да, Генри! Я сам видел их недавно в Лондонском саду, растения, привезенные из пустыни Намиб и Карру. Эти растения имеют на верхушках прозрачные глазки-«оконца», которыми они смотрят в небо и так пропускают через свои линзы свет вглубь, внутрь себя, а сами скрыты от зноя в песке! Там, по слухам, есть гигантские растения с длинными листьями, стелющимися по песку, а ствол весь скрыт в земле!⁷

Альфред всегда увлекался. Его было трудно остановить, да я и не хотел этого делать. Он был превосходным ботаником, и я даже не знаю, что он любил больше, животных или растения. Его феноменальная память тотчас схватывала и усваивала новые названия. Он шпарил латынью, как оксфордский профессор, сам не будучи никогда даже студентом колледжа. Его познания были столь глубоки и обстоятельны, что тягаться с ним и узкому специалисту было нелегко, а побеждал он именно своей широкоохватностью, недостававшей его оппонентам. И вот сейчас, не замечая, что я больше размышляю о нем и люблюсь им (таким и только таким мог быть великий и естественный исследователь, ученый и путешественник), он продолжал рассказывать мне о Капской флоре, ее лилейных, орхидных, сложноцветных, о ее жуках-чернотелках, фаунах пресмыкающихся и птиц, фауне бабочек, которая, по его мнению, богатства, однако, не представляла.

⁶ В настоящее время известно 5 видов жуков-голиафов. Крупнейший из них — гигантский голиаф, свыше 10 сантиметров в длину.

⁷ Растение это действительно есть. Это вельвичия удивительная.

— Ладно,— согласился я.— Остановимся на мысе Доброй Надежды, в Кейптауне. И пока ты едешь вглубь за своими «живыми камнями», я займусь жуками и бабочками и докажу тебе, что в Южной Африке есть что поискать. Не помешало бы нам только враждебное отношение буров. Они не жалуют англичан. И как бы там не было войны. Но дальше-то, друг, мы отправимся, конечно, на Мадагаскар. Вся жизнь я мечтаю побывать там, ибо сдается, нет острова удивительнее. Я столько о нем читал, слышал, смотрел коллекции с Мадагаскара. Они удивительны, как сам остров. Как-то трудно представляется, Фредди, что остров столь гигантский и близкий к Африке, не имеет с ней общей фауны. Ведь на Мадагаскаре нет ни слонов, ни носорогов, ни антилоп, ни обезьян! Общие с Африкой несколько видов галаго. А остальное: лемуры, крупные птицы, черепахи, многие бабочки, жуки, оригинальная растительность,— все мадагаскарское! Не подлежит сомнению, что остров отделился от континента очень давно. Или он изолированно существует, как осколок ушедшей под воду суши?

— Это маловероятно. И все-таки в твоих суждениях, Генри, может быть доля истины. Я согласен. Ведь тут есть порядочно островов.

— А гигантские пальмы на Сейшелах, разве не аргумент? Таких пальм больше нет нигде в мире?! А нелетающие птицы? А гиганты — эпиорнисы, которые по непроверенным данным еще водятся на Мадагаскаре?

— Я хотел бы привезти с Мадагаскара коллекцию тамошных жуков,— особенно рогачей,— сказал Рассел.— Там встречаются удивительные экземпляры, просто поразительные!

— А я хотел бы привезти с Мадагаскара комету!

— Ты имеешь в виду, конечно, эту диковинную длиннохвостую павлиноглазку?

— Да. По моим сведениям, на Мадагаскаре водится много эндемичных бабочек, и в том числе ураний и сатурний. Но комета превосходит всех своей необычной формой и своей красотой, величиной. Признаться, я до сих пор не могу объяснить, зачем бабочке, да еще ночной, такие чудовищно длинные «хвосты» на крыльях. Рулевые перья? Все павлиноглазки летают стремительно, и такое украшение лишь отягощало бы их полет.

— Я не соглашусь с тобой, Генри,— отрицательно качнул головой Рассел.— В Индии, на Малакке, на Суматре и даже на Целебесе, хотя там собственный подвид, водится прелестная небольшая бабочка Лампроптера Мегес. Так вот ее «хвосты», а она относится все-таки к парусникам, превосходит ее в длину почти в два раза. Еще меньше ее Лампроптера Курия. Но обе летают стремительно, как шмели или мухи. Это драгоценные бабочки, и я стремился иметь их в коллекции, но ловить их было исключительно трудно. К тому же «хвосты» этой бабочки-мухи очень ломкие. Я думаю, что комете ее длиннейшие украшения не помеха для полета. Или, скорее, она ими жертвует, когда ее хватает летучая мышь. Так ящерицы отламывают хвост.

— Боюсь, что здесь не прав ты, Альфред. Хвосты на крыльях этой павлиноглазки скорее какие-нибудь чувствительные органы, как усики у всех сатурний. В общем, я потрясен этой красавицей, и мне надо увидеть ее и добыть самому.

— В моей коллекции дублей есть пара комет,— сказал Рассел,— и раз уж ты их так обожаешь, я дарю их тебе, пока мы доберемся до Мадагаскара.

— Благодарю тебя, друг мой, за щедрость. В следующий раз я таким способом выклянчу у тебя еще что-нибудь!

— Согласен. Какие могут быть счеты меж друзьями. Но не кажется ли тебе, Генри, что твоя любимая комета имеет подобных и не менее красивых, пусть не таких длиннохвостых, родственников в Южной Америке?

— Ты имеешь в виду павлиноглазок армиду и семиамиду? Не так ли? Близко к истине. Я хотел сказать: «Да!» Семирамида особенно похожа на комету своими «хвостами». И ярче по окраске. Это прекраснейшая сатурния Южной Америки. Но.. Как Ма-да-гас-кар! мог с Америкой соединиться? Скорее, это уж закон конвергенции. В сход-

ных условиях развиваются сходные пусть по виду формы, как акула и дельфин. Но ведь и в Азии, в Индии, например, и в самой Африке водятся хвостатые павлиноглазки. Например, азиатская селена. Пусть ее хвосты менее длинны.

— Селена.. Селена.— пробормотал, задумываясь, Рассел.— А все-таки, друг мой, комета ближе всего к американской семиамиде!

— Но как? Ка-ак! Они могли быть родственны?

— Через Антарктиду,— буркнул он, не смущаясь.— Я уверен, Генри, когда-то Азия, Африка, обе Америки и Антарктида были одним огромным континентальным щитом. Праматериком. Тогда еще не было ни млекопитающих, ни птиц, ни, может быть, даже пресмыкающихся. А насекомые были и благоденствовали. И.. И павлиноглазки, их родственные общие предки, уже существовали!

— Я готов тебе поверить, что континенты движутся. Я сам так думаю. Но объяснение родства столь далеких бабочек, согласен, выглядит фантастично.

— Ничего особенного. Африка и Южная Америка были вместе гораздо дольше. И вместе, кстати, с Мадагаскаром! Он отделился первым, за ним разделились Африка и Южная Америка! — торжественно провозгласил Рассел.— Только этим и можно обосновать отсутствие на нем крупных четвероногих, как и в Южной Америке. Они рано обособились, Генри. Пусть мои суждения тебя удивили.

— Сознайся, друг, фантазии многовато!

— Но без нее, Генри, не было сделано ни одного великого открытия. Согласен?

— Пусть будет по-твоему. Однако, что мы еще привезем с Мадагаскара? Я бы собрал там, во-первых, коллекцию хамелеонов. Мадагаскар — их царство. Затем, как я знаю, на Мадагаскаре растет порядочно замечательных крупных орхидей. И это уже по твоей части, Альфред.

— Конечно. Еще Чарльз предсказал, что коли на Мадагаскаре есть одна орхидея со столь глубоким венчиком цветка, то ее способен опылять какой-то бражник или другая бабочка с невероятно длинным хоботком. Не менее 12-ти дюймов (30 см)! Орхидей на Мадагаскаре огромные. Кроме того, там есть светящиеся мхи! И есть с десяток эндемичных видов парусников! Словом, едем на Мадагаскар.

— Хорошо, а дальше? Куда мы двинем оттуда?

— Дальше, друг мой, отправимся в Индию, а оттуда на твоей «Малайский архипелаг в царство орангутана и райской птицы». Согласен?

Рассел вздохнул.

— Я так долго там был, Генри, что мне уже будет тяжело возвращаться туда. Я сделал бы это лишь для тебя, чтоб быть твоим проводником. Острова Зунда, конечно, райские острова. Но вряд ли уже хватит сил у нас обоих забираться в такие дебри. Суматра.. Борнео.. Целебес.. Новая Гвинея.. В общем, друг мой, выздоравливай поскорей. Корабль мы успеем снарядить. А пока выздоравливай, чтоб мы опять отправились с тобой в какое-нибудь странствие. Ну, хоть ко мне, хоть в Девоншир, и опять пойдем искать окаменелости и ловить желтушек и крапивниц. Ах ты, мечтатель!

ВОСПОМИНАНИЕ ШЕСТОЕ:

Аполлоны. Ленточки. Переливницы.

Зимними вечерами (фу, какой штамп, но если так было на самом деле?) я рассматривал довольно часто свою первую научно, по Плавильщикову, собранную коллекцию булавоусых чешуекрылых. Все бабочки размещались в энтомологических коробках, строгими рядами, на энтомологических булавках, под каждой идеально расправленной белянкой или нимфалидой, сатиrom или голубянской — четкая стандартная, опять же по Плавильщикову, этикетка. Ну, скажем так: «Желтушка шафрановая (*Colias croceus* Fug.) ♂ (обозначение самца). Окрестности г. Каменск-Уральский. VII. Лесостепь». И все это, понимаете, четким мелким почерком. Почерк же у

меня ужасный, пришлось отрабатывать. Тушью. На ватмане. Красота. Любовался коллекцией как произведением искусства. В моей голове теперь была четкая схема систематики дневных бабочек. И вот они, пусть не редкости, пускай не уникамы, на чей-то равнодушный взгляд и вовсе ерунда, детская забава, но для меня они были составной частью моего точного познания мира, его прекрасными эстетическими формами. И я уже любовался этими Ванессами Уртикае, Ванессами Л-альбум, Ванессами Полихлорас (красивницами обыкновенной, А-альбум и многоцветницей). Под стеклом и в строгом порядке они были, пожалуй, красивее, чем в природе. «Ну, подумаешь, разница, в каких-то два-три пятнышка! Эка невидаль!» — воскликнет некто. Говорите такое кому хотите, только не коллекционеру. Коллекционер есть человек увлеченный, а значит, преданный своему делу (хобби?) всецело и для того, чтобы создать полную коллекцию (чего) кого бы то ни было, добыть все виды-разновидности, установить их с точностью, не щадит ни времени, ни сил. Именно такая страсть к полноте собрания, точности, подлинности, отменному качеству отличает «чудака»-коллекционера от простых смертных. И я становился как будто таким коллекционером. Я вдруг почувствовал словно бы самый вкус собирательства и его, в то же самое время, затягивающую гарпагонскую трясиину. На занудных лекциях по методике преподавания, по школьной гигиене (был и такой предмет, а читал его вычищенный до стерильности, с безукоризненной фарфоровой челюстью старик-доцент Серебро!) я погружался в том профессора Плавильщикова, чтобы, возможно, в сотый раз и как можно точнее, запомнить, чем рыжая шашечница аврания отличается от сходно окрашенной шашечницы матурны, а перламутровка еуфросина (Ефросинья, если по-нашему-то!) от перламутровок ниобеи. Вместо познания грандиозности гениального учения педагога Песталоцци (да на черта он мне сдался!) я теперь грезил добычей редких бабочек, именно редких, с которыми мне так не повезло в первое и второе собирательское лето. Сидя на лекциях, я уже прикидывал, где буду искать махаонов и аполлонов, вспоминая свои излюбленные охотничьи места, лесные дороги, тропинки, речки, поляны, широкие приозерные луговины и поймы — редких бабочек можно было встретить там. Надо было только искать. Махаона я рассчитывал раздобыть скорее прочих. А вот подалирий? Или аполлон? Или аполлон мнемозина? Такого я что-то не замечал никогда, как не встречался и с тополевым ленточником или ивовой переливницей. Уж таких-то красавиц бабочек я бы непременно заметил, не будучи тогда еще и завзятым энтомологом.

В сотый раз читал у Плавильщикова: «П. кр. (значит, «передние крылья») с большими черными пятнами. З. кр. (значит, «задние крылья») с большими красными пятнами в черном ободке. 70-90 мм. Сосновые леса и перелески на песке (?). V—VII (значит май—июль). Аполлон».

Вот и все данные. В сосновых лесах аполлонов я никогда не видел. «Перелески на песке?» Почему «на песке»? На Урале нет никаких песков, кроме как у озер. Сосняки же, повторю, были, особенно вдоль Московского и Сибирского трактов.

Про другого аполлона — черного, или мнемозину, сведения были еще более противоречивы: «Кр. белые (почему тогда он черный?) с немногими черными и серыми пятнами, красных пятен нет. 52—60 мм. V—VI».

Вот и все. Но, несмотря на сверхкраткость описанного, я просто грезил этими бабочками. Определения знал-помнил наизусть и только ждал тепла, чтоб начать поиск. Забегая вперед, скажу, что новая весна ничем не одарила меня. Никаких редкостей, никаких аполлонов ни в мае, ни в июне не попадалось. И радовали меня только жуки (их я собирал попутно), когда, оснащенный всеми атрибутами энтомолога, я бродил в окрестностях города и в упомянутых сосняках. Никаких аполлонов. Никаких махаонов. Все попадавшееся было известно. Из белых бабочек летали только многочисленные горошковые беляночки, слабые, хлипкого вида мотыльки, да мелкие самки бабочек-аврор.

Разочаровавшись в поисках, я, однако, не прекращала брать с собой сачок и взял его даже тогда, когда по льготной студенческой путевке поехал отдыхать на турбазу — случай, вероятно, уникальный для прибывшего «туриста». На турбазе шла обычная (для нее и необычная для меня), вольная, отчасти и пьяная жизнь. Мы жили в палатках на два — четыре человека, занимались кто чем, вырвавшиеся из семейных уз крутили краткосрочную стремительную любовь, играли в волейбол, в домино, ходили в поход «с привалами». Я же, вечный отщепенец, никогда не вписывавшийся ни в какой коллектив — слово сие мне всегда противно, — все свободное от еды время (подумайте сами: завтрак, обед, полдник, ужин!) посвящал обследованию новых мест, чтобы убедиться почти с горечью: места новые, а бабочки старые, все те же, исключая разве один новый невзрачный вид рыжей шашечницы и одну мелкую бабочку — голубянку. Несмотря на название, она была ярко-светло-красной (самец) и буровато-невзрачной (самка). Я определил бабочку как червонец шавелевой. Мелких этих мотыльков в окрестностях турбазы было множество, но еще больше оказалось опасных весенних клещей (дело было в конце июня), от которых вполне возможно заразиться энцефалитом. Забота о здоровье (отноюдь в страхе — его тогда по молодости ЕЩЕ не было, как теперь нет по уже противоположной причине) выгоняла меня из лесу на более безопасные от клещей луговины вдоль речек. Тут же я и загорал после осмотра брюк и рубашки и удаления клещей — они все-таки туда забирались. Вот так однажды, загорая в одиночестве на берегу и шурясь на солнечную рябь мелкой речонки, я обратил внимание на крупных белых капустниц, пролетавших вдоль речной луговины взад и вперед. «Везде эти капустницы. Сколько их много», — думал я, следя за их полетом. Полет белых бабочек несколько отличался от обычного своей как бы неуклюжестью. «А почему тут капустницы?» — последовал вопрос самому себе. Ведь белянки эти привязаны словно к огородам и полям, но отноюдь не к лугу и лесу. Заинтересованный этим, я встал, взял сачок и, не прицеливаясь даже, небрежно махнул им по ближайшей небыстро летящей бабочке. Открыл сетку. Но... Что это?! В сачке вовсе не белянка, а бабочка, даже некрупная, с черными и серыми пятнами на общем беловатом фоне. «Да это же мнемозина! Черный аполлон!» — вслух вскрикнул я. И — вот она, первая редкость, попавшая в мою коллекцию тем памятным летом. Я поймал на лугу еще несколько этих аполлонов и прекратил ловлю. Их было тут много. Больше, чем капустниц! Странно? Да, странно. С тех пор нигде и никогда я этих бабочек не встречал, а добравшись лет пять назад специально на это же место — не увидел ни одной. Черный аполлон исчез. Впоследствии я узнал, что странные и редкие эти бабочки и распространены удивительно разрозненно и редко. Как бы «пятнами», и «пятна» эти не стабильны. Их, бабочек, можно встретить в относительном изобилии на какой-нибудь горе, участке луга, берега реки. Они не удаляются дальше, чем на километр-другой и в иных местах не попадают даже десятилетиями.

Аполлон черный совсем не пленил меня красотой. Капустница, пожалуй, ничем не уступает ему величиной и изяществом. Теперь, кстати, эта прежде обычная белянка стала также редкостью и словно бы вытеснена своими более мелкими и неприхотливыми собратьями. Но я гордился, что в моей коллекции все-таки появился первый представитель семейства парусников (подсемейство парнассиевые!). Парнассиус Мнемозина!

Судьба в то лето, очевидно, решила одаривать меня, или мой поиск редких бабочек сделался более настойчивым, изощренным? Почти в те же дни, лишь вернувшись с турбазы домой, я отправился благодатным теплым утром на свою любимую лесную гору в тридцати километрах от города. Гору я любил и знал с детства. Любил за просторный сосновый бор, одевавший ее, за склон, свободный от леса, но обильно заросший словно бы вечно цветущими травами, за отменных зябликов, — знатоки птичьего пения поймут меня, — что водились в опушке этого бора, за жу-

ков, изобильно попадавших тут на пнях, на цветах и просто так бегущих меж травяных стеблей. Жуки-усачи, странгалии, лептуры, бронзовки, жужелицы, листоеды, навозники и хрущи, — все жили-были-встречались-попадались тут, и без жуков я не мыслил бы живой прелести этой моей горы. Она всегда словно кипела жизнью, цвела ею, пахла пресным и жидким медом, пыльцой, пергой, нектаром, амброзией — дыханием молодого и как бы вечного лета, вечного счастья.

Я бывал на горе всякий год, и каждый раз она одаривала меня чем-то, от высыпков ранних маслят с хвонниками на суховато-липких шляпках до первых крепких груздков, горстей черники, чем еще... Просто видом и чутью своего лесного и словно всегда радостного рая. Я любил эту гору. И, когда добрался до нее снова, тотчас обнаружил с десяток огромных желтых махаонов, летавших вдоль опушки леса и садившихся на уже отцветающий дрок и рабитник. Поверьте, я совсем не жадничал, когда на выбор поймал трех бабочек: два ярко-соломенно-желтых самца и огромную светло-палевую самку. Бабочки летали тут, как тропические орнитоптеры, и я долго любовался ими. У меня никогда не было специфической коллекционерской жадности — «нахватать побольше и потом меняться». Никаких обменов я до странности не люблю и всегда ставлю рядом два слова: обмен и обман. Мне думается, они родственны и при каждом обмене какая-то сторона, коль не обе, обманывают друг друга. Пусть я ошибаюсь, но по жизненному опыту знаю, когда менялся, всегда попадал впросак. Но как бы там ни было, второй парусник, вторая редкость украсила мою коллекцию. Я мог уже гордиться. Вернулся почти триумфатором. С гордостью продемонстрировал добычу моей молодой жене, по-моему, не слишком разделявшей странноватое увлечение мужа, главным образом из-за этической и нравственной стороны. «Тебе не жалею их убивать? Пусть бы летали...» — «Да ведь они все равно через месяц — два пропадут!» — «Ну, тем более, жаль. Жизнь у них такая короткая». Почему-то тогда я еще не вдумывался в простую мудрость ее слов. Она все на свете жалела, все на свете живое любила любовью простой деревенской девушки, близко стоящей к самой сути природы. Не скажу, чтобы мне было приятно убивать пойманных бабочек, сдавливая пальцами через сачок, как рекомендовал профессор Плавильщиков. Утешался приведенным выше рассуждением: я не хищник, ловлю немного, бабочки у меня сохраняются надолго и тому подобное. Но совесть — моральный, нравственный ли закон внутри нас — все-таки тревожила и даже всегда тревожила. По молодости отмахивался. Бог с ними, с этими законами, когда так хочется собрать полную и, главное, научную коллекцию бабочек Урала. Утешало и то, что я никогда не свирепствовал, пойманную ненужную бабочку тотчас же отпускал: «Лети! Я даже радуюсь вместе с тобой. Лети. Пусть ты хоть в р е д н а я капустница, хоть репница. Лети!»

В то до сих пор памятное лето моя коллекция редкостей стала пополняться и еще одним путем. Я обнаружил, что в магазине «Наглядные пособия» продаются уже кем-то пойманные и прекрасно расправленные бабочки. Зачем это делалось? Для демонстрации детям красоты? Может быть. К тому же и бабочки были великолепные, редких видов. И не раздумывая долго, я купил там парусника подарил, которого не мечтал встретить на Среднем Урале. (Написано ведь у Плавильщикова: «Центр. Юг.») А подарил был нужен мне для полноты собрания. Я купил в магазине две бабочки, присоединил их к коробке с редкостями и, что самое главное, не испытал при этом вышеописанных угрызений.

Любуясь бабочками, я думал, что у меня теперь есть уже почти все редкости, кроме аполлона и тополевого ленточника, и уже есть чем похвастать перед знатоками (о, грешная страсть человеческая!).

Уже писал, что лето выдалось весьма удачное. Стояла ровная благая теплынь. Дни пасмурные чередовались грозами и солнцем, и если б все лето представить в красочном изображении (странное желание, постоянно преследующее меня с детства), то я написал бы большое и радостное

полотно из ясных розовых, желтых, серых, сиреневых, густиловых и снова нежно-голубых, золотистых, оранжевых и винно-красных тонов. Вполне возможно, такие мозаики родили в тот год окраски летних небес. Я люблю лето, как люблю и все времена года, но его поэзия схватывается труднее, она тоньше, она не лежит на поверхности, а скрыта как бы в глубине и в вышине, и только (хорошо писалось в старину) устремляя туда вдумчивый взор, можно ощутить, можно понять, можно и передать истинно бо́жью прелесть Божьего лета. Надо бы с «ятью» и в старой орфографии: Божьяго Лѣта! Заря-досветка. Синяя и голубая. Серебристая.. И зорька вполне ясная. Лучающаяся, розовая, легкая.. И солнце вполкрай. Холодное. Умытое. И день звонкий, ясный, бегущий, как новый трамвай. Лето. Газировка. Тонкие платья. Очертания юных ног. Мреющая жара. Томление. Вечный поиск. Мимолетность находки. Сожаление перед вечером. И снова заря. И, быть может, туча. Тучи. Гневный блеск. Дождь. Или без дождя. И ночная долгая, долгая заря. Лето..

Я продолжал ездить в лес. И, помнится, поехал на «мою» гору уже в июле, когда все цвело и жарко парилось, и уже другое было лето, с ромашками-поповником, белым-бело одевавшим склоны, и с желтым сухим погремком, с иван-чаем, малиновым и манящим. Другое было лето, и другие бабочки на цветах. Сатиры, толстоголовки, голубянки и, конечно же, перламутровки, шашеницы — «лесные бабочки», по определениям моего папы: рыжие, серые мелкопятнистые, среди которых мой искушенный и уже отточенный на определителе глаз должен был вылавливать новые и новые виды. С шашеницами и перламутровками было нелегко. Внешне все похоже, ну, чуть больше, чуть меньше, виды их различаются только после сверки испода крыльев с рисунком определителя. Его приходилось носить с собой, чтобы зря не губить бабочек. И вот таким образом я узнавал, что эта рыжая «лесная» — перламутровка таволжанка, эта, покрупнее — перламутровка аглая, эта — ниобея, эта — совсем крупная — большая лесная перламутровка, и еще более крупная перламутровка пандора. Звучит? Еще как звучит! А были среди этих рыже-серых, крапчатых, коричневых и вроде совсем одинаковых и цирцея, и галатия, и аталия, и селена, и агрипина, и даже мегера. Последние, правда, все из семейства бархатниц, которые я собирал как-то без большого интереса. И большую часть тут же выпускал.

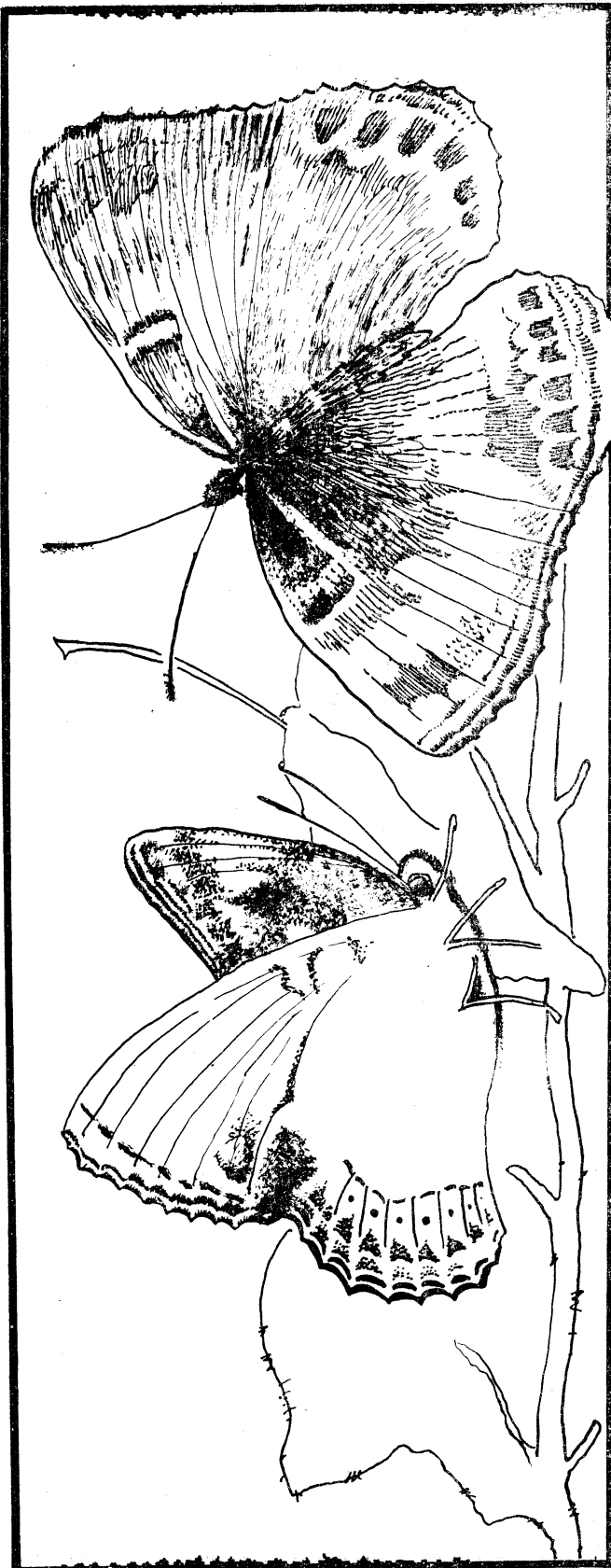
Так, бродя по опушке без большого азарта, я спустился к подножью горы. Начиналось лесное болото, и по краю его рос свежий магово-зеленый осинник, до дрожи смеющийся в этот ясный голубоглазый день. Я невольно залюбовался осинниками, этим главным лесным деревом, постоянно лепечущим даже в самый безветренный зной. Смотрел в небо над ними, как бы зеленеющее и розовеющее на склоне к вершине. Вдруг огромная, кофейно-коричневого тона бабочка с широкой сверкающе-белой перевязью точно спланировала откуда-то с вершин леса, сделав широкий свободный круг, пронеслась надо мной.

— Ленточник! Тополовый ленточник! — может быть даже закричал я, следя за ней жадным взглядом. Может быть, так именно, дрожа от восторга, выслеживали и великие натуралисты-открыватели своих морфо и орнитоптер! Я сразу понял, что это летала не просто одна из самых крупных и редких нимфалид нашей фауны, а еще и самка тополевого ленточника — редкость из редкостей! Совершив круг над опушкой, поднявшись ввысь до самых основных крон, бабочка вдруг сделала замысловатое скольжение в восходящих горячих потоках и, спустясь ниже, села прямо на листья осины метрах в полутора над моей головой. Я понимал, что если не поймаю бабочку сейчас, она улетит и больше я никогда ее, возможно, не встречу. Так бывает при встрече с красавицей, через секунды исчезающей навсегда в людской суете. Так бывает.. А редкость и есть редкость.. И, подбравшись к осине на самое близкое расстояние, я, как можно осторожно, поднял сачок. Бабочка, наверное, видела меня, но считала себя в безопасности, а такому прыжку, вероятно, позавидовал бы и чемпион. В прыжке я достал ленточницу и уже через секунду

держал ее сквозь ткань сачка. К сожалению, я немного повредил одно крыло бабочки, но все было пустяки в сравнении с радостью добычи. Не забудьте: это было сорок лет назад. Земля и Мир ее казались неисчерпаемыми. Им ничего как будто не грозило. Черпай и черпай. Руби и пили. Вывози и откапывай. Стреляй, добывай,— все без предела. И даже лучшим умам не лезли в голову мысли о столь скором и возможном оскудении природы.

Тот июльский день с золотыми и белыми к полудню облаками я запомнил еще и потому, что меня ждала впереди прямо-таки невероятная удача. Отдохнув на опушке, весь еще в возбуждении от редкостной находки, я решил перейти близкую железнодорожную линию, чтобы на открывающейся за ней болотистой луговине, плавно клонившей к реке, половить разных луговых бабочек, желтушек, голубянок и бархатниц — ведь луг и река — это уже другой биотоп, и там встречаются другие виды бабочек, не те, что приусти лесу и его опушкам. Все это я узнал постепенно и на собственном опыте. Я пересек насыпь, перешел довольно грязную черноземную дорогу вдоль линии и пошел уже кое-где обкошенным лугом. Копны свежего зеленого сена стояли на скошенных местах. Зато когда я вошел в еще не скошенное густо цветущее и кишашщее цветной жизнью разнотравье, впереди меня внезапно взлетел долгокрылый бойкий бекас и подальше неловко поднялся из травы, подлетел и упал в нее коростель. Я шел не спеша, выщупывая ногой кочки, стараясь и в сапогах не свихнуть себе лодыжки, подумывая о змеях, которых не раз видел на этой луговине. Когда идешь в густой болотной заросли, часто чудится, что под ногой у тебя вот-вот окажется серая юркая гадюка. Но страх этот чаще неоснователен. Змеи, если и есть, не ждут, когда вы на них наступите, и чем дальше идешь по болоту, скорее проходит это неприятное ощущение. Я уже приблизился к берегу реки, когда мое внимание привлек быстродвигающийся навстречу белый лоскуток, который, еще ближе, оказался бабочкой, настолько крупной, что я сразу понял — это не боярышница — самая крупная из белянок и к тому же в те годы очень распространенная. Сейчас, когда пишу эти строки, боярышница сделалась весьма редкой бабочкой, пожалуй, еще более редкой, чем настоящая капустная белянка. Большая белая была уже совсем близко. Она летела по прямой. И тут я узнал ее. ПАРНАССИУС АПОЛЛО! АПОЛЛОН! Надо ли повествовать, как кинулся я к ней с сачком наперевес и как поймал налету даже без большого труда. Бабочка, может быть, из-за своей огромной величины летала неvertко и куда как уступала стремительным лесным нимфалидам, на которых натренировалась моя рука. Дрожа от азарта и удачи, развернув огромные белые со слезяным блеском ее крылья, увидел черные и красные пятна в ободках. Убедился: аполлон! Совершенно точно. Что это был за день. День абсолютных удач? Как редко такие бывают в жизни. Или подошла именно такая ее полоса. Ведь жизнь полосата, как окраска африканской зебры. И не в этой ли ее окраске, в явлении черного и белого, темного и светлого, вся философия природы и бытия?

Парнассиус Аполло не входил тогда в Красные книги. Самой этой книги еще не предвиделось. И в голову никому не приходило: «ба-бо-чек» надо охранять. Скажу точнее: их никто не охраняет у нас и теперь, все это в лучшем случае на бумаге, но, слава Богу, немногие и интересуются бабочками! А исчезновение их объясняется совсем просто: земля, вода, воздух грязнеют и отравляются. Пространства распахивают, леса рубят, болота осушают, насекомых травят — они «вредители». Яды же действуют одинаково и на какую-нибудь озимую совку, и на клопа-черепашку, и на самую прекрасную бабочку. К тому же она ведь и редкая! За всю свою жизнь я только трижды встретился с аполлоном. Два случая здесь описаны, а третий был лет двадцать назад. Я стоял на окраинной трамвайной остановке. Было начало августа. Уже вечерело. И мимо меня пролетел, торопясь к дальнему лесу, аполлон. Может быть, только я и знал из всей толпы, стоявшей, скопившейся на остановке, что за редкость про-

мчалась мимо. Может быть, это и хорошо. Может быть, и совсем плохо.

В магазине наглядных пособий я купил для полноты коллекции европейских парусников и поликсену. Бабочка была невзрачная и отдаленно напоминала не то махаона, не то подалирия, не то желтушку из семейства белянок-пьерид. Иногда я даже думал, что это странный гибрид трех названных видов. Тройной гибрид? Почему бы и нет? Но, скорее, совсем не так: поликсена — бабочка более древняя, более примитивная и, скорее, от общих родственников с ней появились и махаон, и подалирий.

Как бы там ни было, в коллекции редкостей недоставало лишь бабочек-переливниц. По Плавильщикову, они не считались редкостью, однако, у него ведь и аполлон не был так обозначен! Переливницу ивовую — Апатура Ирис — я благополучно купил в магазине наглядных пособий. Крылья бабочки действительно обладали странным свойством: черно-коричневые, если б смотреть на них сверху, они загорались дивным голубым, электрическим пламенем, если смотреть сбоку. Светилось левое крыло, — взгляд справа и правое — взгляд слева. У меня теперь нет сомнения, что переливницы состоят, пусть в отдаленном, однако явном родстве с американскими бабочками морфо и с азиатскими орнитоптерами. Тогда я лишь угадывал такое родство и потому все лето искал бабочек на грязных лесных дорогах, где, по Плавильщикову, они были обязаны встречаться. О, грязные лесные дороги, с гниющими в них останками мостков, и хлеба, с кофейной и фиолетовой жижей, среди которой подчас струится, пересекая и уходя в траву, чистая родниковая жила! Здесь бегают прямо по воде мохнатые лесные мизгири, роятся мошки, спускаются деликатно пить, подбирая крылышки, как юбки, разнообразные бабочки и прежде всего голубянки. О, грязные лесные дороги, кто рискнул еще воспеть вас до меня! Разве что Набоков. Вот нахожу у него в «Других берегах»:

«Было одно место в лесу на одной из старых троп в Батово, и был там мосток через ручей, и было подгнившее бревно с края, и была точка на этом бревне, где пятого по старому календарю августа 1883 года вдруг села, раскрыва шелковисто-багряные с павлиньими глазками крылья и была поймана ловким немцем-губернером этих предыдущих набоковских мальчиков исключительно редко попадавшаяся в наших краях ванесса. Отец мой как-то даже горячился, когда мы с ним задерживались на этом мостике, и он перебирал и разыгрывал всю сцену с начала, как бабочка сидела дыша, как ни он, ни братья не решались ударить рампеткой, и как в напряженной тишине немец ошупью выбирал у него из рук сачок, не сводя глаз с благородного насекомого».

Как видите, страсти-увлечения могут переходить наследственно и даже не только наследственно. Отец (здесь уже мой) не раз повествовал, как ловил ту или другую редкую бабочку, а упомянутая ванесса (павлиново перо), по Плавильщикову — Ванесса Ио, встречалась в моем детстве отнюдь не редко. Встречается эта действительно благородная Ио и теперь. Слава Богу, еще встречается.

Переливницу тополевою я все-таки добыл не на грязной лесной дороге, а просто в перелесках под городом, и это уже было через год, когда вместе с этой последней редкостью вдруг начала убывать и затихла надолго — я думал даже навсегда — моя энтомологическая страсть и жадная тяга к булавоусым чешуекрылым.

Почему? Почему я не сделался фанатиком-энтомологом? Почему не посвятил все мои досуги, часы и дни бабочкам? Почему не открыл новые виды? Ведь если стараться и посвятить этому жизнь, я уверен, новые виды открыть еще удастся. Ну, почему не изъездил хотя бы нашу огромную страну в поисках редких и редчайших бабочек? Такие любители-коллекционеры есть, и я их знаю. Почему? Почему? Почему.. Одно из свойств моей натуры — не доводить никакое увлечение до мании. Тем более — мании грандиоза, в конце концов выдающей всю человеческую сущность. Я видел-знавал коллекционеров, буквально съеденных своим увлечением. Знал антикваров, заполнявших квартиры

старинной мебелью, часами, бронзой, фарфором, так что негде было повернуться, и от, наверное, дыхания этим тленом уподоблявшихся своим вещам, знал аквариумистов, превращавших жилье в аквариум и становившихся как бы рыбой-телескопом, знал птичников, у кого дом напоминал вольтеру, и везде пели, чирикали, щебетали, звенели дикие птицы и канарейки, знал нумизматов, отдававших последний грош за какое-нибудь «крупное серебро» или черную медь.

Все такие собиратели в конце концов превращались в то, что собирали: в книги, марки, в монеты, в ходячие музеи, и это было страшно. Я не хотел злого волшебства и потому ни одну свою страсть, в том числе энтомологию, не доводил до логического абсурда. К тому же в то лето, когда я поймал переливницу, судьба распорядилась мной отнюдь не лучшим образом, направив по окончании института в военное училище, суровую скуку которого мне так не хочется вспоминать. Стало не до бабочек. К тому же времени мы обзавелись детьми. Семья требовала расходов. Расходы — денег. Деньги — их трудовых поисков. Эти самые деньги и нужда довели меня как-то до того, что я всерьез решился на крайнюю меру — продать коллекцию. Научную коллекцию! Я полагал весьма наивно, что она представляла серьезную ценность. Но в пединституте, куда я ее предложил, на меня посмотрели, как на забавного чудака. Именно там, после разговора с людьми, рассматривавшими меня так, как бывалый доктор-психиатр, разговаривая при этом, заполняя карточку на привычно понятного пациента, я понял, что нашему деловому человечеству, да еще в моей «юной прекрасной стране», да еще в институте, поставлявшем (тогда!) в убогую догматическую школу таких же убогих, ничего толком не смыслящих в биологии, не знающих ничего, кроме тусклых учебников, горе-учителей, не нужны никакие коллекции, никакие чешуекрылые-жесткокрылые.

Я ушел из кабинета, где скучный человек скучно объяснил мне абсолютную ненужность моего увлечения. А скучные лица великого Павлова, великого Мичурина и великого Лысенко со стен аудитории лишь подтверждали его правоту.

Уж поверьте на слово, за всю свою жизнь, за девятнадцать лет ее, отданных школе, не встретил я там биолога широкого профиля. Я не встретил биолога, который на вопрос любого знатока дал бы безошибочный спокойный ответ. Ну, допустим, чем лунный копр отличается от шахтного копра, или чем пищуа одного семейства отличается от пищуа другого. Или, скажем, какие виды бабочек отличаются большей длиной своего тела (крыльев) по отношению к ширине. Я спросил, в общем, пустяк. Мне ответят, наверное: «Нельзя объять необъятное, нельзя все знать! И Вы тоже многого не знаете! И в биологии — тоже!» И я сдаюсь. Сдаюсь. Замечу только — ведь я-то не биолог.

А коробки с бабочками сначала перекочевали со стен в шкафы. Из шкафов в антресоли. С антресолей в кладовку на даче. Их постигла все та же судьба всех коллекций. Иссохли, увяли, развалились, потускли. Живы были, пожалуй, только воспоминания — вот хотя бы это: «Листва осин, жаркое небо и парящая в нем огромная бабочка с белой перевязью, в любой момент готовая улететь».

Я всерьез думал, что мое увлечение бабочками прошло безвозвратно. Его как бы заслонили другие дела, заботы и увлечения.

Парусники с Амазонки

Моя коллекция бабочек с Амазонки, кроме морфо, включает и сто двадцать видов парусников — все, что я мог собрать за одиннадцать лет пребывания в Южной Америке. Эти бабочки добыты и сохранены мной с таким трудом, что меня всегда тянет хотя бы немного о них рассказать. Они составляют лучшую часть коллекций, привезенных мной в Англию⁸. Я хотел бы сразу сказать, что за бабоч-

⁸ Генри Бейтс собрал 14712 видов животных. Это были млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, моллюски, насекомые. Около 8000 из них оказались новыми видами, в том числе бабочки.

ками я охотился, наверное, с большей страстью, чем за кем бы то ни было. К тому же амазонский лес и не открывает сразу никаких своих богатств. И я, и Альфред прекрасно знали, что на реке и в лесах живут крупные животные: тапиры, ягуары, пумы, водится множество цепкохвостых обезьян. Но никаких следов крупных животных здесь не обнаружилось, и за все время жизни на Амазонке я видел очень мало больших животных. Леса слишком обширны, а количество четвероногих слишком незначительно, к тому же они очень пугливы, чтоб попадаться на каждом шагу. Зато бабочки в Бразилии виднее всех. Можно сказать также, что и Амазонка с ее лесами это прежде всего страна бабочек. Прекрасные нимфалиды, данаиды и ласточкохвосты летают тут по бульварам и площадям городов, бабочки всюду порхают в парках. Иногда видишь такую красавицу, что захватывает дух, а она пронесется мимо и никто не обращает на нее никакого внимания. Мысль невольно возвращается к нашим бедным английским лугам и перелескам, столь скудным на этих существах.

Парусники и здесь, на Амазонке, имеют царственный вид и, конечно, выделяются величиной, формой крыльев, особенностью своего полета. Интересно, что среди них нет голубых, синих, интенсивно зеленых форм, как в Азии, а преобладают в окраске желтый с черным, коричневым, фиолетовый с красным и даже с черным цвет, разреженный лентами и перевязями. Часть парусников с Амазонки напоминает махаонов, но ярче, желтее и крупнее размерами, однако попадают фрячки, и совсем некрупные, и очень многие без хвостиков, и даже как будто подражающие в окрасках и очертаниях крыльев несъедобным вонючим бабочкам геликонидам.

Одним из первых бразильских парусников был мной пойман ликофрон. Это крупная ярко-желтая бабочка типичного для парусников вида с фиолетовыми и черными лентами по общему желтому тону. А за ним почти тут же я поймал небольшого, но очень изящного парусника гекторидес. Он был черный, с хвостиками, и через оба верхних и нижних крыла с угла наискось к туловищу были белые широкие перевязи. Бабочка походила на школьницу-гимназистку в парадной форме и очень понравилась мне своей легкой изящной красотой. Отметил я также, что гекторидес напоминал и многих африканских парусников.

Количество этих замечательных бабочек в Бразилии поражает, как потрясает обилие бабочек вообще. За одну лишь дневную экскурсию можно поймать 70—80 видов, из них пятнадцать — двадцать могут быть парусники, цифра ни с чем не сравнимая ни для какой тропической страны. Правда, парусники с Амазонки, быть может, не потрясают воображение сложностью окрасок и самой формой крыльев, не отличаются и гигантской величиной, как парусники из Африки и особо из Юго-Восточной Азии. Здесь, на Амазонке, нет аналогий орнитоптерам (орнитоптер как бы замещают морфо!). И тем не менее я наслаждался ловлей парусников, их изобилием и жадной открытостью новых видов этого, без сомнения, благороднейшего семейства дневных бабочек.

Бродя еще с Альфредом по окрестностям городка Парá в устье Амазонки, напоминающей здесь безбрежное море, мы, не углубляясь в лес, без усталости сачками, издавая возгласы радости и делясь впечатлениями от находок, как дети. Одна владела жадность натуралистов, наконец-то добравшихся до земли обетованной, до ее многочисленных новинок. После скудной на дневных бабочек Англии (всего шестьдесят с небольшим видов⁹) богатство добычи потрясало. Взмах сачком — и добываешь из сетки одну, а то и две ярких новых нимфалиды, взмах — и в сетке замечательный расписной нарусник, еще взмах — и совсем незнакомая полосатая, как зебра, и тоже хвостатая бабочка, которую терешься, не зная, как определить. Кто это? Парусник, нимфалида, данаида или, быть может, пьерида-белянка? Многие бабочки других семейств здесь имели

⁹ В Англии насчитывается 64 вида дневных бабочек, из них 3 вида семейства папилио.

крылья с хвостиками, и, наоборот, многие типичные папилио были без них. Попробуй, разберись. И все-таки наша коллекция парусников стремительно увеличивалась. Мы торжествовали.

Хочу сказать, что собирание жуков и ловля бабочек занимали меня в Бразилии больше всего. Всякое утро, если только не лил сплошной тропический дождь (дожди здесь сущее мучение, а особенно, когда наступает их период, и ливни идут беспрерывно, реки выходят из берегов, и на сотни километров побережье заливается водой), я, снаряженный более, чем просто — в Англии меня, наверное, приняли бы за бродягу и арестовали по королевскому указу — то есть в старой шляпе, защищавшей голову от тяжелого отвесного солнца, в грубых башмаках и латаных брюках отправлялся в поход с ружьем за спиной и сачком в руках. Из ружья добывал я только птиц и не раз стрелял по бражникам, приняв крупную эту бабочку (бражники здесь летают днем) за колибри, с которыми они удивительно схожи. В кожаном плотном мешке (для защиты от муравьев и термитов) я носил плотные коробки для крупных жуков и бабочек. В этих же коробках и мешках, да еще подвешивая их к потолку, я хранил сборы от тех же насекомых и еще от тараканов, которые здесь огромны и величиной превосходят крупного английского жука-плавуна. Тараканы эти мерзко хрустят, когда наступишь на них в темноте, и могут больно укусить, равно как и домовые пауки.

Обычно я бродил с рассвета до полудня вдоль берегов ручьев и речек, окраин болот. Я старался держаться опушек и тропинок, редких полян или мест на стыке леса с возделанной землей. Добыча была везде. В глухом лесу, в его сумеречной глубине бабочки почти не встречались, и я реже забирался туда, лишь в поисках жуков, ящериц и лягушек. Здесь, на упавших гниющих деревьях, я находил жуков, в основном усачей, златок, рогачей и жужелиц. Жуков в тропическом лесу надо искать очень тщательно — так сильно они мимикрируют, прячутся или просто сидят неподвижно на стволах и листьях, ничем не выдавая своего присутствия.

Что такое глубина амазонского леса? Это прежде всего духота, ощущение недостатка воздуха из-за парной атмосферы перегретой солнцем оранжереи, это запах разлагающейся листвы, опавших цветочных лепестков, иногда вонючий и дурманящий, это корни деревьев, крепостными контрфорсами уходящие ввысь, иногда голые, бледно-серые, иногда поросшие мхом и особыми мелкими папоротничками, это редкая трава или почти полное отсутствие зелени, когда по ковру опавшей листвы торчат странных форм белые и розово-красные грибы, подчас точь-в-точь похожие на заурядные английские поганки. Жизнь здесь сосредоточена в верхних ярусах леса, и потому я даже избегал заходить сюда. В таком лесу есть что-то опасное, гнетущее. Совсем не то ощущение у реки, особенно в местах, где песчаные белые косы тянутся на целые мили, и в отлив или в сухой период тут кипит самая разнообразная жизнь. На отмелях и в воде стоят цапли, гигантские аисты-ябиру, бегают разноцветные кулички, сидят на корягах птицы-змеешейки и ножеклювы. Из воды нередко выставляется бревновидное туловище черного каймана, а в заводях, сплошь заросших сквородками виктории и других водяных растений, плещутся и хрюкают гигантские рыбы арапаимы¹⁰. Арапаима всегда встречается на мелких местах и в заводях. Это странная и даже страшноватая рыба. Индейцы говорили мне, что она может глотать детей.

Ловить бабочек на пьесах, на грязи и мокром песке одно удовольствие. Они слетаются сюда тучами, даже какими-то сверкающими облаками. Особенно резко-яркие округлокрылые геликониды. От них идет кислый отвратительный клопный запах. И, похоже, этих бабочек никто не преследует. Один раз взяв геликониду через сачок, долго не можешь отделаться от ее запаха. Кажется, пахнут не только пальцы, но и рампетка, и вся одежда. От сидящей

¹⁰ Одна из самых крупных пресноводных рыб, обладающая свойством двоякодышащих.

где-нибудь на стволе геликониды пахнет на расстоянии до десяти футов (три метра). И все-таки я ловил их, привлеченный контрастирующей окраской из сочетаний черного, красного и палевого, хотя были геликониды и оранжевые с черным. Формой крыльев эти бабочки несколько напоминают искусственные поделки наших ювелиров, которые в споре у деревенских модниц, есть в геликонидях, в их легком полете, и что-то от стрекоз или поденок. Защищенные своим запахом бабочки эти не пугливы, и поймать их не составляет труда. Махнув сачком, я часто захватывал по три-четыре экземпляра. То-то запах! Но настоящий натуралист-собирающий не должен быть брезглив. Ведь часто насекомых, в том числе и великолепных жуков-навозников, афодиев, рогачей и хрущей,—находишь на помете животных, и на этот же помет спускаются подчас изумительные парусники и морфо.

На отменях Амазонки или ее притоков я мог ловить бабочек хоть целый день, но обычно занятие это прерывала гроза, надвигающаяся после полудня. К полудню зной и духота на реке достигали предела. Все словно бы раскидало в ней вплоть до твоей рубашки и шляпы. У реки дышалось отнюдь не легче и донимали комары. Гроза же накатывалась и разверзалась мгновенно, от нее мало спал зонтик, которым я укрывался. Ливень всегда был дикий, и перед ним все бабочки куда-то исчезали. После грозы на недолгое время приходила относительная прохлада, и я частенько купался, не заплывая далеко и избегая слишком тихих заросших заводей. В заводях водятся кайманы. Эти крокодилы считаются не опасными для человека, но все равно не хочется купаться, когда знаешь, что поблизости в воде лежит кайман. Вообще, купаясь в Амазонке, надо быть осмотрительным. Река очень глубока, местами течение крутит опасные водовороты. В заводях и на мелководье можно получить удар током от электрического угря, а бродя по воде, наступить на ядовитого хвостикола. Рыбы-пираньи, о которых я много слышал, не доставляли мне, правда, никаких хлопот, и я не видел кого-нибудь, укушенного ими. Самих пираний я ловил и могу сказать, что вид у этой рыбешки свирепый, а зубы способны перекусить небольшую палку.

Занимаясь ловлей бабочек на отменях, я заметил интересное явление: целый ряд бабочек разных родов имеет форму крыльев и окраску «под геликонид». Есть такие данаиды, пьериды-беланки, например, Лентофобия Памела, и даже парусники. Очень похож на крупную геликониду и парусник. К примеру, Папилио Асколинус, из других видов, явно подделывающихся под неседобных бабочек, будут Папилио Загреус и Папилио Бахус. Эти парусники не имеют хвостов, их крылья оранжевого тона покрыты коричневым узором под геликониду, и отличаются они лишь несколько большей величиной и, конечно, отсутствием запаха.

Прожив в Бразилии более десяти лет, я собрал огромную коллекцию амазонских бабочек дневных и ночных. Но должен признаться, что когда я сравнивал свое собрание с коллекциями Индо-Малайской фауны Рассела, азиатские парусники и орнитоптеры превосходили американских. Самые крупные бабочки Южной Америки морфо и каллио уступали в величине и потрясающей изощренности «оперения» орнитоптер. Но там, в коллекциях Рассела, было все определено: парусники — это парусники, нимфалиды — нимфалиды. В моей коллекции бабочки путались. Парусники, как я уже писал, были похожи на данаид и геликонид, геликониды на парусников. Было много нимфалид с одинокими, двойными и даже тройными «хвостами». Поймав такую бабочку, я часто гадал: не новый ли вид парусника в моем сачке? Мне так хотелось открыть побольше новых видов фрачников, но из-за этого пережил не одно разочарование. К примеру, поймав как-то коричневую бабочку с белыми продольными полосами на верхних и нижних крыльях, я на сто процентов был убежден — это новый вид папилио. Каково же было разочарование, когда своего «нового» парусника я нашел в определителе среди нимфалид, им была Марпезия Орзилохус, бабочка, чаще встречающаяся в Венесуэле.

Надолго запомнилась мне еще и ловля на Амазонке прекрасных и, может быть, красивейших среди чешуекрылых бабочек-ураний. Урании, как известно, не относятся к дневным булавоусым. Это бабочки из особого семейства ночниц, но летающих днем, а также и ночами. Распространены они только в тропиках. Форма крыльев и внешний вид их удивительно напоминает парусников. К тому же, садясь, они не складывают крылья домиком, «крышей», как настоящие ночные бабочки. Скажем так: урании — это «ночные» парусники. Большинство видов их имеют на задних крыльях хвосты или даже несколько «хвостиков». Окраска ураний блещет золотом по черному фону. Они расписаны будто очень тонкой кистью, косыми линиями, причем, Великий Художник, проводя эти линии, всякий раз обмакивал свою кисть то в золото, то в бронзу, то в серебро. Мне запомнилась перелет этих бабочек в северном направлении через реку. Урании летели стаями, лишь на секунды присаживаясь пить на влажный песок, но не смешиваясь с кишевшими тут желтыми, цвета серы, голубыми и коричневыми бабочками других видов. Это была одна из самых красивых — Урания Лейлус. По виду совершенный ласточкохвост, фрачник, черный с золотисто-бронзовой росписью, как у европейского парусника подальрия, а длинные черные «хвосты» были еще оторочены белым.

Самые красивые представители семейства ураний живут на Мадагаскаре. Их я видел в коллекции Рассела¹¹. Они похожи на Уранию Лейлус, но крупнее, ярче и окрашены по нижним крыльям в золотые и серебряные тона по черному фону.

Мои коллекции бабочек с Амазонки пополнялись, однако, менее быстро, чем коллекции жуков. Жуков здесь было множество от крохотных перистокрылок до гигантов в пять дюймов. Особенно много попадалось ярко окрашенных и богато скульптурных рогачей, навозников и златок. Жуки, личинки которых питаются древесиной, преобладали. Почти на каждом поваленном дереве я находил при внимательном его обследовании богатые сборы. Жуки прекрасно мимикрируют, прячутся в поросли ползучих папоротников, присасывающихся к таким стволам, маскируются среди мелких орхидей и бромелей. Вначале я не умел так ловко находить жуков, как делают это индейцы, но постепенно научился. Жуков на поваленных деревьях нужно искать и с осторожностью. Из-под ствола всегда может ужалить прятаясь там ядовитая змея, паук-хищник или сколопендра.

А парусников к концу моего пребывания на великой реке я научился добывать и на приманки из полураздавленных загнивших бананов особого сорта, издающего аромат наподобие дешевых сортов одеколона. Сам я этот запах выносить был не в состоянии, по-моему, он тошнотворен, но бабочкам, и особенно фрачникам, этот сорт закуски (или выпивки?) нравился необычайно. Особенно большие уловы бабочек семейства папилио я делал в верхних Амазонки, куда проникали виды уже горные и вообще не встречающиеся в среднем течении, например, великолепный черный парусник Папилио Аристеус с двумя слою бы языками пламени на верхних крыльях. Здесь попадался не менее крупный и еще более прекрасный Папилио Клеотас, очень маленький, но предельно расписанный черным, белым и красным Папилио Агавус, красивый Папилио Асканиус и множество других ингда весьма удивительно, иногда даже очень скромно окрашенных парусников. Я заметил также, что больше всего бабочек на Амазонке встречается в сухой сезон, то есть когда дожди перепадает не часто, а раз в 3—4 дня. И бабочки благоденствуют. Это их время. Их видишь всюду, мелькающие цветные лоскуточки — самое заметное на опушках леса и у реки. Сухой сезон здесь никогда не бывает засушливым. За все время на Амазонке я не помню, чтоб более двух недель держалась погода без дождя. Неделя и то редкость. Зато в сезоны дождей (на Амазонке их два!) вода льется с небес, наводя на мысль о потопе, и тогда наступает райское время для рыб и земноводных, а насекомые за-

¹¹ Имеется в виду, по-видимому, Урания Рифеус.

метны реже. Но и во время периодов дождя всегда бывают перерывы, которые я торопился использовать для своей охоты и находил в это время бабочек, которые несвойственны сухому сезону. Скажу в завершение — дельному натуралисту на Амазонке некогда скучать. Он всегда занят, и находки его безграничны.

Тейнопалпус и Бутанитис

— Ты знаешь, Генри, кого я жду сегодня к обеду? — прямо с порога, приветствуя меня, объявил Рассел. При этом он так радостно улыбался, что я не мог не сказать себе, до чего этот человек, уже переваливший за семьдесят, мог сохранить в себе совершенно детскую способность к удивлению и неподдельной радости. — Я пригласил господина Свенсона, который совсем недавно вернулся из путешествия в Гималаи! Представляешь, Генри, он был в Непале, в Бутане, Ассаме и в Индии! Был в Пенджабе у гуркхов, шерпов и сикхов. Он вернулся живым и здоровым и привез замечательные коллекции из этих таинственных районов! Мне сообщил об этом мистер Стивен, хранитель энтомологического отдела Британского музея. Он говорил, коллекции поразительные! Свенсон демонстрировал их во время своей лекции в Королевском обществе.

— Ах, Генри, — продолжал мой друг. — Ты просто не представляешь, как хотел я в молодости попасть в Гималаи и в этот удивительный Тибет. Но... К сожалению. Ты помнишь нашу бедность. Наши жалкие сбережения. Ведь даже поездка на Амазонку представляется сейчас чистым авантюризмом. А в Гималаи... Тогда?..

— Не этот ли Свенсон — автор очень дельной работы по горным дневным бабочкам Палеарктики?

— Тебя ничем не удивишь, Генри. Именно он!

— Тогда это интересно вдвойне. Он ведь ездил в Россию, был на Алтае, Тянь-Шане и Памире. Кажется, забирался и в Тибет.

— Да. Это очень знающий человек. Превосходный энтомолог и путешественник.

Разговаривая, мы вошли в столовую.

Слуги уже сервировали стол. Был светлый пасмурный день поздней английской осени. В столовой топился камин, и уютно пахло углем, хотя для гостя камин сегодня топили дровами. Великолепные отблески дрожащего пламени желто и розво отражались на столовом серебре, на фамильных расписных тарелках с видами замков графства Кент, развешенных по стенам. Столовая у Рассела была отменная, отделанная с большим вкусом и благородной стариной. Как все англичане, Рассел любил старину, добротные вещи и отличался разумной бережливостью, которая странно сочеталась с его неукротимым духом, напористостью и щедростью. В столовую из кабинета, а также из гостиной вели резные двери мореного кентского дуба, камин был отделан деревом, и в тон ему были большие напольные часы в дубовом футляре, с расписным саксонским маятником. Повторю, Рассел умел обставить свое жилище, и это также одна из черт этого замечательного характера. Меня чаровала его способность любить вещи, быть как-то неназойливо бережным и бережливым в отношении с ними. И я замечал, что вещи также очень любили своего хозяина, платили ему редкой взаимностью. Рассел не был сребролюбом. По понятиям своего времени он был даже небогатым человеком. У него, насколько я знал, имелось очень небольшое унаследованное состояние да несколько тысяч фунтов дала продажа его коллекций — имею в виду только дубли, привезенные с Малайского архипелага. Кое-что он зарабатывал на своих лекциях и книгах. Он, однако, умел извлекать из своих средств ту умеренную роскошь, которая бывает доступна лишь спокойным, трезвомыслящим, хорошо сбалансированным людям. «Бедность без долгов — зажиточность», — часто любил повторять он. Я был, пожалуй, богаче его, но, как ни странно, жил беднее и, бывало, прибегал к корыстной помощи кредиторов. Может быть, Рассел просто умело подбирал служивших ему людей. Их было всего четверо: кухарка,

горничная и двое слуг, один из которых считался дворецким, а второй исполнял обязанности конюха, кучера, дворника и помощника Рассела по саду. Это были простые, хорошо воспитанные и преданные своему господину люди. Рассел очень ценил их, заботился о них и ни за что не расстался бы с ними. В отношениях со слугами он был очень прост, обходителен и ласков, как вообще со всеми, с кем общался, но никогда не замечал я в ответном отношении слуг к Расселу и тени панибратства. В этом доме все устойчиво стояло на своих местах. Слуги обычно копируют своих хозяев, — или такие подбираются? Они были рачительные, умеренные, спокойные и работающие. Не представлялось даже, что кто-то из них мог разбить фужер или сверскую тарелку, в то время как моя кухарка то и дело колодила даже саксонский фарфор, а готовила весьма приблизительно и словно нехотя. Я не сказал об одном качестве Рассела, его чудовищной работоспособности. Еще до раннего чая¹² он был уже на ногах. Для разминки с утра уходил в свой чудный сад, в теплицу с ботаническими редкостями, возился с огородом и так до ленча. После он работал в кабинете до вечернего чая, затем гулял или опять возился в саду до обеда. После обеда читал, встречался с друзьями, ужинал с ними и ровно в полночь, а если недомогал, то на час раньше, ложился спать. Спал он только шесть часов и всегда, смеясь, говорил, что не страдает бессонницей. Я старался подражать ему в его размеренной жизни, отлаженной, как часовой механизм, но очень скоро понял, с моим характером и темпераментом все это непосильно. Я предпочел жить своей жизнью несколько более безалаберной, но также достаточно удобной. Если б только не подводило здоровье. Подорванное лихорадками, оно становилось хуже и хуже. Болезни часто укладывали меня в постель. А Рассел даже болеть не умел. Я никогда не видел его лежащим, даже во время недомоганий. Он умел побеждать и тут. И я не замечал, чтобы болели его слуги. Все они были отменно здоровые люди. А Рассел к тому же был неплохим врачом, его диагнозам я доверял больше, чем докторам, лечившим меня.

Вот почему, выкуривая у камин свою трубку, я с удовольствием наблюдал за хлопотами у стола. Это были, пожалуй, не хлопоты, а достойное спокойное дело.

Казалось, Рассел понимал мои мысли, потому что молча, с улыбкой смотрел на меня. Он так умел улыбаться, словно бы не лицом, а душой. И этой улыбке я, наверно, был обязан нашим близким знакомством, когда мы еще жили в Лестере и служили, я — клерком в фирме Оллсопа, а он — учителем английского языка в Лестерской гимназии. Еще тогда совсем молодыми людьми мы втроем, я, мой младший брат Фред и Рассел, увлекались энтомологией и все воскресные дни проводили в лесу, на пустошах и болотах, собирая бабочек и жуков и строя свои планы поездок на Амазонку, в Африку и на Малайские острова.

— Послушай, Генри, ты что-то редко стал приезжать, — выговаривал мне Рассел. — Без тебя я чувствую себя таким одиноким. Мне уже не хочется ходить одному в лес или за окаменелостями. Пожалуйста, приезжай чаще. Мне постоянно не хватает тебя, дружище.

— Ведь частый гость становится врагом хозяина, — возразил я пословицей.

— Но ты, старина, во-первых, не гость, а во-вторых, есть и другая восточная пословица: «Где гость — там удача!» Да, кстати, сейчас должен быть Свенсон. Он швед, а шведы никогда не опаздывают и, говорят, никогда не торопятся. Я пригласил его к пяти... И... — Рассел достал серебряный брегет, отщелкнул крышку. — Без пяти минут...

В это время послышался шум колес экипажа и лай собак в усадьбе.

— Что я говорил?! — Рассел поднялся с кресла и поспешил навстречу гостю.

Вскоре он вошел в столовую со Свенсоном. Это был узкоплечий, тощий человек со светлой сероватой шевелюрой и такой же с проседью бородкой, в очках-пенсне, делавших удлиненное лицо несколько холодноватым, если не

¹² Обычай англичан пить чай в 7 часов утра и часто в постели.

высокомерным. Ростом он был ниже Рассела, но Рассел — гигант и, значит, высокого роста. В руке он держал саквояж, который, осматрившись, поставил у камина.

Мы познакомились. «О! Я знаю вашу книгу «Натуралист на Амазонке!» — промолвил гость, на что я не преминул ответить, что знаю и его работы по бабочкам горной Палеарктики. Кажется, это сразу растопило показную чопорность гостя. Он сделался проще. Да и как мы могли — трое натуралистов, столь долго странствовавших по свету, быть равнодушными друг к другу и тратить время на пустопорожние правила высокого тона? Рассел пригласил в кабинет, где также горел камин и было еще уютнее, чем в столовой. Мы сели в кресла, и опять Свенсон захватил свой саквояж, казалось, он боялся с ним расстаться. Свенсон не курил, а потому опустился в кресло, предложенное хозяином, и некоторое время осматривал кабинет. Это была очень уютная средних размеров комната с двумя окнами в сад, письменным столом, диваном, двумя креслами по обе стороны камина, отделанного мрамором, и с фламандским пейзажем на противоположающей от окон стене. Вблизи письменного стола под стеклом и в ящичках красного дерева размещались драгоценные экземпляры охот Рассела: бабочки орнитоптеры и морфо, коллекция жуков с Целебеса и жуки-голиафы, расписанные зебровым рисунком.

— У меня есть для вас презент, господин Рассел, — медленно и торжественно произнес Свенсон. По-английски он говорил прилично, лишь с более растянутым произношением и большей твердостью согласных, свойственной иностранцам. — Не откажите принять в дар вот это. — Он достал из саквояжа две плоских полированных коробки. Они были различной величины. В той, что была приблизительно в три раза больше первой, помещалась коллекция отменно расправленных и препарированных бабочек с белыми и в основном полупрозрачными, наподобие кальки или пергамента, крыльями, испещренными полосками и кругами черных, серых, красных и даже синих пятен. Это были редкие горные бабочки — аполлоны различных видов. Во второй коробке были только две бабочки, достаточно крупных, примерно до четырех дюймов в размахе крыльев (одна была меньше), очень странной расцветки, как бы повторяющей узоры малахита или яшмы коричнево-серых благородных тонов. У той бабочки, что была крупнее, нижние крылья оканчивались тройными хвостиками, и по облику она была похожа на папилиониду.

«Да это же редчайший вид!» — про себя подумал я, но не успел ничего сказать, ибо Свенсон меня опередил.

— Эта пара бабочек, господа, конечно же, Тейнопалпус Импералис, подвид Гималакус Ротшильд. Я дарю их вам, господин Рассел, в честь нашего знакомства. А здесь, — указал он на большую коробку, — различные аполлоны, в их числе две бабочки еще не описаны. И, конечно, — тут он с торжеством блеснул стеклами своих очков, — известная вам, господа, редкость из Гималаев Бутанитис Люддердала!

Только тут я заметил, что в большой коробке рука Свенсона прикрывала крупную и словно бы странно растянутую в стороны темно-коричневую бабочку с желтым тонким зебровым рисунком верхних крыльев и тремя хвостиками на каждом нижнем крыле, украшенном глазчатыми пятнами. Бабочка походила на два сложенных вместе пропеллера.

— О-о! Драгоценный бутанитис! — воскликнул Рассел. — И тейнопалпусы! Не правда ли, господа, на крыльях этого самца словно бы горят два буддийских костра?! — указал он на меньшего из двух тейнопалпусов в отдельной коробке, где желтыми язычками пламени действительно светились два равномерно расположенных огонька. — Вы знаете, господа, — продолжал Рассел. — Я всегда удивлялся тому, как бабочки подходят к стране и даже континенту, где они водятся. Разве наши простенькие сельские английские желтушки не в тон пустошам и перелескам? Разве голубянки не в тон речкам и ручьям, а бархатницы — нашим сырým лугам? Разве морфо не гармонируют с чудовищной по красоте и мощи формации амазонского леса, как орни-

топтеры — вообще ни с чем не сравнимым дебрям Новой Гвинеи? Заметьте, господа, бабочки Африки как бы отражают цветную сухость этого континента, а бабочки Малайзии и островов Зунда их пышную влажность. В Японии водится небольшой парусник Папилио Макилентус, честное слово, он такой японский, как будто сошел с их странних, рисованных на шелке картин. Честное слово, господа, эти бабочки, — он указал на тейнопалпусов и коробку с аполлонами и бутанитисом, — донельзя горные, тибетские, именно тибетские. Мне кажется, они должны были летать в саду у далай-ламы. Ну вы поглядите, какая таинственность в цвете у тейнопалпусов! Дневные бабочки, а расписаны, как ночные сатурнии! Правда, они напоминают сатурний, Генри? И эти аполлоны тоже. Господа? Вам не приходила мысль, что аполлоны — это переход от сатурний к дневным бабочкам и, в частности, к парусникам?

— А урании? — возразил я. — Урании еще больше похожи на парусников?

— Урании, на мой взгляд, и есть парусники, только ночные, я включил бы их как особое подсемейство в папилио! — с важностью сказал Свенсон.

— А я что говорю, Генри? Я согласен с господином Свенсоном насчет систематики ураний, но я говорю о переходе от сатурний к парусникам! Ведь даже пугают эти бабочки так же — валяются наземь и трепещут крыльями! Но тейнопалпусы! — продолжал восхищаться он. — Все тайны востока и Тибета зашифрованы в их крыльях! А эти бесценные аполлоны! Среди них я вижу Аполлон Император! А вот этот маленький аполлон, должно быть, Парнассиус Акко?! Сердечно благодарю вас, господин Свенсон! Я чувствую себя вашим должником! Вы словно угадали мои тайные желания — ведь такого бутанитиса, наверно, нет в Королевском музее, а тейнопалпусы — это несомненный гималайский подвид!

— Господа изволят пройти в столовую. Все готово! — доложил старший лакей.

Мы двинулись в столовую, где уже ждала нас супруга Рассела, и разместились за большим обеденным столом. Я уже отмечал, что он был всегда идеально сервирован. Рассел и его жена были большими знатоками в раскладке всех этих приборов, ножей, вилок, салфеток, фужеров и рюмок.

Кухня у Расселов состояла всегда из простых, но вкусных и отменно приготовленных блюд. Даже самый обычный печеный картофель его кухарка умела приготовить так, что он становился чертовски вкусным, а поданный в серебряной фольге, напоминал изысканные яства. Равно вкусными были и цветная капуста, и спаржа, и зеленый горошек, — все свежайшее и не с рынка, а из огорода усадьбы, детища рук Рассела. Он наконец утвердился в постоянном жительстве, ибо раньше никак не мог найти подходящего места и строил дом даже в старой заброшенной каменоломне. Конечно, Рассел был эксцентриком, как многие истые англичане, но жить в каменоломне дольше трех лет не сумел. Там было место для отшельника, но не для его горячей деятельной природы. Лишь теперь, получив от правительства Гладстона еще пожизненную пенсию, он построил этот дом в 50 милях от Лондона в прекрасной местности и, кажется, был доволен.

Подали рыбу и легкое белое вино. Хотя хозяин, я знал, всем винам предпочитал родниковую воду, да изредка хорошее шотландское виски или грог. Вода была и здесь в хрустальных запотелых графинах.

Мы принялись за обед, в промежутках которого Свенсон посвятил нас в свое дальнейшее путешествие.

— Вы знаете, господа, побывать в Гималаях было моей, пожалуй, еще детской мечтой, — заговорил он. — Я жил, а точнее, родился в Сконе, самой равнинной провинции Швеции, и одному всевышнему известно, почему я так любил даже небольшие горы и холмы. Я всегда любил лезть по горам, карабкаться по скалам, добираться до вершин, испытывая при этом, наверно, те самые чувства, какие ведомы одним альпинистам. Мое юношеское увлечение — энтомология. Я был самым страстным собирателем бабочек и жуков, какие, наверно, встречаются только изредка.

(Мы переглянулись. Судьба всех натуралистов, не исключая нашего великого Чарльза, была паразитально одинакова. Все начинали как коллекционеры-любители и, главным образом, собиратели бабочек и жуков.) Это увлечение пробудилось во мне очень рано,— продолжал Свенсон.— Вместе с мечтами о путешествиях. Я собирался посетить тропики, но больше всего меня влекли горы, горы и только горы. Так получилось, что в шведских и норвежских горах я находил и более редкие виды бабочек. Да хоть тех же аполлонов! Я склонен думать, господа, что это реликтовые бабочки, оставшиеся нам как наследие Ледниковых эпох, и они всегда связаны с альпийскими ландшафтами, хотя первых аполлонов я ловил по берегам рек. Но реки, берущие начало в горах, ведь тоже следствие ледников. Итак, мечта моя, казавшаяся недостижимой, была Гималаи. Возможностей же, прямо говоря, никаких. (Мы с Расселом снова переглянулись.) К сожалению, я не принадлежал к обеспеченным людям, и мне пришлось потратить два десятилетия для того, чтобы накопить денег и сделать свою мечту осуществимой. (Этот Свенсон рассказывал нашу судьбу с той разницей, что я и Рассел рискнули отправиться в свое совместное путешествие на Амазонку почти нищими, надеясь зарабатывать на жизнь пересылкой бабочек, жуков, чучел птиц и сбором орхидей.) Итак, я наконец получил возможность отправиться во главе небольшой экспедиции из трех человек, считая меня самого, сначала в Индию, в ее северные штаты, а затем и дальше, в Непал, Бутан и Сикким. Надобно признать, господа, те двадцать лет, какие я упомянул, были потрачены не только на приобретение состояния. Я не сидел сложа руки. Во-первых, я подробнейшим образом изучил по картам маршрут будущего путешествия до возможных мелочей. Во-вторых, я собрал все, что смог достать по географии и биологии Южных Гималаев, а в-третьих, я прочитал и, точнее, проработал весь материал по жесткокрылым и чешуекрылым Тибета, Китая, Непала, Бирмы и самой Индии, ибо здесь встречаются и гималайские виды. Но самое сложное, господа, было проникнуть в Непал. Это княжество абсолютно закрыто для иностранцев, и для того, чтобы получить разрешение на въезд, мне пришлось основательно заняться буддизмом и выдавать себя за ревностного последователя Гаутамы. Я изучил также кое-как собранный словарь шерпов, чтобы иметь возможность объясняться, и, кроме того, мне просто весьма повезло, что я смог почти беспрепятственно передвигаться по этой стране, донельзя дикой, своеобразной и не тронутой цивилизацией. Мой интерес к монастырям, знание буддийских сутр и языка располагали ко мне прежде всего лам, а, значит, и население. Половину времени в Непале я провел на подворьях монастырей, но я не жалею об этом, ибо помимо того, что побывал там, куда были закрыты двери европейцам, я, пожалуй, глубже понял суть учения Будды и, наверное, в значительной степени теперь разделяю его заповеди.— Свенсон усмехнулся и обвел нас взглядом, в котором уже не было того чопорного высокомерия, какое присутствовало при первом знакомстве.— Я провел в Непале три года и около года в Бутане. Я видел примитивную жизнь людей на грани биологического существования, чему способствует еще и кастовая разобщенность, как в Индии. Это закрытый мир. Люди не знают ничего, кроме своих гор, их жизнь полна самой жестокой борьбы за существование, за то, чтобы иметь простейшую пищу, жильё, обогрев. Я питался такой пищей все эти годы и, кажется, надолго утратил вкусовые ощущения. Но главное!— Тут Свенсон принял вдруг вдохновенный вид и даже снял свои очки-пенсне.— Главное, господа, осуществилась моя мечта — я видел Гималаи. Я был в них. Еще в Индии я видел эту страну, эту стену гор на северном горизонте и думал, что вижу котель богот. Это потрясающая горная страна, равной которой, по справедливости, нет в мире! (Я-то думал, что такая страна есть. Это Кордильеры и Анды! Но не стал опровергать Свенсона.) Это страна, которая кажется бесконечной как вдаль и вширь, так и в высоту. Она нацелена в небо, точно пытается уйти в него и соединиться с ним. И соединяется, господа! Потому что тучи в период муссонов

буквально скрывают купола гор, а поднявшись туда на 2—3 тысячи метров, в заоблачные, чувствуешь себя словно в райских долинах. Тучи внизу. Ты почти ходишь по ним. Земля скрыта, а на альпийских лугах солнце, летают бабочки, поют птицы и такое безлюдье, как на Земле до человека. Он словно не нужен здесь. Сначала меня охватывало здесь дикое одиночество. Никого. Никому нет дела до тебя. Ты можешь беспрепятственно идти, хоть на Эверест, хоть в Тибет, хоть остаться тут среди лугов и поднимающихся в небо скал или погибнуть — до тебя нет дела никому, кроме Бога. Такого одиночества, как в Гималаях, я никогда и нигде больше не испытывал. И в то же время я не испытал большей радости от находок. Здесь всюду летали бабочки. Хотя они явно принадлежали к знакомым семействам и даже родам — они были все-таки иные. Вам знакомо это чувство, господа? Чувство открывателя новых видов? Когда, взглянув в сачок, видишь, что в твоих руках совершенно новая, никем еще не описанная и не пойманная до тебя бабочка: белянка, желтушка, нимфалида, а тем более — парусник! Правда, позднее я понял, что до высоты в 2000 метров поднимаются бабочки из Индии, а также некоторые формы из Тибета, с той стороны, с севера, хоть та же репейница. Она вездесуща! Но все-таки, как человек, осуществивший свою мечту, и как энтомолог, я был глубоко счастлив.

Я стремился в Гималаи прежде всего не как альпинист, как натуралист-энтомолог. Меня интересовали дневные бабочки, а из ночниц — сатурнии. Я ставил перед собой и зоогеографическую задачу, куда все-таки относится Непал по своей фауне — к Индо-малайской области или к Палеарктике? (Оговорюсь, пришел к выводу, что это особая подобласть Индо-Малайзии.) Но природа страны так очаровала меня, что я не мог не наслаждаться ею и как художник, как созерцатель. Поверьте, господа, это глубочайшее счастье — созерцать горные вершины, то розоватые в свете утренних лучей, то кристально-холодные и безжизненно-синие, когда из-за них крадется ночь и над ними горят ледяные, ужасные звезды. Звезды здесь потрясают! Ночи холодны. И чем выше в горы, природа становится все суровей, но это не северная суровость, это какое-то странное приспособление южных форм к более суровым условиям обитания. Здесь лианы вьются по скалам, а на скалах иногда сплошь или крупными гнездами цветут орхидеи. Мхи здесь явно южного типа, так богаты, а некоторые моноподиальные орхидеи имеют стебли много выше моего роста!

— Это, конечно, ванды?! — воскликнул Рассел, с блестящими глазами слушавший рассказ Свенсона.— Вы можете описать их цветы? (Рассел был большим любителем орхидей.)

— Конечно. Это пестрые пятнистые соцветия, которые идут прямо из стебля и свешиваются вниз. Кисти очень большие и напоминают стайки сидящих бабочек. Кроме того, мне попадались ванды с лазурными цветами. Они были не так крупны и росли на толстых деревьях. В Гималаях орхидеи встречаются даже на соснах, на дубах... Их много на мшистых скалах, у ручьев. Многие орхидеи здесь имеют яйцевидные бульбы, очевидно с запасами питания, или какие-то довольно крупные луковички, из которых выходят по одному, два листа. Я не ботаник, господа, но могу сказать, что в Гималаях орхидных множество и очень много великолепных лилейных, диких тюльпанов, диких роз, нарциссов, флора здесь еще ждет исследователей и садоводов. Она прекрасна. Среди моих спутников был один ботаник, и он не уставал восхищаться своими находками. Я могу познакомить вас, мистер Рассел. Он бывает в Англии и довольно часто приезжает в сад Кью.

В это время слуги подали сыр и десерт, и на некоторое время рассказ Свенсона прервался. Мы воздали должное яблокам и сливам из сада хозяина. Честное слово, если б Альфред не был путешественником и натуралистом, он был бы великим садоводом! У этого человека был столь многоцветный талант ко всему, за что он брался. Приходилось поражаться, как разнообразно он одарен и какую огромную работу успевал делать. Он трудился в своем ботани-

ческом саду, где, как я уже говорил, собрал до тысячи видов редких растений. Он успевал описывать свои странствия по Малайским островам. Он писал статьи в защиту эволюции, которую обосновал и разработал независимо от Дарвина, но великодушно признал приоритет Чарльза и всюду защищал его от злобных нападок консервативных профессоров и богословов. Он писал статьи по зоогеографии, этнографии, ботанике, энтомологии, орнитологии, философии! Я не упомянул, что Рассел был еще и оригинально мыслящим философом. Пусть я не разделял его взгляды, близкие к взглядам индийцев о переселении душ и веренище превращений, я восхищался его смелостью в построении картин Мира.

— Друг мой,— говорил не однажды Рассел.— Вот ты часто рассуждаешь о исходе, о том, что жизнь коротка и так жаль с ней расставаться, а я скажу тебе, что жизнь вечна, а смерть всего лишь мгновенный переход к новому бытию (ведь время на момент перехода исчезает), и нет в природе ничего мертвого, все живет. Даже в распаде заключена жизнь. Такая мысль неизбежно приходит в джунглях, и разве она не приходила к тебе, когда видишь, как из погибшего древесного великана растут семь пальм, папоротники, орхидеи и мхи, а на погибшую ящерицу набрасываются жуки и муравьи, а прекрасная бабочка откладывает свои яички на чей-то еще теплый помет. Все живет, друг мой, и нет неживой природы. Живет почва, живут скалы, превращаясь в камни и песок, живут кристаллы (индийцы считают их первой формой сознательной жизни!), живут растения, грибы — иногда я, ей-богу, думаю, что под их шляпками размещен какой-то разум! Ты не задавался понять, как и чем думают растения? Как они определяют свои сроки роста, цветения, плодоношения, образования новых побегов, допустим, если повреждена верхушка? Уж я не говорю про разум животных. Разве, общаясь с ними (Рассел самозабвенно любил собак и кошек), ты не получаешь наслаждение от мысли, что общаешься с думающими существами?

И вот сейчас, занятый обедом, я не устал наблюдать за своим другом и любоваться им. Я всегда любовался Расселом. Он представлялся образцом человека, образцом мужчины, образцом англичанина и образцом натуралиста. Весь его облик говорил о доброте, знании, человечности, мужестве. Его светлые, начавшие седеть волосы были еще густы. Глаза сквозь очки смотрели зорко, от могучей фигуры шло дыхание силы. Несмотря на его семидесятилетие, он никак не отождествлялся со стариком. Такие люди словно не стареют духовно, тем более физически.

Закончив обед, мы перешли в гостиную, и здесь господин Свенсон продолжил свой рассказ о путешествии в Непал и Бутан.

— Господа, представьте, что Гималаи разочаровали меня отсутствием эндемичных видов парусников! К парусникам, наверное, как и вы, я чувствую страстное тяготение. Ради них я готов был на любые лишения, ради них, возможно, и стремился в Гималаи, и вот — разочарование! Парусники в высокогорных долинах были индийских видов. Папилио Кришна, Папилио Гектор, Папилио Парис — бабочки, согласитесь, изумительно прекрасные, но, к сожалению, уже описаны. Я и не предполагал, что эти жители теплых дождевых лесов проникают в горы так высоко. Словом, на высоте в 2000 метров я не открыл ни одного нового парусника. И тогда я решил искать новых бабочек выше. Кстати, собирая насекомых вблизи селений шерпов, мы встречались с неприятным удивлением местных жителей. Мы жили сами, как кочевники, в легких палатках и нигде не задерживались подолгу. Мы обходились без проводников — в горах ориентироваться было несложно.

Постепенно мы поднялись до высоты в 3000 метров, и здесь начиналось царство аполлонов. На альпийских лугах и в перелесках из гималайской сосны эти белые бабочки летали в изобилии. И я отвел душу. Чаще прочих попадались в сачок крупные, но известные и в Палеарктике Аполониусы, не так редок был великолепный Аполлон Император, Аполлон Чарльтона и совсем маленький, похожий на капустницу, Аполлон Акко. И все-таки я добыл несколько

ко аполлонов, которых уже не мог определить, как ни старался. Это новые виды или формы Аполлона Сцехени, а может быть, Аполлона Автократора, известного более из Афганистана. Здесь же я поймал несколько парусников из редкого рода дабаза, известного и в Северной Индии, но не часто встречающегося и там. Желтый Дабаза Пойена был похож на бумажный китайский змеек. А когда я поймал Дабаза Диас с совершенно малахитовыми крыльями, мне на секунду показалось, что это редкостный Тейнопалпус Импералис. Но я ошибся и был разочарован. Тейнопалпусов же не встречалось нигде, хотя я искал их повсюду. Места, где мы остановились, поражали красотой. Это словно была воистину господняя обитель: скалы, водопады, влажная яркая зелень лугов, цветы, совершенно кристальный воздух и небо, в котором, казалось, вот-вот увидишь парящего ангела,— все было великолепно, господа. Но дышать с непривычки было уже тяжело — сказывалась высота, особенно, когда погнавшись за какой-нибудь яркой бабочкой, ты чувствуешь вдруг звон в ушах и головокружение, а грудь, словно разрываясь, ищет воздух. Один раз я даже свалился, тело отяжелело. Но все-таки и на этой высоте постепенно адаптируешься, грудь начинает дышать легче и появляется чувство здоровья, чистоты и какой-то пранической, что ли, силы! Может быть, высоту, на которой ты находишься, постоянно и невольно сопоставляешь с еще большей и безмерной уже высотой вздымающихся в неприступном отдалении ледяных вершин. К вечеру здесь быстро холодеет. Солнце исчезает за горами. Закаты необыкновенны — все оттенки розовых, красных, сиреневых и фиолетовых полос. Звезды вспыхивают мгновенно, и расположение их непривычно для северянина. А ночи холодны и полны звуков, совершенно неведомых и непонятных. Слышны завывания волков, рев-мычание яков, какие-то свистящие и шипящие звуки, может быть, их издают птицы. Утром опять просыпаешься от гомона птиц, но прохлада стоит долго, и пока не обсохнет роса, бабочки почти не летают. Они начинают летать ближе к полудню, а в пасмурные дни не показываются. Аполлоны же летают только в самые жаркие часы полудня. Солнце здесь безжалостно, и мы обгорели на нем немилосердно.

И все-таки, господа, я нашел тейнопалпусов, когда стал охотиться за бабочками не на лугах, а в сосновых перелесках. Я обратил внимание на крупных темных бабочек, круживших над вершинами сосен или стремительно несущихся словно бы по ветру. Они не снижались и не опускались к земле. Но, зная повадки парусников, я подозревал, что на водопой бабочки все-таки спускаются после полудня и ближе к вечеру. Так оно и оказалось! Возле одного из ручьев, бегущего в каменных плитах, я обнаружил ровное местечко, усыпанное мелкой шоколадного цвета галькой. Отмелю хорошо пригрело, и здесь я поймал первого существовавшего с вершин тейнопалпуса. Этому экземпляру я был рад, как младенец новой игрушке. Я любовался им. Он был рыжевато-коричневый и расписан яркими желтыми мазками. Следом за самцом на водопой прилетела самка. Она была совсем другой тональности, много крупнее, и ее серо-коричневые крылья отливали серебром. Ее нижние крылья имели по пять хвостиков. Она была осторожна, и я еле дождался, когда она сядет на песок у ручья. Я подкрался со всеми предосторожностями и накрыл ее. Тут, у ручья на песке, мне каждый день попадали тейнопалпусы, но главным образом самцы, ибо самок я поймал всего трех, и одна из них в той коробке.

Поскольку коробки остались в кабинете Рассела, мы лишь снова представили, как сияла и переливалась словно бы присыпанная серебристо-золотым тальком бабочка, казавшаяся выточенной из агата или нефрита. Самец много проигрывал самке по красоте.

— Если бы не эта отмель,— продолжал Свенсон,— я вряд ли поймал бы даже одного тейнопалпуса — бабочки летают исключительно высоко и быстро. Здесь же, в перелесках и кронах сосен, я заметил и еще одну странную бабочку. Она была крупнее, и на высоте летала странным качающимся полетом — представьте себе, господа, некий двойной листок, который, сорвавшись с дерева, колыхается

в воздухе, однако не падает и не опускается, а как бы сам собой то поднимается выше, то стоит на одном месте, будто в раздумье, то вдруг уходит в кроны деревьев и там исчезает. Перебрав в уме всех крупных бабочек Непала и Индии, я пришел к выводу, что это может быть только Бутанитис Люддердаля, одна из самых красивых и загадочных бабочек в лесу. Я читал, что он встречается и в Северной Индии, и в Ассаме, и в горных районах Бирмы, и даже в тропиках Южного Китая, но встретился с ними в Непале. Бабочка не просто редка — ее редко кто видит, ибо она житель вершин, дальних гор и горных круч, заросших лесом. Эту странную бабочку, однако, знают и в Тибете, и в Индии, потому что используют в знахарской медицине. Бабочка обладает довольно сильным приятным запахом. Может быть, это свойство помогает бутанитису находить нары? Или самок? Спускаясь к земле, бабочка совершенно прячется. Я никак не мог заметить, куда она садится, и хватался за сачок, когда бутанитис внезапно улетал. Лишь зная места, где он спускается, и обходя их с сачком наготове опять-таки после полудня, я наконец поймал эту красивую капризную «зебру». Крылья бутанитиса, несмотря на коричневый тон и полоски, просвечивают, как у стрекозы, а яркие пятна-глазки на нижних крыльях не бросаются в глаза. Бутанитис совершенно по-стрекозиному взмывает вверх и в сторону. Но, зная его повадки и в результате терпеливого поиска, я поймал несколько этих редкостных красавцев, — Свенсон замолчал.

— Позвольте мне, господин Свенсон, в память о нашей встрече преподнести и вам мой небольшой подарок! — воскликнул Рассел.

Он отправился в кабинет и вернулся с ящичком красного дерева.

— Это вам, — сказал он, подавая его Свенсону. В ящичке была пара чудесных бабочек, несоизмеренных по величине.

— О-о! — вскричал швед. — Вы дарите мне Орнитоптеру Ротшильда?! Я чрезвычайно признателен... Такая роскошь и красота!

— Не думаю, господин Свенсон, что я должным образом отблагодарил вас, но все-таки рад сделать вам приятное. Эта пара орнитоптер — одна из трех, привезенных мной с Новой Гвинеи.

Мы долго еще сидели в гостиной у Рассела, вспоминая эпизоды охоты за редкими бабочками. И больше говорил Свенсон, оказавшийся, что бы не сказать больше, словоохотливым. Это было трудно предположить для шведа. Шведы считаются скупыми на язык.

— Гималаи, как всякие высокие горы, — говорил он, — интересны тем, что в них может встречаться множество редких эндемичных животных, каких не встретишь на равнинах. На каждой горе и в каждой долине могут быть эндемики и реликты. Однако я думаю, что число оригинальных мест обитания для животных в горах так велико, а горы так громадны, что потребуются не одно столетие, чтоб исследовать их подробно. К тому же передвижение в горах страшно утомляет. Завидуешь бабочкам и птицам! В горах надо родиться. Впрочем, то же самое можно сказать о любом биотопе: саванне, степи, джунглях, тайге, — Свенсон посмотрел на меня и Рассела. — Я всегда поражался вашему здоровью и мужеству, господа. Прожить столько лет в джунглях, на этих Малайских островах, на Амазонке и выдержать это десятилетиями. Это невозможная выносливость для европейца, по крайней мере, для меня, северянина.

— Сегодня и мне так сдаётся, — засмеялся Альфред. — Но вы знаете, мистер Свенсон, от чего я больше страдал на островах Индонезии?

— Так от чего же? От москитов, пиявок? Жары?

— Нет, друг мой. И вы, наверное, сейчас согласитесь. Я, во-первых, страдал от невозможности объять необъятное. Столько красот и тайн оставалось за бортом! Я страдал оттого, что не могу перенести всю эту красоту сюда, в Англию. Взять хоть тех же бабочек. Те же растения! Господи, сколько красивейших видов растений я так желал бы взять с собой! Вот сейчас, когда светопись делает

такие успехи, а изобретение братьев Люмьеров¹³ дает надежды снимать и показывать картины мира, я думаю, если б можно было все это заснять в красках и показать ничего не ведающим людям?!

— А во-вторых?

— Во-вторых, я ужасно страдал от дождей, хотя дождь в джунглях и в тропиках, наверное, проявляет их красоту. Какие муссонные синие тучи! Какие молнии! Какое буйство грозов! Но я был обречен на безделье, и это вывело из себя. Бродить по джунглям в дождь для собирателя — дело безнадежное, к тому же мокр, как рыба, как лягушка, а результаты равны нулю. Правда, иногда, измотанный бездельем, я выбирался на экскурсии за жуками. Это были в основном скудные сборы. Чаще я приносил найденные орхидеи или какие-то еще растения. Но иногда удача улыбалась нам. Вода выгоняла жуков из укромных убежищ, из гнилых деревьев, и так мы собирали великолепные экземпляры рогачей, навозников. Как-то нашли несколько экземпляров жука-слона... Однако я заболтался.

Рассел умолк и начал поправлять поленья в камине. В гостиную подали старый коньяк, сыр, ликеры и кофе.

— Друзья мои,— сказал Свенсон, принимая с подноса кофе.— Ведь вы позволите считать вас моими друзьями? Натуралист счастлив, забываясь в немислимые дали и делая замечательные открытия. Но все-таки, все-таки он больше всего счастлив, когда возвращается домой. Это и есть главное счастье. Недаром одна восточная поговорка гласит: пуститься в путь — наша воля, а вот вернуться — воля Божья!

И мы согласились со Свенсоном, попивая кофе в уютной гостиной моего друга. Только дома ждет человека истинное счастье.

ВОСПОМИНАНИЕ СЕДЬМОЕ: тропические бабочки

Лет семь назад я приехал в Москву и по обычной своей привычке прямо из аэропорта Домодедово отправился на известный всей Москве птичий рынок, который иногда и, по-моему, не для москвичей именуют еще Калитниковский. Особенность ли это России или царицы-глупости, но так часто у нас все простое делают сложным вместо того, чтоб сложное делать простым. Был, например, в моем детстве лечивший от всех болезней аспирин,— стала теперь «ацетилсалициловая КИСЛОТА». Вот из-за смены названия и лечит теперь хуже. Какая-то «ацетиловая», еще и «салициловая», и кислота к тому же. Был обыкновенный «марганец», стал «перманганат калия»? Вот и думай. Спросите коренного москвича: «Как проехать на Калитниковский рынок?» Пожмет плечами.— «А на «птичий»? — «Так бы и сказали!» И охотно тотчас расскажет, где надо сесть на метро, доехать до Таганки, а там, выстояв долгую очередь на маршрутное такси, до самого, может быть, странного места в Москве, напоминающего типичную толкучку-барахолку, и рынок, и вертеп, и Ноев ковчег одновременно. Господи-боже! Что творится тут в субботний-воскресный день! Лай собак. Писк котят. Кукареканье петухов. Стукотня-свиристенье канареек, чавканье попугайчиков. Возгласы продавцов: «Голубчика, голубчика кому?», «Трубочник, трубочник! Выдержанный!», «Малинка мелкая. Малинка!», «Лучший витаминный корм для всех рыб!», «Водоросли, пожалуйста!»

И на прилавках, в людской толчее: Коряги вываренные. Песок аквариумный. Кактусы. Раковины. Окаменелости. (Где их только берут?!). Камни шлифованные и необработанные. То бишь — ми-не-ра-лы! Черепахи. Ящерницы. Ужи. Полозы. Лягушки квакши и жерлянки. И рыбки, рыбки, рыбки. Всех размеров, форм, расцветок. Голубые, синие, желтые, красные, черные, полосатые, крапчатые. Особо крабы. Пресноводная креветка похожая на плавающего таракана. И самые тараканы. Огромный кубинский, напоминает жука-плавунца. Сидит неподвижно. Один уже ест

другого. Или так они спариваются по своим тараканьим законам? «Индийский поющий сверчок». Сидит в клеточке что-то черное, полосатое, страшное. «Мадагаскарский поющий таракан». Вроде большого кузнечика. (Возгласы проходящих, главным образом, женщин: «Вот погань-то! Еще и поет!», «Нехватало еще их, поющих их!», «Да. Паеду вот летам в степь. Навлюю сранчи. Буду прда-вать па питерке! Х-ха-ха.») «Рыбки кому? Рыбки! Вместе с банкой. Всего — рубль. Улиточек, пожалуйста...» Продавцы тут интереснее товара. Такая коллекция типов. И Чехов, помнится, Антон Павлович, не брезговал, описал такой рынок, тогда он был на Трубной. «На Трубе». Типы замечательные. И Дуремара тут, продавца лечебных пивков, встретишь, прямо с сачком и с банками, и Карабаса — только торгует Карабас водорослями, и с ним в помощь этакая бойкая бесстыже раскрашенная толстуха, один глаз на товаре, другой успевае подмигивать. Есть дохловатого вида, изношенный без предела мужчина — знаток, не вынимающий изо рта сигарету. Есть и пропитый, прокуренный, просушенный лагерьми и пересылками, в синих наколках некто, продает что-то ворованное для аквариумов. Сипит: «Бери, Иван, с военного завода... Все крепкое».

Словом, по своей коллекционерской привычке находил я тут бездну новостей и удовольствий, ну, разве пройдеши мимо человека, по виду — доктор наук, кандидат как минимум. Академическая борода (еще бы шапочку академическую, да молод пока), взгляд познавшего высшие истины. Продае кактусы. Четкая, хорошо обозначенная цена. На вопросы возможного покупателя отвечает с досадой, оторвавшись от чтения (читает едва ли не Канта, не Фихте-Гегеля «Критику чистого разума»): «Там все написано!» И снова в чтение, подняв умную бровь. Вот так-с!

Так, разглядывая товар, продавцов и покупателей, наткнулся я однажды на вове нежданное. Невысокий человек с умными, а ирониию даже, глазами продавал в коробке под стеклом бабочку. Бабочка была невероятная: яркая, отличающаяся по черному бархатистому фону золотом и серебром. Узкие полоски. Хвостики на задних особо ярко расписанных крыльях. «ТРОПИЧЕСКАЯ!» — ахнул, догадался я. И тотчас спросил: «Сколько?» Бабочку эту я выторговал за десятку (стоила двенадцать, и я сперва не взял, но, одумавшись, поспешил исправить ошибку. Сколько раз было так: пожалеешь лишнюю рублевку, а потом скребет досада. Надо было купить. Надо было.) Ушел с рынка счастливый. Теперь у меня была настоящая тропическая бабочка! С какой предосторожностью вез ее домой! Как воевал, чтоб не сдать в самолетный багаж (дипломат мой был тяжелее какой-то дурацкой нормы: 5 кг!). И все-таки привез бабочку целой. С чувством триумфатора явил домашним.

Был «взрыв восторга». Очень красивая! К тому же оказалось, что это Урания Рифеус и что она относится «к красивейшим бабочкам мира!» Так сказали мои кой-какие справочные книги. И еще я нашел, что бабочка эта с МАДАГАСКАРА! Про ураний читал и раньше у Пузанова, знал, что это бабочки ночные, но летают и в сумерках, и днем. Распространены в Африке, Южной Америке, на Мадагаскаре. По виду напоминают парусников. На нижних крыльях «хвостики». Окраска темная с золотыми и серебристыми полосами и пятнами. Около ста разновидностей. Красивейшие встречаются на Ямайке, Мадагаскаре, в Юго-Восточной Африке. Купленная Урания Рифей наглядно подтверждала все сказанное. Я любовался ею много дней. И что это за свойство первой коллекционной покупки? С первой птички-чирковки на всю жизнь овладела мной любовь к певчим птицам, с первой марки «Перелет через Северный полюс» — к филателии, с первой книги «Хождение по мукам», купленной на студенческие копейки, страсть к книгам, с первой опунции — к кактусам, с орхидеи — к орхидеям. («Не слишком ли много?» — сурово спросит кто-то.) Не слишком, не слишком. Объял бы весь мир, да прав Козьма Прутков. Но с первой тропической бабочки опять ярким пламенем разгорелось мое давнее увлечение насекомыми, и я сделал новый шаг к познанию и собиранию бабочек.

¹³ Кинематограф.

Уже ясно знал, что нельзя объять необъятное, я выдвинул из него формулу: «Лучше объять лучшее». И решил специализироваться на этом лучше, изучив бабочек самых редких, ценных и красивых. А это в первую очередь семейство парусников, или кавалеры. Они же Папилиониды — *Papilionidae*. Попутно я решил, что не повредит и познание бабочек морфо, а из ночных — сатурний и ураний. Сказано — сделано. Но прежде всего найти литературу по этим бабочкам. Теперь, не раздумывая, я отправился в ту самую публичную имени Белинского. В ту самую, где когда-то из-за Зои Григорьевны и почти тюремного режима не стал читать даже профессора Пузанова. Перерыв весь систематический каталог, убедился, по парусникам, ураниям, сатурниям, морфо — ничего нет. НИЧЕГО НЕТ! Морозное дыхание времен сталинщины-лысенко-мичурина ощущалось и тут. Тут можно было найти «Справочник по вредителям огородных и садовых культур», книгу «Вредные и полезные насекомые в сельском хозяйстве», «Непарный шелкопряд и монашенка — вредители сосновых лесов». И дальше все в том же, таком же плане: «Вредители, вредители, вредители!» Больше ничего. Никаких там ожидаемых мною: «Бабочки мира». Еще лучше бы: «Красивейшие бабочки планеты». «Бабочки Амазонки» или «Бабочки Южной Америки» (Африки! Индии! Новой Гвинеи!). Ничего такого. Ничего не было. Тратить бумагу. Вот если бы их собирал товарищ Сталин! Или если бы все они были вредителями! Так расшифровывалось убожество каталога. Был, правда, ветхозаветный Брем в разделе «редкие книги» и был Биологический словарь, справку которого процитирую: «ПАРУСНИКИ (*Papilionidae*) семейство дневных бабочек. Крылья в размахе у европейских видов 4—10 см. У некоторых тропических до 25 см. Задние — с «вырезанным» внутренним краем и не прилегают к брюшку, часто с выростом в виде хвостика. Окраска яркая, разнообразная; золотисто-зеленые, золотисто-голубые и желтые птицекрылы (род *Ornithoptera*) — одни из самых красивых бабочек. Для мн. видов характерен половой и сезонный диморфизм (это значит, самки и самцы выглядят по-разному, а те, что вывелись весной или во второй половине лета, в тропиках в сухой или дождевой периоды, отличаются по размерам или даже окраске). Св. 530 видов (более точно, свыше 600), большинство в тропиках; в СССР — 35 видов, в т. ч. аполлон, махаон, подалирий и др.» «И др.» — подумал я, покидая каталог и направляясь в иностранный отдел, где на просьбу найти мне альбомы-определители или каталоги тропических бабочек, очень умного вида девушки-библиотечарши, бойко стучавшие меж собой по-немецки, посмотрели на меня, как на забавного эксцентрика и хуже того. И тогда, проклиная весь этот дубовый консерватизм, почти отчаявшись, я решил обратиться в Институт биологии Академии наук! Почему-то один мой знакомый, любитель певчих птиц, считал, что все, работающие в Академии наук, — академики. На мой смех даже оскорбился, закричал: «Так он же в академии наук! (речь шла об общем знакомом). Раз в академии — значит, АКАДЕМИК». Подходя к серому, внушающему некое почтение зданию в глубине ботанического сада, испытывал некоторое сомнение. Вдруг там действительно все такие уже академики?! Как оказалось, к счастью, люди были хорошие, даже подвижники, не академики, доброжелательные, открытые и, главное еще, знавшие меня. Может быть, мой вопрос дать мне систематику парусников удивил их. Их ведь тоже (кажется и по сей день!) заставляют заниматься вредителями, вредителями, вредителями плодовых и ягодных культур. А этот писатель всегда слыл чудачком. Но мне после долгих поисков нашли таки канадскую брошюру на английском языке и даже щедро дали домой на целый месяц. «Эжен Монро. Классификация семейства парусниковые (Дневные бабочки). Энтомологический институт. Оттава. Канада». Я был счастлив. Наконец-то у меня полный перечень всех видов семейства парусников и даже их четкая систематика. Наконец-то я узнаю, сколько их в мире, какие они, где водятся, чем различаются. И прочая, прочая. Зачем-то мне

стало это жизненно необходимо. И весь январь, погруженный в сладостное состояние ПОЗНАНИЯ, я переписывал брошюру в общие тетради, просил дочь, владеющую английским, перевести кое-что, а многое стереотипное понимал и без перевода («Не надо переводчика, — сказал Остап. — Я уже как-то начал понимать по-бенгальски»). Парусников, по Монро выяснилось, имеется до 700 видов! Виды ведь разделяются на подвиды и формы. Отсюда неточность видового количества. У Монро я вычитал, что все виды делятся на две большие группы по центрам распространения. Первый центр лежит в Юго-Восточной Азии, второй — в Южной Америке. Отсюда и главное богатство видов. Индия, Бирма, Гималаи, Малайзия, Индонезия, Новая Гвинея, Северная Австралия. Здесь живет подавляющее большинство видов парусников. Африка уже много меньше — нет и ста видов. Северная Америка небогата — видов 40. Европа — все можно сосчитать по пальцам. Южная Америка — опять много, но из другого центра развития.

Систематика! Что за тайное очарование скрыто в тебе, и зачем так старательно я вписывал в тетради, что семейство парусниковые делится на 3 подсемейства: барониевые, аполлоновые и собственно парусники? Зачем я так тщательно усваивал, что каждое из них делится на трибы — объединения родов, например, аполлоновые, или парнасцевые (аполлоны) и зеринтиевые. А подсемейство собственно-парусниковые на 3 трибы: лептоцирцины, папилио и тройдесовые. А дальше надо было знать и довольно четко каждый род. количество видов в нем. И какие это виды! Я словно бы становился богаче. «Я знаю теперь всех парусников мира!» — горделиво красовалось в душе великое заблуждение. Знать всех парусников в мире только Господь-бог, творивший их со всеми формами-вариантами, да еще разве что человек-фанатик, с младенчества посвятивший себя этим бабочкам. А есть ли такие? «Есть многое на свете, друг Горацио...»

Но я благодарен Монро и тем, кто мне его дал. Ориентироваться в мире парусников мне стало гораздо легче. Но теперь встал очень четкий вопрос: «Где почитать их всех? Повидать воочию?» Пересмотрев все свои книги по тропикам и животным, а их, книг, немало, я мог составить зримое представление примерно о сотне видов. Остальные неизвестны.

Может быть, посетить музей? Мысль не раз приходившая и не раз отвергавшаяся.

Дело в том, что я посетил музей, и еще двадцать лет назад там была одна-единственная плохонькая коробка «Тропические бабочки», кое-как реставрированная добротогом-краеведом, и несколько лучшая коробка — «Жуки». Я помнил, что произвела на меня впечатление только одна голубая бабочка, видимо, морфо, как величественное произведение Ювелира-природы, а все остальное под стеклом требовало внимательства того же Ювелира. Идти в музей было незачем.

Но судьба была благосклонна ко мне в период поисков, как говорят на телевидении и в кино — видеоряда. Я зашел в книжный магазин и заметил там довольно странное издание — Каталог Киевского музея Академии наук. В числе их был Зоологический каталог, открытый который, я увидел заснятую в цвете коллекцию парусников. Там было не менее ста видов прекрасных тропических бабочек, жаль только, уменьшенных в размере, так что разобрать выданные подписи на этикетках было не везде возможно. Я купил каталог и опять пришел домой в состоянии восторга. Еще бы! Целых сто двадцать видов парусников! По крайней мере, шестую или пятую часть списка я мог теперь ясно представить. Я наконец увидел, кто такие орнитоптеры, тройдесы, атрофанеуры, графиумы, трогоноптеры, баттусы, дабазы, тейнопалпусы, зеринтии, аполлоны, лептоцирцины. Все это разные роды семейства папилио. Коллекция, как я понял, была у киевлян давняя, может быть, дореволюционная. Такую, думалось, ныне никак не собрать и ни за какие деньги — ведь в ней были даже Орнитоптера Виктория (самец и самка!) и Орнитоптера Ротшильда.

Ряд бабочек я не мог определить. Надписи не читались. И тогда я послал в этот Киевский музей письмо, которое

мог написать лишь фанатик. Я попросил прислать мне обозначения всех бабочек, сфотографированных в каталоге на цветной таблице. К моему удивлению, ответ пришел. Сотрудница отдела благодарила за отзыв о каталоге и любезно прилагала список видов, оформленный чьей-то, явно ученической, рукой.

Что ж, спасибо. Огромное спасибо, уважаемая сотрудница Киевского музея Академии Наук. Вы даже подтвердили, что коллекция тропических бабочек, заснятая в каталоге, была привезена в Россию профессором Караваевым «более 90 (!) лет назад». Караваев — основатель музея, и для сбора бабочек выезжал за границу. (Все это при «ужасающем царском режиме».) Сообщала сотрудница, что в музее хранится около 20000 тропических бабочек. Самая крупная коллекция в Советском Союзе! Стороной я узнал, что фондам музея досталась и еще одна коллекция фанатика-собираателя. Он собрал несколько тысяч экземпляров, сам занимаясь сбором бабочек (отечественных) для магазинов «Наглядных пособий». Может быть, именно от него вошли в мою «научную» коллекцию парусник подальний, переливница ивовая и переливница Шренка. Коллекционер менял тропические виды на отечественные и собрал таким способом крупнейшую коллекцию. Он тратил, как говорили звавшие его, на бабочек последний грош. Ходил чуть ли не оборванцем. Конец коллекционера был печален и почти выдуман — он подскользнулся на арбузной корке, упал, сломал позвоночник и умер. Коллекция же оказалась в музее.

И все-таки киевский каталог не дал мне полного и реального представления о семействе папилио. Ну, хорошо! Теперь у меня есть изображения примерно двухсот видов папилио. А где же взять еще четыреста с лишним?! Сотрудница музея писала, что «специалисты пользуются для определения бабочки книгой Н. J. Lewis. «Butterflies of the World» Лондонского издательства, то бишь «Бабочки мира». Но где было взять этого Левиса?! Где увидеть еще четыреста парусников?

Для кого-то мой вопрос покажется смешным. Зачем? Каких-то ба-бо-чек? «Ну, и не увидишь, так что?» Я выражаю таким людям свое глубокое... непочтение. Потому что для меня (и меня ли только?) не увидеть какое-то из интереснейших существ, то же самое, что не знать «Мадонны» Рафаэля, «Моны Лизы» Леонардо и, скажем, Давида Микеланджело, пусть даже в копиях. Разве я виноват, что в нашей стране миллионными тиражами по сей день катят однозные картины-плакаты и нет денег издать на русском «Бабочки мира»? «Ах, не найдется покупатель!» — «Да что вы?» — «Нет бумаги? Издательства?» — «Скажите, а много ли убытка от какого-нибудь «Проф- и Политиздата»?

Я должен был найти нужный мне позарез «видеоряд». И я вспомнил: «Марки!» Еще тридцать лет назад я собирал марки с изображением животных, и уже тогда было на них немало бабочек. Увлечение филателией, к счастью, закончилось, и я не знал, сколько серий новых прекрасных марок с изображениями бабочек и жуков напечатали — выпустили все страны мира. Знал только, что МНОГО, очень МНОГО. И в первую очередь на марках репродуцировали бабочек-папилио. Они самые красивые, редкие, редчайшие, исчезающие в каждой стране, в мире вообще. Не собрать ли серии — только парусников? — ? — ? — ! В ближайшую субботу я отправился на секцию филателистов-любителей. Она помещалась теперь в клубе железнодорожников, носившем когда-то имя Андреева. «Клуб Андреева» — зовут старожилы и сейчас, хотя Андреева этого никто не знает и вряд ли стоило знать. В клубе я застал все тех же филателистов, что и тридцать лет назад. Нелюбимы, что ли? Ведь будучи тридцатилетним, считал их старцами. Теперь мне под шестьдесят. Они — моложе. Бойкие такие. Оказываются, и меня помнят. Один, по профессии он режиссер, который и тридцать лет назад при первом знакомстве начинал внушать: «Живите по-солдатски. Хлеб. Каша. Капуста. Утром гимнастика. После нее — бег. Обливаюсь ледяной водой», сразу узнал меня. Глядите-ка! Помнит! И сразу к делу: «Бегом занимаетесь?» — «Что вы, ка-

кой бег». — «А я — занимаюсь! Жить надо просто. По-солдатски. Хлеб. Каша. Капуста. Сплю под солдатским одеялом. Водой обливаюсь? Нет? Зря. А я — обливаюсь. Каждое утро. Жить надо по-солдатски. Хлеб. Каша. Капуста. Утром — гимнастика. Бег... Обливаюсь. Ледяной водой...»

— Где бы мне марки. С бабочками?
— С бабочками? Картинки? Собираете?!
— Что тут плохого?
— Ну, это же какой-то инфантилизм!
— Вот уже и унизили. Да. Нужны мне картинки бабочек.

— Картинки. Это вон — у Попугаева. — Указал на льского, масляного, с обlichem записного ханжи.

Брат марки у Попугаева я не стал. Цены были дикие. Зачем радовать плута.

Поглядев другие кляссеры, понял — филателия не путь к энтомологии. Мечта осталась. А переписанную брошюру я вернул столь отзывчивому кандидату наук. Это был в самом деле милейший человек. Я разговорился с ним по душам и посоветовал, что хотел бы приобрести коллекцию тропических бабочек или хотя бы иллюстрированную литературу о них. «Но, — добавил я, — вещь эта, видимо, безнадежная. Живи я во Франции, Англии, в Чехии, ГДР, даже на острове Пасхи, я бы, конечно, раздобыл желаемое. А на Урале, в «закрытом городе», с «неконвертируемым» рублем, с этим вечным «нельзя». Ничего вам нельзя. Ни купить, ни продать, ни прислать, ни переслать...»

Кандидат сочувственно выслушал меня. У него, я знал, была коллекция тропических бабочек, а в ней — Морфо Циприс! — мечта всех коллекционеров, голубая, переливающаяся, как редкий жемчуг и перламутр, южноамериканская редкость.

— А почему бы вам не встретиться с Кулибинским? — спросил он. — Не слышали? Здесь, недалеко. — Он назвал степной зауральский городок. — Коллекция у него одна из лучших. В свое время он ловил наших бабочек, высылал за рубеж, а оттуда получал «тропики». Вот и все. У меня есть адрес и телефон.

Осталось поблагодарить за такое великодушие.

Вечером я позвонил в городок и услышал довольно бодрый старческий голос, в котором уловил, во-первых, оттенки насмешливой превосходительности! Так говорят ответные фанатики-коллекционеры с едва посвященными и чающими приобщения. Во-вторых, голос был требовательным, а в-третьих, желающим знать, в какую сумму я имею возможность, как писали в старину, «взойти».

— Что вас интересует-то? — голос произнес это «вас» с маленькой буквы. А частица «то» дополняла насмешливое уничтожение меня.

— Тропические бабочки.

— Понял. Но — виды?

— Парусники. Морфо... Еще что-нибудь.

— А поконкретнее вы не могли бы, — голос перевел меня теперь в несколько более высокую букву, но все-таки не заглавную.

— Например, Орнитоптера Ротшильда, Орнитоптера Приамус. Желательно парами. Самец и самка. Ну, еще Папилио Антимахус, Папилио Залмокис, Морфо Циприс. В общем, редкие папилио и морфо, — брякнул я.

«Пусть не задается! Подумаешь, кол-лек-цио-нер!»

— Бабочки есть... — послышалось после некоторого молчания. — Есть бабочки... Но... Они ведь... дорогие. У меня есть и по четыреста долларов пара... Международная цена.

«Ничего себе! Шутит, что ли?» — подумал я. Но сказал в трубку:

— Долларов у меня нет. Есть рубли.

— Сколько? На какую сумму вы бы взяли? — голос приблизился к партнерству и как бы паритету. Как бы...

— Разве это обязательно?

— А как же? Вот вы идете, допустим, в комиссионный... Купить пальто...

«Эге! Да ты, оказывается, точь-в-точь по голосу. (Представьте, что я по голосу, тембру, манере говорить определяю, пусть с некоторой ошибкой, все: возраст, характер, ум, образование, привычки и т.д. Не хотите — не верь-

те).— подумал я и еще раз порадовался своей проницательности. Знаю, что люди такого голоса любят одеваться через комиссионный, вещи сдают туда же, знают толк в антиквариатах, любят брюзжать, себя считают венцом творения, иных-прочих, будь хоть премьер, ниже себя, женятся чаще всего на женщинах как бы тоже из комиссионного, а более бойкие из них еще и не по одному разу. Был такой один знакомый адвокат, четыре раза женился. К сожалению, уже был.

— Так вот, если вы собираетесь покупать себе пальто, должны знать, за сколько?

— Ну... Рублей на пятьсот-восемьсот я бы купил,— осторожно сказал я. «Черт-те что за товар-то?»

В трубке было молчание. Покашливание.

— Ладно. Я вам напишу. Список... Сумма, конечно... Предложенная вами (буква стала почти заглавной... Почти...) не велика... Но... Посмотрим... Дайте мне ваш адрес... Телефон. Вышло список. Бабочки нерасправленные.

Распрошались. А через неделю я получил список и письмо, написанное четким, в старину бы назвали каллиграфическим, почерком, с завитушками, каким я хотел бы научиться писать, да что поделаешь, невозможно, почерк ведь — рисунок души, отпечаток темперамента, и коль уж буквы пляшут камаринского или бегут цепочками, скачут вразно-тык,— весь ты тут.

Старик сообщил, что предлагает мне сто сорок видов тропических бабочек, среди них много редких и редчайших. Например, Орнитоптера Ротшильда, Орнитоптера Посейдон! Морфо Циприс! Морфо Елена и т. д.! Список одна морфо содержал 20 видов. Список парусников — 60! «Остальные,— писал старик,— тоже красивые тропические бабочки. Полагаю,— заканчивал этот «энтомолог»,— бабочки будут стоить 2200 рублей. Цена окончательная. Если согласны — приезжайте смотреть. Есть и книги. О них договор отдельный».

Итак, за 140 бабочек — 2200 рублей. Свои сомнения я изложил жене:

— Бабочки редкие. Очень красивые. Двадцать морфо. Почти половина — папилио.

— С хвостиками? — спросила жена, не столь натренированная энтомологии.

— С хвостиками. Тогда поедем. Надо посмотреть.

И вот мы катим по зимнему тракту. Дело было в феврале. В тот степной зауральский городок. Где — вот диво! — есть Орнитоптера Ротшильда! «Мороз и солнце. День чудесный». Нет, день был морозный, но бессолнечный. Со снегом.

Мы ехали долго. Автобус еще останавливался на обед. Дорожная трактовая столовая, где самая вкусная еда — вареные рожки с полухлебным шницелем и суп-«баланда». Едят всё одной алюминиевой мятой ложкой. Запивают компотом не знаю из чего, но лучше не разглядывать. Сладковато. Кисло. И половина коричневой бурды остается в стакане. Ее можно в дело опять.

Отдохнув, водитель снова погнался свой «Икарус», не собрав, как выяснилось, всех пассажиров. Не дождался каких-то цыган, не то кавказцев, всю первую часть дороги громко обескураживших должно быть торговые дела. На сиденьях остались вместительные чемоданы. На предложение подождать водитель лишь еще раз библикнул и тронулся. Прошло с полчаса, в продолжении которых я все думал, как же теперь эти отставшие цыгане? Однако вскоре автобус обогнал бойкий «жигуленок». Из «жигуленка», крича, высypались жестикулирующие черноволосые люди. Автобус встал, и отставшие пассажиры с криками ввалились в него, призывая, очевидно, все цыганские кары на голову водителя, который только махнул и снова погнался. Убедившись, что чемоданы на месте, черноволосые люди опять принялись обсуждать торговые дела.

Автобус прибыл в городок. И вопросо-ответная система привела нас на улицу с тем безликим названием, которого я сейчас уже не упомяну, но знаю, что было оно стереотипное, вроде Комсомольская, Советская, Коммунистиче-

ская, Студенческая и что-то в этом роде. На этой улице, недалеко от угла, стояла за рядом унылых подстриженных по ранжиру тополей такая же унылая пятиэтажка «хрущеба», тех первых лет борьбы с архитектурными излишествами, бетонный панельный дом, где, как острили в те времена, коридор совмещался с кухней, туалет с ванной, а пол с потолком.

Нашего приезда ждали. Открыла жена хозяина, рыхлая пожилая женщина из когда-то красивых, типичная домохозяйка, целиком подчиненная своему равному диктатору-мужу. Появился и он, почти такой, как я представлял, седенький, тощий, иронический, с признаками перенесенных инсультов-инфарктов, которые обычно делают многих стариков невыносимыми. Все недостатки личности от этих недугов возрастают, а все достоинства умяляются. Я понял, что энтомолог даже более, чем предполагал, капризен, скуп и заносчив, но решил терпеть.

— Показать коллекцию? — молвил он. — Давайте. Смотрите!

На свет началось извлечение коробок. Коробка за коробкой. Те самые, энтомологические, из магазина «Наглядные пособия». А бабочки в них сплошь редкие, ценные, огромные, цветные, металлически блестящие — голова кругом! Здесь были парусники, морфо, сатурнии, бражники, нимфалиды. Была даже мадагаскарская павлиноглазка комета с длиннейшими хвостами. Была громадная Сатурния Атлас! Была самая большая бабочка в мире: «Физания Агриппина». Орнитоптеры Титан и Ротшильда! Папилио Антимахус (самец и самка!) и другие бабочки видов сорока! Словом, весь цвет отряда чешуекрылых и цвет его лучших семейств.

Оглушив,— инного слова не подберу — нас водопадом редкостью, старик перешел к делу.

— Вот здесь, в коробках, то, что я предложил и, если сойдемся в цене, будем отбирать. Тут вот: морфо. Тут — орнитоптеры. Тут — папилио! — Он положил склеротические руки на картонные коробки, где, очевидно, были в пакетиках из кальки нерасправленные бабочки.

— С хвостиками? — спросила жена.

Старик удостоил ее снисходительного взгляда.

— С хвостиками... Мы, наверно, возьмем,— сказала она, глядя на меня.

— Подумайте... Не тороплю... А бабочки редкие. И возможность такая — раз в жизни... Где еще...

Мне показалось дорого. Я решил посоветоваться. И мы договорились погулять, чтоб обсудить проблему лично.

Старик согласился. Мы вышли на ту же унылую улицу. Под февральский ветер, и походили около какого-то сквера с палисадником, где стояли пообитые гипсовые пионерки с ржавой арматурой вместо руки или ноги.

— Вот что я ему предложу: две тысячи и пусть отдает еще одну книгу о бабочках мира (у старика их было две).

— Может, не стоит? Две тысячи — деньги.

— Но ведь с хвостиками. Где мы еще таких возьмем?

— Да, конечно, с хвостиками бабочки красивые!

— Возможность редкая. Он прав. Единственная.

— Раз так — бери. С хвостиками ведь!

Мы вернулись. Но старик вдруг уперся:

— Две двести и никаких книг.

— Но у вас же останется один определитель! В конце концов, я согласен взять любой!

— Уступлю двести, но без книги.

— Нет. Без книги я не могу. Нужен определитель.

— Две и без книг.

— Две. Но с книгой!

— Нет.

— Бабочки к тому же нерасправленные. Кот в мешке.

— Бабочки хорошие.

— Но и цена тоже!

— Две и без книг.

— Хорошо. Сколько стоит книга? Двести рублей сто́ит? Я даю вам две двести и беру бабочек с книгой.

— Нет.

— Тогда нам не о чем говорить.

Мы ушли. Правда, когда выходили из дома, старик появился на балконе и сказал, что согласен за 2200 с книгой. Но теперь уже вожжа под хвост попала мне, и я отказался.

В молчании мы добрались до автостанции. В молчании ехали обратную дорогу. Я пытался вдохновить себя и жену, что деньги целы, а бабочки... Ну и пусть. Обойдемся. В конце концов, не предмет первой необходимости.

— Но ведь с хвостиками,— грустно сказала жена.— Где ты теперь их найдешь.

— Обойдусь.

И снова было молчание.

А приехав домой, я все не находил места. Ощущение словно бы какой-то потери грызло меня. И даже когда легли спать, оно усилилось. Бабочки мерещились. Ночью я дремал, не будучи в состоянии крепко уснуть. Я видел морфо, орнитоптер, африканских парусников. Бабочек из Бразилии.

Жена ворочалась.

Утром выяснилось, что и она не спала.

— Зря не купили,— сказала она за утренним чаем.— Где еще такие бабочки. Когда найдешь? С хвостиками!

— Да далось тебе! С хвостиками! С хвостиками! — рявкнул я. А потом, поуспокоившись, решил: — Вот сейчас позвоню ему и скажу, что согласен. Скажу, тогда у меня не хватило денег. Еще раз съездим — и возьмем? Идет?

— Звони скорее,— улыбнулась она.— Вдруг передумает.

По телефону ответила супруга старика.

— Да-да,— поспешно согласилась она.— Сейчас подойдет.

— Владимир Михайлович? Это снова мы, покупатели. Так вот. Мы посоветовались и решили купить. Но, как договаривались. С книгой!

— Да-да,— на сей раз он был уступчив и говорил, как с равными.— Приезжайте. Это точно?

— Абсолютно. Мы приедем за бабочками завтра. Только, пожалуйста, подберите.

Я не стану описывать вторую поездку. Скажу лишь, что возвращались мы из нее веселые и почти счастливые. Мы везли четыре небольших картонных коробки, совсем невесомых, где в пакетиках, свернутых уголком, лежали еще не расправленные драгоценные бабочки. Я отдал за них две пачки новых десятков. Две шубы! Мутоновых! — ахнет кто-то.— За каких-то ба-бо-чек! «Он уж совсем с ума сошел. Две с половиной тысячи за бабочек отдал», — ахала одна наша слишком завистливая знакомая. (Это было потом, после!) А мы ехали веселые. Ведь в коробках я вез 20 видов морфо, и среди них Морфо Циприс, Морфо Гекуба, Морфо Елена, Морфо Менелай! Шестьдесят видов парусников, и среди них был целебеский андроклес и целебеский Папилио Блюмей! Были Орнитоптера Приамус и Посейдон! И как самая великая редкость была Орнитоптера Ротшильда! (Самец и самка!) Мог ли я когда-то предположить, что стану владельцем коллекции с бабочками, за которыми гонялись великие натуралисты еще прошлого века. Деятнадцатого века.

И еще. Я привез книгу «Бабочки мира». Книга эта встала на полку моей библиотеки, красочная и величественная, и, глядя на нее, чувствуя, что теперь у меня есть почти все дневные бабочки мира, я решил, что мое увлечение снова прерывается на долгие годы. Прерывается ли? Не знаю.

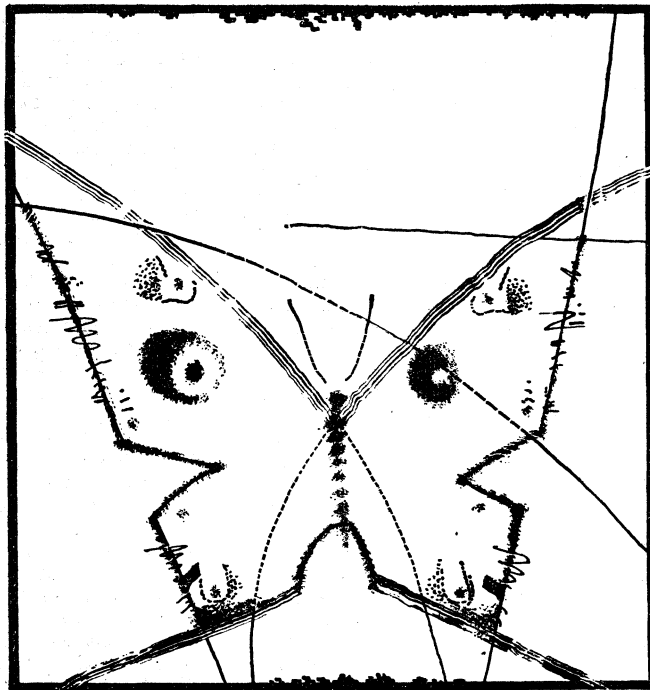
Однажды, че так давно, я взял сачок и решил половить бабочек неподалеку от своего деревенского дома. Я вышел на еще не кошенную цветущую луговину, махнул сачком. И вот первая бархатница уже бьется в его сетке. Вот я привычно перехватываю ее через ткань сачка. В моих паль-

цах ее тельце. Сдавить, как рекомендует руководство, и бабочка уже не бабочка. Но держа ее за грудку, я вдруг хорошо почувствовал дрожь жизни. Трепет этого маленького существа за свою жизнь! И тотчас я открыл сачок, разжал пальцы. И бабочка радостно полетела в июньское небо, запорхала над луговиной.

С тех пор я больше не брал в руки сачок. А если и думал о нем, то без всякой связи с ловлей новых бабочек. Я уже просто стараюсь как можно больше привлечь их на мой садовый участок. И не раз ко мне уже прилетал махаон. Как тропическая орнитоптера, он кружился над скальником, и жена восторженно говорила: «Смотри! Какая красота! Как хорошо, что он прилетает! Какая все-таки красота!»

Да. Бабочки многому научили нас. Учили жизни, красоте, сочувствию, познанию природы. И я рад, что энтомолог-фанатик из меня не получился. Пусть будет так. И пусть бабочки летают. Полезные, вредные, всякие. Пусть летают.

Декабрь 1989 г.

Монеты Ибрахим хана

Александр НЕСТЕРОВ, краевед

Находки монет и целых кладов на территории Урала и Западной Сибири — не редкость. Правда, чаще находят русские монеты XVIII — начала XX веков, причем, как правило, медные — екатеринбургской, аннинской, сибирской чеканки. Значительно реже встречаются монеты нерусские.

Бывали и курьезы: в археологической коллекции Свердловского историко-краеведческого музея долгое время хранилась неизвестная китайская монета, найденная в поселке Палкино близ Свердловска в 1920-х годах. Внимательное изучение монеты позволило прочитать четыре иероглифа: «Цянь лун тун бао» — «Ходячая монета правления Цянь лун» (1736—1795). Монета, таким образом, свидетельствовала о русско-китайской торговле, интенсивно развивавшейся во второй половине XVIII и в XIX веках...

Больше загадок хранят монеты, появившиеся на Урале до начала его промышленного освоения. В числе наиболее экзотических находок монеты государства Сасанидов Ирана (226—656 гг.), царя Понта из Боспора, Митридата VI Евпатора в Башкирии. Однако эти монеты — случайные находки.

Чаще встречаются на Урале и в Западной Сибири дирхемы — арабские монеты VIII—X веков, чеканившиеся из высокопробного серебра и поэтому ставшие наиболее распространенными денежными единицами Евразии. В огромном количестве дирхемы находят на территории древнерусского государства, в странах Центральной Европы, на Южном Урале. В 1870 году целый клад дирхемов обнаружен на реке Нице недалеко от города Ирбита. К сожалению, его судьба неизвестна: он был «сдан начальству» и, вероятно, попал на переплавку.

Если дирхемы проникали на Урал через Среднюю Азию и Казахстан, то денарий германского короля Генриха I (919—936 годы), найденный в районе Челябинска, свидетельствует о другом направлении торговых связей местных народов. Денарии в X—XI веках проникали в Восточную Европу через Новгородскую землю и довольно широко распространились на территории древней Перми Великой. Единичные их экземпляры встречаются при раскопках пещер на Северном Урале.

Новый этап в истории монетного обращения начался в XIII веке, когда Западная Сибирь, русские кня-

жества, Средняя Азия, степные пространства Дашт-и Кыпчака (современные Казахстан и степная зона европейской части страны) оказались под властью монгольских ханов из династии Джучидов — потомков старшего сына Чингис хана. Находки монет периода расцвета Джучидского государства (которое часто и неправильно называют Золотой Ордой) многочисленны. Однако во второй половине XIV — начале XV века держава Джучидов стала распадаться на отдельные владения враждующих ханов, чеканка резко сократилась и во многих отношениях остается изученной очень слабо. По крайней мере, до недавнего времени считалось, что правители отдельных государств, на которые распалась Джучидская держава, — Казанского, Сибирского, Астраханского ханств, Мангытского улуса — своих монет практически не выпускали, исключением было только Крымское ханство.

...В 1912 году уральский археолог Ю. А. Аргентовский провел раскопки на дюнах у деревни Могилевой Шадринского уезда Пермской губернии. В числе многих других вещей ему удалось найти четыре монеты с полустертыми надписями арабским шрифтом. Для определения монет Аргентовский обратился к хранителю коллекции восточных монет Эрмитажа, выдающемуся русскому нумизмату, профессору А. К. Маркову. На монетах удалось прочитать имя правителя, выпустившего их: «Ибрахим хан».

Кто же был этот Ибрахим хан? А. К. Марков решил, что перед нами монеты хана Казани Ибрахима (1467—1479), до этого момента абсолютно неизвестные. Единственным основанием для такого вывода послужило «то обстоятельство, что имя Ибрахим и вообще имена с окончанием «ахим» не встречаются совсем ни у крымских ханов, ни в Золотой Орде». С таким определением Ю. А. Аргентовский и опубликовал найденные монеты в XXXI томе «Записок Уральского общества любителей естествознания».

Сами монеты до наших дней не дошли, а их фотографии я обнаружил в архиве известного уральского археолога В. Я. Толмачева. На фотографиях ясно видны все сохранившиеся элементы изображения, и это сразу же поставило под сомнение определение профессора А. К. Маркова.

Действительно, на лицевой стороне монет прочитывалась надпись: «Султан высочайший Ибрахим хан» («Ас-султан ал-адил Ибрахим хан»). Однако Марков ошибался: среди Джучидов имя Ибрахим носили, кроме казанского хана, еще три представителя династии, так что основной аргумент отпал. С обратной стороны на монете изображена тамга — двузубец с двумя точками между зубцами, и круговая надпись «Отчеканено в Орду-Базаре».

Орду-Базар — кочевая ставка хана, она могла быть у любого правителя. А решающим для определения монет было исследование тамги.

Тамга описанного вида была уже известна — она встречалась на монетах ханов первой половины XV века, отчеканенных в Хаджи-Тархане (современная Астрахань) и кочевой ставке Орду-Базаре близ Хаджи-Тархана; вообще тамга оказалась прочно связанной с Нижним Поволжьем. Это сразу же устранило из числа претендентов на выпуск найденных монет Ибрахим хана Казанского: он не имел никакого отношения к этому региону. Удалось также установить, что в первой половине XV века тамги потеряли характер родовой эмблемы и стали связываться с конкретной местностью — в данном случае с Хаджи-Тарханом. Таким же образом отпали еще два кандидата на выпуск монет. Остался один — Сайид Ибрахим хан бен Хаджи Мухаммад хан Шейбанид, правитель государства сибирских Шейбанидов во второй половине XV века.

Сайид Ибрахим хан (в русских летописях иногда встречается написание его имени в сокращенной форме — Ибак или Изак) был личностью незаурядной. В 1469 году он сумел разгромить занимавшее огромные пространства Казахстана Узбекское ханство и собственноручно убил его правителя Шайх Хайдар хана. В 1480 году он заключил союз с великим князем Московским Иваном III и активно способствовал победе русских войск над ханом Большой Орды Ахмадом и тем самым окончательному свержению монголо-татарского ига. В 1481 году Сайид Ибрахим хан напал на Большую Орду и — опять же собственноручно — убил Ахмад хана, объявив себя верховным ханом всего Джучидского государства. Столицу державы он решил перенести в свою ставку — город Чимгитару в районе современной Тюмени,

туда же была переведена из Хаджи-Тархана и кочевая ставка Орду-Базар.

Видимо, именно в этот краткий миг наибольшего могущества и выпустил Саййид Ибрахим монеты с указанием своего верховенства (вспомним: «султан высочайший...»). Однако объединение было эфемерным: Джучидская держава ушла в прошлое, и попытка реанимировать империю провалилась. Отход Мангытского улуса от союза, переворот в Казанском ханстве в 1487 году привели к краху державы Ибрахим хана. В 1495 году он был убит основателем новой сибирской династии — князем Искера Мухаммад беком Тайбугидом, а в 1505 году был разбит сын Ибрахима — Кутлук хан, и государство сибирских Шейбанидов прекратило существование. Только в 1563 году внуки Саййид Ибрахима — Кучум хан и Ахмад Гирей хан — восстановили при помощи своих узбекских родственников Шейбанидское сибирское ханство.

А памятником краткого могущества Шейбанидской державы остались только монеты Ибрахим хана.

г. Свердловск

О репе и утерянной переписке

Александр ДУН,
педагог

Марко Вовчок (1833—1907) — классик украинской литературы. Под этим псевдонимом писала Мария Александровна Вилинская. На Украине выходят многочисленные собрания ее сочинений, изучается жизнь и творчество. Тут большую помощь оказывает опубликованная переписка писательницы. В 1974 году в Киеве вышел двухтомник «Письма к Марко Вовчку», а в 1984-м тоже в двух томах изданы письма самой Марко Вовчок.

30 сентября 1911 года в екатеринбургской газете «Уральский край» появилась статья П. Сивкова «Из прошлого уральской печати. Памяти П. Н. Галина». Автор посвятил статью третьей годовщине со дня смерти Петра Николаевича Галина — редактора первой на Урале общественно-литературной газеты «Екатеринбургская неделя».

П. Сивков писал: «После Галина должна остаться большая переписка: он был дружен со многими видными литераторами его времени, например,

Саловым, Марко Вовчок, Минаевым и многими другими».

К сожалению, эпистолярное наследие Галина не удалось обнаружить ни в центральных, ни в свердловских архивах. Не упоминается его имя и в большой картотеке окружения Марко Вовчка, которую составил правнук писательницы Б. Б. Лобач-Жученко.

Однако есть несколько «ниточек», ведущих к разгадке тайны знакомства писателя и журналиста. Уже в советское время П. Сивков снова писал о П. Галине! И есть в его статье интересная подробность: среди газет, которые получала «Екатеринбургская неделя», упоминается «Саратовский вестник» — издание, где, как известно, сотрудничала и Марко Вовчок. С Саратовом был связан и еще один корреспондент П. Галина — писатель И. А. Салов.

Представляет интерес и письмо П. Галина от 30 ноября 1893 года к поэту и переводчику, столичному цензору Николаю Матвеевичу Соколову: «На днях уезжаю из Екатеринбурга в Саратов и пробуду в отсутствии до 6 января». Именно в это время (конец 1893 — начало 1894 года) приехала в Саратов и Марко Вовчок. Может быть, именно тогда и познакомились редактор «Екатеринбургской недели» и украинская писательница?

Небезынтересна и такая деталь. П. Сивков в статье упоминает, что П. Галин «был пример аккуратности и порядка» в отношении своего архива. Тогда не о Галине ли идет речь в письме Марко Вовчка к Б. А. Марковичу от 20 декабря 1906 года? В этом, последнем в своей жизни письме она писала: «Хорошо, если бы ты, по примеру одного моего приятеля, хранил мои письма под номерками. Умрете, дай господь, чтоб жили долго, — но все-таки умрете — и тогда каждая Ваша строчка возымеет цену. В награду за это я написала ему пространное письмо о способе выращивать с небывалым успехом репу даже на непригодной для нее почве».

Несмотря на иронический тон этого высказывания, его тоже нужно учесть в поисках утерянной переписки.

г. Ленинабад

Родина Камы — Индия?

Виктор РОМАШОВ,
краевед

У реки Камы древнейшая история. В 1780 году в селе Слудка, что раскинулось в устье впадающей в Каму

реки Обвы, дети нашли клад диковинных вещей: четыре серебряных блюда и чашу. О находке доложили «хозяину» Прикамских земель графу Строганову. Тот затребовал ее к себе в Петербург. Ученые определили примерный возраст диковины — VI—VIII века н. э. и происхождение — Древняя Персия (Иран) и Византия. Эта находка стала началом знаменитой коллекции Сасанидского серебра Строгановых, которая после Октября стала достоянием Эрмитажа.

С тех пор археологи настойчиво искали и многое нашли в Прикамье. Оказалось, что река Кама — один из древнейших путей торговли «мягким золотом» (пушшиной). Уже в начале средних веков этот товар пользовался большим спросом у вельмож Ближнего и Среднего Востока. Из шкур шли головные уборы, кафтаны и другие предметы одежды.

Центром торговли пушшиной в Прикамье издревле была Чердынь. Там находилась резиденция князей охотничьих племен, проходили большие пушные базары, туда стекалась пушнина, добытая в огромном Печорском крае. О том сохранились письменные свидетельства арабских путешественников Ибн-Фаллана, Ибн-Батуты и других.

В настоящее время серебряных древнеперсидских блюд в Иране почти не сохранилось. Почему? С распространением на Среднем и Ближнем Востоке ислама люди стали устранять из обихода изделия с изображением людей и животных, так как религия объявляла эти предметы греховными и требовала уничтожения. А предприимчивые купцы скупали «уцененные» серебряные вещи и увозили на Север по Каспию, Волге, Каме, где и производили выгодный обмен на собольные, горностаевые и другие меха. Племена Прикамья, добывавшие пушнину, были идолопоклонниками. Серебряные чаши и блюда они использовали для языческих ритуалов: на них приносились жертвы идолам, они подвешивались на «священные» ели как «символы солнца» и т. д.

Коллекция Сасанидского серебра в Эрмитаже ныне самая крупная в мире, и большинство ее экспонатов найдено в Прикамье.

В связи с такими тесными торговыми связями Прикамья с Востоком в древние времена не исключено, что само название реки «Кама» индийского происхождения, т. к. у местных жителей такого слова не было. Пондийски «Кама» означает любовь, желание. Индийское божество Кама, или Кама-два, соответствует греческому Эроу.

г. Александров

РАССКАЗЫ

СЕМИНАР Бориса Стругацкого

НАЗИРАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Наталья ГАЛКИНА

Когда я ломал голову, пытаюсь точнее представить читателю «Уральского следопыта» эту новую подборку рассказов Ленинградского семинара, тшась отыскать ту формулу, которая объединит столь разные (во всех отношениях) рассказы совсем уж не похожих друг на друга авторов, на помощь мне пришел наш староста и главный координатор по связям с «Уральским следопытом» Александр Шеголев.

В своей обычной манере, когда совершенно непонятно, шутит человек или говорит серьезно, он произнес: «Это — ранние рассказы зрелых мастеров».

И трех секунд на размышление хватило мне, чтобы понять, насколько точна и исчерпывающе полна эта формулировка. Я и сам мог бы набрести на нее, если бы вовремя сообразил, что ведь и в самом деле: не пригодишься, не ученики, не кандидаты — ЗРЕЛЫЕ МАСТЕРА передо мною! Ах, как летит время! Как быстро всё меняется вокруг, и быстрее всего остального меняемся мы сами!..

Нет, разумеется, — Наталья Галкина, член Союза писателей, прекрасный и давно уже признанный поэт... какие здесь могут быть сомнения — это мастер, это давно уже зрелый мастер, но не в фантастике же (казалось мне)...

А Марианна Алферова? Еще только вчера, кажется, появилась она на семинаре с первым своим — очень недурным — рассказом «Поглощение», и вот сегодня ею написано уже листов двадцать прозы и в том числе повесть «Пейзаж с озером Нево», из-за которой чуть не повздорили главные редакторы двух журналов фантастики...

А Андрей Карапетян? Все мы знали прекрасного художника Карапетяна, а теперь это уже опытный новеллист Карапетян... А Сергей Казменко способен сегодня предложить любому издателю материалы на два, а то и три полновесных сборника самого что ни на есть профессионального уровня... Если же говорить об Александре Шеголеве, то его уж и вообще впору считать лидером пятого поколения советской фантастики — поколения 80-х...

Зрелые мастера. Ничего не скажешь, так оно и есть — зрелые мастера. И их ранние рассказы. Верно. Но — лучшие из ранних!

Приятного чтения, дорогой читатель!

Б. СТРУГАЦКИЙ

Каждое утро, как ищейка, он обегал вверенный ему музей. Подозрительно вглядывался в каждый экспонат: не сдвинулся ли с места, не изменился ли, не начал ли расти, менять цвет и форму.

Посетителей не ожидалось. Строго говоря, их и быть не могло. Музеи давно закрыли для широкого посещения, попасть туда можно было только по особому разрешению. Изредка забегали сотрудники Комиссии РЕТРО, исследователи хроноциклонов, актеры, археофутурологи.

Он был директором этого музея, самого крупного в городе Музея Два-Бис; до того, как занять пост директора, он сотрудничал в Комиссии преследования.

Они отмежевались от прошлого два века тому назад. Отреклись от него. Вступили в новую эру. Возвели стену. Прошлое было предано анафеме.

Связь времен была осуждена раз и навсегда во имя Прогресса. Ошибки прошлого в нынешнем дне повторяться не должны были. Прошлое не поддавалось. Оно просачивалось, проступало, возникало в памяти, проникало в произведения искусства, низвергалось в сны. Наконец, прошлое пошло на открытую диверсию. Его поле времени стало прорастать, экстраполироваться на их блистательное сегодня. Так когда-то прорастали зерна из древних амфор тысячелетней и двухтысячелетней давности, поднятых со дна морского или из недр земных. Сотрудники музеев были вызваны по тревоге в Группу А.

И вот теперь он обходил, точнее, обегал свой музей, как ищейка. Это был обычный утренний обход, ничем не отличавшийся от предыдущих.

Честно говоря, ему никогда не нравилась новая должность. Сам воздух Музея Два-Бис казался ему подозрительным, отличающимся по цвету, составу и запаху от атмосферы улиц, магазинов, стадионов, домов и парков. Питательная среда для ростков прошлого. Он не понимал, почему музеи не искоренили как таковые, для чего сохранена жизнь подозрительным пришельцам из сомнительного существования прежних эпох с их невежеством, грязью и хаосом.

Назначение многих экспонатов было неясно, и эта убийственная таинственность казалось ему откровенно враждебной, опасной, ставящей в тупик. Что это за штука, например, там, за углом, в комнате с прозрачным потолком? была ли она некогда подвижна или неподвижна? плавала, как рыба, или летала, как птица? служила одному или многим? ни названия, ни аннотации, ни цели, ни смысла; издевательство, да и только. Даже не предмет, а его неопознанный труп. Кадавр. Директор чувствовал себя прилетевшим с другой планеты; в собственном музее он терялся и недоумевал постоянно.

Эти вещи перестали быть источниками информации или дезинформации. Они утратили все свойства, ни о чем не могли рассказать, ни на кого не воздействовали. В морге директорствовать и то было бы веселее.

Музей Два-Бис считался одним из крупнейших неспециализированных музеев в стране. Именно в силу

этой неспециализации, некоей широты охвата, которая отличала его в доисторические времена, сейчас он напоминал большую свалку истории, где можно было увидеть кораллы Большого Барьера австралийских рифов, обломки Великой Китайской стены, яйца африканских страусов, первые русские самолеты, окаменелости девона, блоки кварца, друзы аметистов, манильские канаты, рыцарские доспехи, образцы лунного и венерианского грунтов, первый телетайп, японские зонтики, королевские короны, ткани доколумбовой Южной Америки, орудия пыток, грампластинки и чучело кита. А также многое другое, неизвестно к какому времени и к какому народу относящееся. Когда-то с этими осколками былого связано было счастье изучать, радость узнавать, удовольствие спрашивать и бесконечная возможность углублять знания. Фрагменты и обломки удивляли посетителя, подстегивали любопытство, заставляли остановиться, взглянуть, вдуматься. Теперь же в своей загадочной тюрьме они окружали бегущего директора, вглядывающегося по обязанности, хотя больше всего хотелось ему отвернуться. Музей не пополнялся; он был статичен и мертв: не институт памяти, а храм склероза. Но вещи, коим недоставало общения, каким-то образом объединялись с прерастающим прошлым — почему бы и нет? ведь они насквозь, как мумии смолою, пропитаны были тем, чужим, забытым и насильственно забвенным временем. Одни из них стали ветшать, таять, рассыпаться в прах. Другие... Вот о других-то и шла речь на экстренном заседании в Группе А.

Началось все с музея АНДРЕС, где замечено было самовозгорание свеч, ламп, каминов, плит, в результате чего восковые фигуры статистов бытовых сценочных разных времен и народов безнадежно были испорчены. В конце концов, ничего страшного не произошло, одним музеем меньше, но замечено было, что на улицах стали появляться люди, отличающиеся от современных горожан то цветом кожи, то разрезом глаз, то ростом; и вот уже и горожане принялись допускать вольности в прическе и одежде, говорили громче, возник какой-то жаргон, странные словечки, слышался громкий смех, в воздухе витала некая непривычная развязность, раскованность, нечто происходило с нормой, она оплывала подобно восковой фигуре. И в домах появились старинные кресла, свечи, предметы быта, нарушавшие стерильность, серийность, тиранность и чистоту штампованных гармонических современных интерьеров. Похоже, что в стене, воздвигнутой между новым временем и старым, пробита была брешь, и в эту брешь хлынул мутный поток былого.

Да, утренний обход ничем не отличался от вчерашнего или послезавтрашнего; но так же, как и накануне, директор задержался в комнате портретов. Чутье преследователя заставило его еще и еще раз обойти помещение. Все как всегда; почему же необъяснимая тревога охватывала его, едва он переступал порог? Он с подозрением и недоброежелательством вглядывался в лица в тяжелых золотых рамках, легких багетах, в скульптурные терракотовые головы без глаз. Не нравилась ему эта компания. У него было чувство, что все они в сговоре и прекрасно ладят. Хотя их разделяли века и страны, ему мерещилось в них нечто общее. Заговорщики. Преступники. Негодяи. Бледнолицый человек с подробнозавитой черной бородой смотрел с персидского портрета на гражданина Древнего Рима, коротко остриженного — почти современная стрижка, надо должное отдать. Тот отвечал ему взглядом на взгляд. Директор повернул римлянина лицом к стене и подождал немного. Ничего. Тишина. Директор шагнул дальше и всмотрелся в даму в голубом на фоне вечернего сада. Внезапно ему показалось, что раньше это был портрет анфас. Теперь же дама повернула голову вправо. Но поручиться он не мог — и смутился: профессиональная память начинала его подводить. Каталог с фотогра-

1251

фиями не существовало. Описи портретов с описаниями их в музее тоже не имелось. Он запомнил даму и решил пригладиться к ней в ближайшие дни. Рядом с нею веселый голландец держал за талию свою жену и собирался проглотить рюмочку. Опять-таки директору не понравилась рюмка и цвет вина — возможно, прежде голландец пил из бокала или из кубка, и красное, а не белое. Да и жена голландца... «Что это со мной сегодня?» — подумал директор. Он сунул руку в карман, достал облатку, глотнул капсулу с транквилизатором.

Особу у окна он приметил давно. Откуда бы он ни смотрел на нее, она поворачивала глаза и усмехалась. То же проделала она и теперь. «Дьявольская тварь», — сказал он вслух. Естественно, ни звука в ответ.

И все-таки чего-то они ждали, все эти типы, оптом и в розницу. Все эти субъекты, играющие с директором в «замри», одетые каждый на свой лад, кто в тоге, кто в камзоле, кто во фраке, кто в кринолине, кто в плаще, а кто и вовсе нагишом. Директору казалось — когда он отворачивался, они вперялись ему в затылок все разом, как та уродина окна. Он резко оборачивался, чтобы их поймать, но реакция у них была лучше.

— А ведь я могу уничтожить вас, — сказал он им. — Хотя сегодня. Сказано же, что в музеях наблюдается самовозгорание.

Но все они молчали, как преступники на допросе.

— Сволочи, — сказал он им.

И обратил внимание на портрет у двери.

Директор остановился.

Подошел поближе.

На портрете был изображен молодой человек с ненатурально белыми волосами, собранными сзади в косичку с бантом. Похоже, в парике. Узкий камзолчик темной шелковистой ткани стягивал узкие плечи. Белый шарф переходил у ключиц в прихотливую полупрозрачную пену кружев. Лицо несколько необычных пропорций, странный птичий профиль, маленький рот, покаты́й лоб.

Но изображение было не в фокусе.

Директор протер глаза и посмотрел на соседний портрет старика на фоне неба и желтых трав. Нет, зрение директора не подводило: сосед выглядел как положено. Директор неслышно подкрался к портрету. Кантур потерял четкость, форма — определенность, зато в целом картина обрела объемность и глубину, доселе директором не замечаемую. Он провел ладонью по холсту. Холст как холст.

Уродина у окна глядела на него, глаза вбок и откровенно осклабясь. «Завтра же всех мерзавцев распределяю по разным камерам... залам, то есть», — подумал директор.

Чеканя шаг по-военному, шел он по пустым музейным залам, и шаги его звенели в безлюдных объемах. Фарфор и стекло светильников и посуды отвечали мелкой дрожью и звяканьем. Директор ненавидел эти многодетальные предметы, ненавидел их усложненность, прихотливые формы, мелкие детали, их роскошь и хрупкость. «Настанет день», — подумал он, — когда у меня сдадут нервы и я начну бить эту дрянь». Мелькнула мысль — а не так ли дело обстояло с восковыми фигурами? Экспонаты, незванные пришельцы из былого, кого угодно разложат и на что хоть спровоцируют... По сути дела, музей — само прошлое, а он, директор, состоял при прошлом надзирателем, смотрителем, надсмотрщиком, он ощущал огромную ответственность перед настоящим.

Директор проверил сигнализацию, видеосвязь и посты дежурных. Он еще держался военной дисциплины и порядка — по старой памяти, хотя яд новой должности помаленьку одурманивал его.

Он решил пройти пешком до автодрома. Городские улицы, проносящиеся мимо мобили, едущие на

«Азия»»

движущихся тротуарах и идущие по неподвижным ярко одетые люди успокаивали его. Директор остановился у витрин, разглядывал голографические спектакли фирменных реклам, пил сок и кофе из алых, голубых и коричневых автоматов. Постепенно он пришел в равновесие. Самолеты летали часто; его ждал вечер отдыха на океанском побережье. Обратного директора намеревался вернуться утренним рейсом.

С жетоном в руках он шел к своей движущейся дорожке, когда один из пассажиров на соседнем эскалаторе привлек его внимание: молодой человек в белом комбинезоне, вроде бы ничем особо не отличавшийся от других молодых людей. Директор, затаив дыхание, вглядывался в странный птичий профиль, профиль портрета из зала Музея Два-Бис. Директор перепрыгнул на соседнюю дорожку и взял молодого человека за локоть. Тот с легкой улыбкой посмотрел ему в лицо и спросил:

— В чем дело, служивый?

Дерзкая его фамильярность неприятно поразила директора. Пожалуй, он даже растерялся. И сказал: — Простите. Я ошибся.

И вернулся на свою дорожку. Молодой человек в белом хохотал, оглядываясь, и, исчезая в самолете, еще раз обернулся и послал директору воздушный поцелуй.

Океанское побережье показалось директору огромным и отчужденным. Ночью ему снились страшные сны.

Утренний обход начал он с непривычной внутренней дрожью.

Римлянин. Дама в голубом. Чернобородый перс. Тварь у окна.

Директор нехотя побрел к двери. Ему не хотелось смотреть на юношу в белом парике. Но он все же глянул.

Портрета не было.

Как в лихорадке, таскал он шандалы со свечами и наполные подсвечники, витые и золоченые, в зал портретов. «Ну, хватит,— бормотал он.— Ведь предупреждал я вас. Предупреждал я вас, сборище монстров!»

Через полчаса он набрал номер аварийной.

— Говорит Музей Два-Бис. Музей Два-Бис. Случай самовозгорания. В музее пожар.

Высохшее старое дерево, легкие холсты, рукотворные ткани вспыхивали, как порох. Пылали рукописи и книги. Лопались стекла. Дым и пепел витали вокруг здания. Директор вдруг подумал — а что, если и пепел падет на землю, как некие семена? что, если и дым этот, смешавшись с воздухом, даст свои всходы?..

Пока пожарные накрывали музей, вернее, то, что от него осталось, прозрачной вакуумирующей оболочкой, директор сидел в открытом мобиле. Он чувствовал страшную усталость. «Все бессмысленно,— думал он,— время обманывало нас и раньше, а теперь и вовсе обнаглело. И ни стен, ни плотин против него нет. Оно сквозь стены проходит. Его сожжешь, а оно из пепла возникнет — и снова тут как тут. Но какое счастье, что не директор я больше. Какое счастье».

СКОРО БУДЕТ ВЕСНА

Андрей КАРАПЕТЯН

По вечерам, когда отец и Хромой приходили с работы и карга Стружиха насупленно раскладывала металлический стол и тащила еду из кухоньки, когда они, отец и Хромой, по очереди мылись у жестяного крана и переговаривались кратко,— так вот, по вечерам мальцы забирались наверх, к себе, на обширную верхнюю полку и поглядывали из темноты, прислушивались к разговорам. Там, наверху, было теплее, там было два змеевика, на которых облупилась краска, к ним можно было прижаться спиной или погреть руки. Там, наверху, давно уже находились дутые чугунные блямбы-игрушки и книги, и телевизор, и железные куклы; они были сложены и спрятаны по углам и щелям у зазубренных, сваренных из стального листа стен. Стены пахли ржавчиной и шлаком, на полке было тепло и привычно, но мальцы лезли на свет, свешивались с полки и прислушивались. Только самый из четверых младший, щекастый Кубыраш, ползал и кувырчался по одеялам или шелкал телевизором, выбирая сказку, он был глупый и веселый, ему было все на свете интересно.

Отец в последнее время приходил повеселевший. Он быстро расправлялся со своей порцией супа, вытирал руки о штаны и направлялся к щиткам, и оттуда говорил, улыбаясь, что скоро будет весна, что снаружи перестало крутить, и Хромой кивал косматой своей головой и сипел:

— Дьявол тут поймет, что будет скоро, а чего вообще не будет!

А отец говорил ему на то, оборотившись, что синее солнце уже выходило два раза и снаружи бывали уже сильные морозы, а такое вроде бы к весне. Но Хромой молчал, отец хмыкал неопределенно и, мигнув мальцам, подносил к глазам панельку, высматривал ее и долго щупал закраины и выводы. Мальцы сопели и шмыгали носами, и ждали, что скажет Хромой, только самый малый, Кубыраш, тарашился в махонький экран дитячьей трансляции — ему еще было в новость все.

Мальцы знали, что там, снаружи, крутило и рвало, било градом и секло ледяной крошеной мразью, там ревело море и ползли к берегам водяные мутные смерчи, а к скалам, обливаемые ледяным штормом, прилипли личинки драконов — огромные, безголовые, издающие стоны и скрипы и с невероятной силой вонзающие свои крючья в камень, переползая медленно из расщелины в расщелину. Знали мальцы, что иногда разрывало тучи и горой стояло над завьюженным морем черное солнце, тусклое и призрачное, в вихрях и багровых трещинах. И знали еще, что только в низких и очень тяжелых броневиках можно было выезжать из пещер железного города, чтобы кое-как сменить разбитые антенны и воздухосборники. А возвращались не всегда — каменные черепахи прошибали броню своими клювами, ежели встречались на пути, да и в расщелину могло стянуть смерчем по ледяной корке. Хромой вот, правда, вернулся, да лежал в госпитале после, и нога у него теперь кривая и мертвая.

Но отец говорил, что скоро будет весна, что сна-
ружки перестало крутить и выходило пару раз уже
синее солнце. Во всяком случае дед, когда был жив
еще, рассказывал, что та, прошлая, весна началась
в точности так, что появлялось маленькое тусклое
солнце — синий карлик — и вместе с громадным черным
долго и неподвижно излучало в чистом лиловом небе
планеты, затмевая мелкие звезды вокруг, и стояли
страшные морозы, и выходить наружу в принципе
можно было, но приходилось быстренько убираться
восьяси, потому что замерзали ранцевые батареи,
ломалась теплопрочняющая сетка костюмов и ды-
шать было совершенно невозможно. Но было тихо,
пропадали личинки драконов — примерзали к скалам,
видимо; и каменные черепахи исчезали тоже; и туск-
лый свет синего солнца вместе с красноватыми спо-
лохами черного окрашивал скалы сумрачно и страш-
но; и стояла тишина над замерзшим морем.

Так дед рассказывал.

Из четверых мальцов только младший, Кубыраш,
да старшая, Тень, верили сразу же всему, что гово-
рилось. Но Кубыраш был весел и глуп, а старшая,
молчаливая и бесплотная, слушала неподвижно и пуг-
ливо, — любила она прятаться в это время в темноту
и слушала оттуда взрослых, и верила всему, что ни
говорили.

Однако говорили разное, и Тень мучилась.

Одни говорили, что еще пару раз прорвутся в же-
лезный город личинки драконов и все — кранты, лю-
дям не выжить. Жрать будет нечего, света не будет.
И Тень выпрямлялась в ужасе и до слез жалела
мальцов.

А другие, махнув рукой, хмыкали — лапша, гово-
рили, и не такое переживали. Помните, говорили, по-
ползли однажды из нижних галерей ледяные черви —
в туннелях только гнущее железо оставалось... А когда
василиски завелись в дальних штольнях и чуть не от-
равили всех парами хлора?... Ну — и чего? А вот они,
мы, — целехонькие, управились, — говорили и махали
рукой. И Тень улыбалась виновато, но это все тоже
было невесело.

Долговязый учитель рассказывал, что прошлой
весной вся живность планетная имела очень миролю-
бивый и симпатичный вид. Планета была безопасна
весной, некому было валить ворота и прорываться в
пещеры, — а Тень знала, что это такое, да и мальцы
знали. Слушая долговязого учителя, она задумыва-
лась и отвлекалась, а учитель рассказывал историю
железного города, заводясь и свирепея:

— В железнном городе могут жить только желе-
зные люди! — и потрясал пальцем поверху. — Только
самые сильные и упрямые, только самые угрюмые
выживали! — орал он несчастным голосом и, бешено
вытянув на себя медлительную дверь, выбежал, а в
группе долго стояла тишина, потому что долговязого
учителя боялись — он запросто мог ожечь линейкой,
разойдась.

Но дед говорил, что прошлая весна начиналась с
морозов. Что пропадали животные и переставало кру-
тить, и по туннелям намерзали бороды сосулек.

Так дед говорил — старшая, Тень, сама это слы-
шала и запомнила крепко, хотя и была тогда еще
незапамятно мала.

Но Хромой не верил ничему на этой планете. Он
говорил, что если четыре солнца пишут чертовы крен-
деля вокруг одной поганой планетки, то добра не
жди, а когда будет эта весна, и вовсе никому неве-
домо, а может, и не будет ее вовсе, может, она
была-то всего раз, когда сошлись в небе три солнца:
синее, желтое и красное, а черное упорло как раз
подальше. «Да кто ж теперь скажет, — говорил он
и сплевывал, — повторится это или нет! Да тут один
дьявол разберет всю эту поганую механику!» И Хро-
мой опять сплевывал и сморкался в сторону, и опять
брал в страшные свои руки блочок паутиных схе-

(255) мок, скрючивался над ним и выворачивал губу в за-
думчивости.

Мальцы шевелились, высматривали из темноты
отца, а тот молчал, мудрил с панельками и гудел под
нос что-то задумчивое. Штевенек жался к сестре —
старшая все-таки, да и мерз по худобе своей, а
Штырь хмуро пихал его в бок и, соорив гадкую
рожу, отворачивался к своим железным куклам. Один
Кубыраш что-то бормотал тихонько и, морща нос,
улыбался сказкам на маленьком экране — ему пока
что было в новость все.

— Ну-у! — говорил отец, отрываясь от панели. —
Тут и живности бы никакой не было, что ты... Тут все
повторяется, повторяется!

И говорил снова:

— Нет, пора, пора весне быть, пора-а!

— Оно ведь, конечно... — кивал Хромой и чесал
висок индикатором. — Это, что и говорить... — и под-
нимал, в виде разминки, сатанинские свои брови. —
Девчонке-то — тово... ой-ё-ёй... коли весна не насту-
пит, то ей-то — тово...

А отец задумывался и водил туда-сюда губами,
и повторял, принимаясь за щитки:

— Не-ет, скоро уже... и холода, гляди, какие... уже
скоро...

А старшая, Тень, вопросительно вскидывалась. Под
глазами у нее были отечные мешочки, и худое серое
ее личико испуганно торчало в темноте верхней пол-
ки; а Штевенек — хитроумец — не понимал ничего
вроде бы, — глядел оттуда во все глаза на отца и на
Хромого. Понимал все наверняка Штырь, но он уже
в точности, как Хромой, научился скрючиваться над
разломанными, разверстыми железными куклами,
мудрил там, бубнил и отстранялся от всего — совсем
как взрослый.

Иногда штурвал двери, дернувшись, медленно
поворачивался, могучая дверь туго и скупо отворя-
лась, и всовывался кто-нибудь из мужиков, а комнату
наполнял шум туннелей: где-то раздавались взлаива-
ния и визги туннелеходов, ухали и сбрасывали воз-
душную волну дальние заводы, и грохотали по риф-
ленке ноги прохожих, и трещала свалка в одном из
поперечных проходов, вздуваясь призрачным огнем,
и что-то вдруг начинали говорить по общей трансля-
ции, и уходили вдаль цепочки огней.

Мужик спрашивал отца про командные блоки или
безволновые элементы, и в дверь тянуло холодом и
карбидным дымом. Если к тому времени карга Стру-
жика не уходила еще, то она непременно выскакива-
ла из кухонки и костерила мужика за холод и вонь.
Хромой делал квадратные глаза, шипел: «Спасайся,
кто как может!» — или командовал зычно: «В атаку,
повзво-одно-о-о...» Недовольный мужик тянул на себя
дверь и исчезал, Стружика озлобленно лаялась на
Хромого, а тот вытягивался фельдфебельски перед
ней, смешно приставив кривую ногу, и преданно ел
старуху глазами, а мальцы укатывались к змеевикам и
выпускали в одеяла сдавленный смех.

Утром, когда отец и Хромой, наевшись, уходили на
свою электростанцию, Стружика выпихивала мальцов
за дверь — им пора было в школу. Мальцы топали
туда напрямик, через насосные и мастерские, между
ковшами с тяжелой синеватой стружкой, по лужам
зеленоватой смазки, по переходам и спускам, по уз-
ким мосткам вдоль клепаных цистерн и сварных
многогранных колонн и ферм. Они брели по неровно
вспученной рифленке, глаза на неприступных мужи-
ков-монтажников и ныряя под стремительные мото-
рные ремни вытяжной вентиляции.

По пути Кубыраш оставался в детском боксе на
пятом проходе и долго махал им вслед из-за покра-
шенной в желтое решетки, а потом усатая тетка
уводила его за оцинкованную дверь.

Мальцы по чугунным ступенькам поднимались на
эстакаду, переходили через рельсовые пути, там, над

рельсами, под самой эстакадой пристроена была прозрачная будка, где сидел в темноте едва различимый диспетчер и что-то говорил в микрофон. Его слова громыхали над путями, повторялись неоднократно эхом и исчезали где-то в туннелях, на путях вдруг начинали сцепляться вагонетки, перекатывались, сдержанно постукивая, составы, вздрагивала эстакада, а перед диспетчером в неосвещенной будке, мигнув, меняли расположение многочисленные красные, зеленые и желтые огоньки. Старшая, Тень, зачарованно глядела на них, Штевенек вертелся и высматривал в туннелях дальние составы, а Штырь сосредоточенно глядел вниз на рельсовые стрелки, жестяные указатели и пробегающие вагонетки.

Дальше шли по галерее и около завода поднимались на другую галерею, но прежде опять останавливались возле стеллажей с оранжевыми от ржавчины колесами и пилились сквозь частые скрещения эстакады на громадный завод, что начинался отсюда. В глубинах завода было темно, хотя и горело наверху множество ртутных ламп; там над конструкциями и мостками возвышались железными спинами машины и шевелили время от времени мгновенно и тяжело малозаметными своими лапами; и тотчас, ухнув, гремело что-то; ключья и щупальца пара дымом взлетали, и шипели оглушительно, и горбили над машинами, и наливались кровью; и весь завод наполнялся вдруг приближающимся заревом; и раскаленный лист мелькал среди черных конструкций ослепительным призраком и угасал в пасти самой широкой машины. Штырь важно объяснял Штевенку происходящее, тот вытягивал шею и кивал. Какой-нибудь мужик в черной куртке и тяжелом шлеме топал по мосткам и глядел на них, и вроде б улыбался даже грязными морщинами,— тогда Тень вспоминала про школу, можно было нарваться на выговор от долговязого учителя. Они карабкались на вторую галерею, а там наверху, над заводами и туннелями уже валила ребятя и галдела, и Штырь пихал знакомцев, а Штевенек пугливо озирался—его самого часто пихали, а он—не мог. Умен был, но робок и плаксив, но то, что Штырь— тот тоже был умен, но спуска не давал никому.

Однажды долговязый учитель сказал, что планета живет по непериодическим законам—и это было непонятно. Тогда он объяснил, что один раз весна была и один раз, давно совсем, было испепеляющее, бесконечно долгое, на четыре поколения, лето без весны и осени, а другой раз лета не было—и все это ничего не значит, что будет потом—неизвестно.

Вот это уже было понятней и хуже.

Учитель сказал им, что личинки драконов, возможно, просто очередная фаза превращения, что драконы, возможно, и были личинками этих личинок, что каменные черепахи, может быть, рассыплются на тысячи мелких гадов и уйдут в плоскогорье с побережья—ведь мы ж не знаем ничего о будущем, потому что прошлое не повторялось ни разу, потому что четыре солнца и одна планета не должны следовать периодическим законам.

Это было уже совсем скверно, ведь Хромой говорил то же самое, хотя долговязого учителя очень не одобрял. И Тень опечалилась, и думала об этом по пути домой, и почти не смотрела на завод, как бежит сияющий металл, освещая мимоходом высоченный, в переплетках и путанице, потолок.

Вечером, когда отец мылся возле крана, а Хромой лопал из миски суп, чавкая и прихлебывая, Тень рассказала про это. Отец поморщился, вытерся полотенцем, а Хромой изумленно огляделся и сказал, обращаясь наверх, к Штырю:

— Ну вот где ж у него мозги, у долдона этого! — и бросил ложку в суп.

Отец засмеялся примиряюще:

(256)

— Брось ты! Хромой, кончай! — и, обняв Тень, заговорил: — Да что ты, ей-богу, ну конечно, все может быть, да только если бы был хоть один непериодический закон—у нас бы ни одна машина не работала бы. Все повторяется,—улыбался отец,—только по-другому немножко, понимаешь?—и опять обнимал ее.— Брось, брось! Ты уж прямо всему так и веришь!

И в этот вечер отец долго рассказывал про то, как наступит весна и мальцы вылезут из пещер, из железного города, потому что снаружи станет тепло и тихо, и желтое солнце вместе с синим будут стоять в небе с самого утра, и теплое море, в котором можно купаться до одурения, будет отливать чистейшим изумрудом и долго катить по песчаному пляжу каждую волну, низкую и поющую пеной и пузырьками. Можно будет, говорил отец, подниматься на скалы и уходить по плоскогорью, туда, где начинаются зеленые холмы и дует бесконечный ветер, или не уходить, а босиком бродить над обрывом, пугая кузнециков, и смотреть в море, и из-под ног в узкие расщелины будут сыпаться струйки крупного песка. И далеко где-то, на пустынных пляжах, будут трубить обсыхающие драконы, а у пещер загорелые и белоzubые детишки понастроят из песка и булыжников бесконечные стены с башнями и мостами.

Так говорил отец, и даже карга Стружиха садилась на откидной чугунный стулец, подпиралась рукою и кивала горестно головой.

Отец говорил, что взрослые, конечно, останутся работать в пещерах, они будут выходить на минутку, щуриться на свет—и уходить опять, работать во тьме железного города, готовиться к лету, когда трескается земля, отступает море и умирают травы, а на камни—не наступить, и круглые сутки по очереди жарят с неба желтое и красное солнце, близкие и испепеляющие. Но это—летом, а весной лишь будет появляться к вечеру красное солнце, еще далекое и неопасное; не выходя целиком из моря, поползет оно к закату, потащит за собой широкую алую дорогу; и синее солнце, а следом и желтое, пропадут за скалами; и красное тоже утонет вдаль, утянув последние факелы и флаги огненной дороги. Пропасть звезд будет глазеть с неба, на скалах тихо и бесконечно будут петь удивительные и пугливые создания—сирены, а далеко в море раздается вдруг фыркание и плеск—пройдет мимо берега косяк морских пилигримов с тусклыми огоньками на весу,—и снова одни сирены будут петь над морем, да низкие волны шелестеть и выплескиваться на редкие камни.

И все-таки, говорил отец, надо будет готовиться к лету, надо будет уходить в глубь к ледяным подземным озерам и обшивать железом новые туннели, запасать продукты и воздух, чинить машины и электростанции, потому что лето будет почище зимы, да и подлиннее, возможно, и вряд ли вы доживете до осени, да и неизвестно, какая она будет, эта осень, но, видимо, все-таки лучше, чем лето и зима.

Хромой сопел над схемками, сопел со свистом, не поднимая головы—он работал. Конечно, приятно представить себе, что будто бы снаружи тепло и тихо, кто б чего говорил! Но сказки рассказывают детишкам, а тут схемки латать надо, дьявол, летят одна за другой—и не понять главное, почему! И Штырь сказок не одобрял всем своим видом, характер имел чугунный—весь в Хромого; скрипел ключом в очередной разломанной кукле, выдирая оттуда клеммочки и переходнички. Краем уха слышал все, безусловно,—но краешком. А Штевенек даже рот раскрыл, заслушавшись, хотя и он сидел бочком на всякий случай—мало ли чего, а так—он просто с Кубырашем телевизор смотрит, и все тут, не при чем он.

Только Тень стояла в темном углу неподвижно, да

«Ангел»-90

старая карга Стружиха злилась обиженно и, встав со стульца, скрипела, не глядя:

— Болтаете... все болтаете... Давно ль ворота вам повалили? Как живы-то остались — не углядела! А все — болтаете... — и уходила на кухню греметь там посудой и ящиками.

Совсем недавно привелось мальчикам увидеть тот самый прорыв в центральные ворота. Это старшая, Тень, поволокла тогда Штыря и Штевенка за собой по второму вспомогательному туннелю к большому ангару. Она, старшая, разнюхала, что там монтировали новые машины, и хотела поглазеть на них, пока машины вскрыты и разноцветны, бесчисленны и загадочны. Конечно, и Штевенка пришлось взять с собой — он ведь тоже был большой любитель поглазеть, а Тень жалела его. Ну а Штырь и сам куда хочешь мог увести, но со старшей, натурально, пошел охотнее. Уютнее чувствовал себя со старшей Штырь, хотя и суров был не по летам.

Не оказалось тогда Стружихи с ними — ушла она за Кубырашем, вот и поперлись они к ангару, некому цыкнуть было на них.

Скрежетали на поворотах рельсовые тележки, груженные контейнерами и балками, громыхали по железу шаги неразговорчивых людей, мальцы жалась к стенам, где на кронштейнах тянулись бесконечные коммуникации, а у самой стены рифленка рвано и гнуто обрывалась, и оттуда дуло и пахло какой-то дрянью.

Долговязый учитель говорил потом, что, почуяв приближение морозов, личинки драконов поползли спасаться в пещеры. Они ушли бы в глубину и копошились бы там неторопливо до тепла, подминая и поедая друг дружку. Но в одном месте наткнулись они на железные, поросшие грязным льдом ворота, и не поползли в другие места, а поперли почему-то прямо на них. Видимо, таков был инстинкт, — говорил долговязый учитель. Ворота через пять минут вырваны были из камня — так осатанели личинки драконов.

Вспоминать такое — себе дороже. Тень плохо спала, всю ночь промаялась, — все вспоминалось ей, все вспоминалось... не умела она придерживать память. Бежали к большому ангару мужики, выла сирена, мелко и страшно дрожала рифленка, холодом задуло, завертело по туннелям. А впереди, в большом ангаре, в решетчатой арке туннеля валились машины и ослепительно-белым и черно-синим мигало между колонн — это палили из лучеметов, и, вдруг, под аркой встало и вздулось выше галереи членистое, в крючьях и щупальцах тело драконьей личинки и, разрезанное пополам, свалилось судорожно. Другая личинка завертелась среди обломков, и гигантская тень каменной черепахи взгромоздилась на перекрытия большого ангара.

Тень сжималась и ежилась под одеялом, потом подымалась на локоть. Было спокойно. Горела дежурная лампочка над дверью, мальцы спали, и она ложилась опять.

Каменную черепаху не брали лучеметы, Тень это знала прекрасно. Штевенек орал навзрыд, Штырь рвал ей руку и тасил назад. А ей показалось, что откуда-то сбоку, припадая на кривую ногу свою, вывалился Хромой, обвешанный связками гранат, с рогатиной лучемета в руках, и пропал среди бегущих туда. И выла, и выла режущим плачем сирена. И какие-то тетki взвалили на туннелеход голубые тяжелые баллоны, и туннелеход сорвался, вопя невозможно, и умчался по туннелю в ангар, а бегущие мужики отпрыгивали в сторону и падали. Тетки эти и увезли мальцов на рельсовой тележке вместе с ранеными, по пути обругав и наостыляв солидно по швам.

Так она промучилась до утра, но потом — ничего, на следующую ночь она уже не вспоминала, память отвлеклась, отпустила. Тень вообще не очень-то крепко спала по ночам. Может быть, она сама отбивала

(237)

себе сон — любила думать в темноте и покое. А иногда, когда ей особенно не спалось, когда Хромой особенно натужно и простуженно дышал во сне, а потом помалу, всхлипами и рыками начинал свой храп, форменный крик души, вообще говоря, а не храп, — Тень открывала глаза. О чем-то странном и спокойном думалось ей под храп Хромого, не о таком думалось, как обычно, не о железном. Мерзнувший Штевенек прижимался к ее спине, попискивал Кубыраш, и Штырь вдруг взбрыкивал и сердито перебрасывался на другой бок, а внизу храпел Хромой; когда же у них ночевала Стружиха, то они громыхали с Хромым в две глотки; и далеко за железными стенами ухали и говорили заводы; иверху слышались шаги — кто-то работающий, когда все спят, ходил по второму уровню, и Тени было особенно одиноко и беспредельно. Она представляла себе, какая скоро наступит весна. Конечно — по фильмам, по рассказам отца, по урокам долговязого учителя; своего она придумать не могла — откуда же!

И только когда неподвижность застлала звуки, и время, стремительно замедляясь, меняло и вытягивало пространство, и ее незаметно поднимало и влекло, — Тень улетала над удивительно спокойным морем вдоль берега к скалам, нагретым, обросшим травой и кустарником, очень и очень высоким, и, минуя их, неслась к дальним плоскогорьям, где по зеленым холмам сплошь росли красные и желтые цветы, и дул горячий пустынный ветер, сгоняя по одинаковым склонам волну за волной бесконечные травы. Где-то сзади оставался, но, впрочем, тоже летел и плакал Штевенек, и Штырь летел тоже и тянул его за собою вверх, и ругался. А Кубыраш сидел в траве, совсем уж далеко, на каком-то холме, и высоко в небе парил бронзово-фиолетовый дракон. Тень старалась свернуть — ей было смерть как жалко всех, она летела обратно, пытаясь не забыть, где сидел в траве и цветах маленький и веселый Кубыраш, ей было тепло, ветер сушил лицо и губы, и она летела, конечно, куда-то мимо, и сверкали на мгновение рядом совсем огромные драгоценные крылья дракона, а Штевенек и Штырь пропадали совершенно, терялись в другой стороне, и маленький Кубыраш пропал где-то. Мелькали далеко внизу обрыв, скалы, берег. Бесконечно уменьшенный Хромой махал руками и ковылял вдоль моря, а отец просто стоял и смотрел ей вслед, и Тень плакала обильно и горько, и не могла остановиться, и, плача, засыпала наконец.

Александр ЩЕГОЛЕВ

Выстрел. Еще. И еще. Пули с забавным чмоканьем впилась в дерево — пок, пок, пок... И тишина. Глухая тишина. Мрачная. Только что стрекотала местная живность, откуда-то неслись странные завывания и повизгивания, в листве диковинных растений шелестел ветер. И вдруг выстрел — и тишина. Неземная тишина. Как будто выключили звук. В груди образовалась звенящая пустота, волнение исчезло — вот оно, началось!

«Аэлита»-90

Я бросился на сырой мох под ближайшим кустом, затем осторожно оглядел полянку. Снова раздался выстрел. С какой стороны, определить невозможно. Ударило в шлем — я судорожно пригнулся, окунув лицо в грязь. Неприятель меня видел. А я его — нет. Плохо. Я представил, как враг чуть опускает неизвестный мне смертоносный аппарат и неторопливо прицеливается. Перед глазами мелькнул пункт инструкции, я резко вскочил, пробежал несколько метров, прыгая, плюхнулся носом в землю. Вовремя. Серия выстрелов сплилась в оглушительный залп, на месте, где я только что лежал, взвился десяток фонтанчиков земляных брызг. Вот теперь я засек, откуда стреляли. С противоположного конца поляны. Тогда я отполз в сторону, достал бинокль, высунулся и начал осматривать предполагаемое местонахождение противника.

Методично изучая один объект за другим, я заметил: в кроне невзрачного деревца — прямо напротив — что-то блеснуло. Я прибавил увеличение, и бинокль негромко загудел. Дерево резко скануло на меня. Теперь — вверх по стволу, осторожно, внимательно... Так и есть! За листьями был виден неясный силуэт.

«Если обнаружишь неприятеля, которого можешь уничтожить и который не нужен тебе для решения боевой задачи, — уничтожь!» Я повернулся с живота на бок и подвинул сумку. Быстрее, солдат!.. Психогенный излучатель. Не то, не то... Лазер. Ну, лазером действовать глупо, все равно, что хоккейной клюшкой играть в гольф. Ага, вот она! Коробка, на которой нарисован светящийся череп. Внутри — боеприпасы. Здесь соедет обычная разрывная граната; я торопливо нащупал автомат и отработанным движением вогнал гранату в магазин. Магазин растянулся, аппетитно зачавкал, потом захлопнулся. Ствол сделался короче, но пошире. Я поставил автомат на ножки и тщательно прицелился.

Звук выстрела был похож на звук открываемой пробки. Приклад мягко, по-дружески толкнул меня в плечо. На экране прицела я увидел, как дерево будто взорвалось изнутри: верхушка отлетела, ствол раскололся надвое, во все стороны посыпались какие-то ошметки. Я непроизвольно улыбнулся. Сознание отлично выполненного долга всегда доставляет радость.

По инструкции мне следовало проконтролировать ситуацию: осмотреть место, попытаться найти останки неприятеля, какие-нибудь принадлежащие ему вещи. Но я помнил, что случай не совсем обычный. Уничтоженный противник, по всей видимости, был дозорным. Значит, он имел связь со своей базой и наверняка сообщил о моем появлении. Скорее всего, в населенном пункте сейчас боевая тревога, а по направлению к этой злосчастной поляне уже мчатся на полном ходу бронетранспортеры, битком набитые вражескими солдатами. Да, встреча с дозорным усложняла мою задачу. Я вздохнул. Что ж, пункты и параграфы инструкции предусматривали и этот случай.

Сук был толстым и весьма неудобным. Острая чешуя терзала тело через ткань комбинезона. Руки немного ныли: вскарабкаться на дерево, да еще при полном снаряжении — это тебе не на курорте отдохнуть. Нетренированный после такого упражнения валялся бы сейчас, не в силах ногой дрыгнуть. А вообще, позицию я выбрал хорошую. Обнаружить меня в листве трудно, незамеченным к дереву подобраться нельзя, и дорога просматривается довольно далеко. Чешуйчатый сук будто для того создан, чтобы я на нем установил ножки автомата. Очень удобная позиция.

Впрочем, вот и те, кого я жду. Вдалеке появились две темные точки, они быстро приближались, и вскоре я смог их разглядеть. Это были странные полусферы, двигавшиеся непонятным образом, во всяком случае, ни колес, ни гусениц они не имели. Силового

1258) поля, по всей видимости, тоже не было. Если бы эти механизмы находились на некотором расстоянии от поверхности, тут можно было бы сказать с уверенностью — силовое поле. Но эти полусферы касались земли, они словно бы скользили по дороге. Создавалось впечатление, будто взяли большой шар, разрежали его на две половинки, поставили эти половинки на дорогу выпуклостью вниз и подтолкнули. Предварительно, конечно, посадив туда солдат.

А то, что сидящие в полусферах существа — солдаты, было вне сомнений. В одинаковых одеждах, в одинаковых головных уборах, они были как две капли воды похожи друг на друга. Каждый держал в руках толстую палку с набалдашником, вероятно, оружие. Но самое главное — эта раса была гуманоидной! Существа, сидящие в полусферах, походили на людей. Голова, туловище, руки, ноги. И при всем том они отличались от нас. Как, например, кошка отличается от собаки тех же размеров. Разница между ними есть, но виду сразу определишь, где кошка, а где собака, но описать словами эту разницу на редкость трудно, только злишься зря. Так и здесь. Главным же, повторяю, было следующее: существа оказались гуманоидами, и логика их, и тактика, наверное, сродни нашей, человеческой. С таким противником приятно воевать.

Я навел прицел на резкость и уставился в маленький экран. Там две полусферы медленно приближались к перекрестию в центре. За мгновение до того, как первая машина вошла в перекрестие, я нажал на спуск. До меня донесся далекий взрыв. На экране я увидел: страшная сила подбросила первую полусферу в воздух — нет, это была уже не машина другой цивилизации, это было обычное облако грязи. Вторая полусфера заметалась, по ней я дал очередь оставшимися гранатами.

Дерево испуганно задергалось. Я успокаивающе хлопал его по чешуйчатой коре и удовлетворенно оглядел в бинокль дорогу, на которой дымилась две воронки. Затем начал слезать вниз. Сумка за спиной тяжело бултыхалась. Когда оставалось около метра, ноги мои вдруг потеряли опору, и я рухнул сапогами на мягкую пушистую землю, умело спружинив на бок. Вскочил. Что такое? Огляделся. Дерево издевательски шумело листвою, и тут такое зло меня взяло! Не помня себя, я схватил камень и замолотил им по стволу, что-то яростно крича — одним словом, психанул. Только когда до меня дошло, что камень в моей руке вырывается и визжит, как поросенок, я пришел в себя. Брезгливо отшвырнул его в сторону и достал из кармана сумки активатор. С мстительной радостью я смотрел, как дерево зашипело, затрепетало и буквально в пять минут высохло. Потом окончательно оправился, обтер перчатку от дурацкой слизи, которую камень выделил мне на ладонь, и бодро зашагал к дороге. Вскоре я стоял на краю воронки.

Там была какая-то каша. Куча хлама в вонючем болоте из черной жижи. Можно было подумать, что это забытая помойная яма, если бы не запах после взрывных газов. Я даже не предполагал, что разрывная граната способна на такие страшные разрушения. Скорее всего, она послужила причиной взрыва самого механизма. Неподалеку валялись знакомый головной убор и черная палка с набалдашником. Я подошел, взял в руки головной убор. Он напоминал берет и был разорван по краям. Еще он был теплым, липким, и я гадливо бросил его обратно. Палку с набалдашником трогать не стал — это могло быть оружием.

Я направился ко второй воронке и тут явственно услышал голос. Что за наваждение? Остановился, прислушался. И вдруг заметил небольшой ящичек — голос доносился оттуда. Я рассмеялся. Это была все-навсего рация! Собственно, прибор назвать рацией было нельзя, рация — термин чисто земной, а я же находился отнюдь не на Земле. И не должен был это забывать... Хотя, какое имеет значение, как называется

ся эта штука? Важно, что передо мной — средство связи, и что тревога на вражеской базе сейчас достигла апогея. Теперь они вместо легких полусфер, в которых ихние аристократы, наверное, совершают лебеденные прогулки, пошлют настоящие машины.

Голос был монотонным и крайне странным. Он непрерывно тянул одну ноту, часто делая короткие промелтки. Это походило на работу звукового генератора — будто кто-то от нечего делать жмет на ключ. Почему я решил, что это голос? Не знаю. Просто почувствовал. Я поднял переговорное устройство и кинул его в яму. Всколыхнулись ленивые волны, черная жижа всхлипнула, запузырилась и медленно поглотила разговаривающий щик.

Затем принялся за дело. Было ясно — сейчас они бросят сюда лучшую технику. Для них в этом районе происходит нечто непонятное, причем степень опасности этого непонятного возрастает. А так как легкие силы терпят поражение, то посылать их больше нет смысла.

Раздумывая о своем положении, я шел по дороге — в направлении, откуда прибыли полусферы. С этой же стороны, вероятно, должен был появиться и новый отряд неприятеля. Наконец, решил: вот здесь удобнее всего. Расстояние до места первого боя большое, к тому же дорога здесь делает поворот, так что дичь раньше времени вспугнута не будет. А дерево, вылезшее вперед из основной массы леса, вполне подойдет мне в качестве позиции. Здесь и встретим врага.

И вот — снова сижу на толстом суку и снова ожидаю неизвестно чего. Передо мной установлен на треноге лазер, маленький, но достаточно мощный. На поясе удобно устроилась коробочка дистанционного управления взрывчаткой. Автомат до отказа набит снарядами скумулятивным зарядом и разрывными гранатами. Словно леопард в засаде, я затаился в мирной листве дерева. Я подстерегал добычу.

Мне не пришлось долго ждать. Вскоре в том месте, где дорога сходится с горизонтом, появилось пыльное облако. В нем различались черные точки — множество черных точек, которые двигались в мою сторону. Доносился неясный гул: этот гул был мне знаком. Так передвигается колонна тяжелых танков. Впрочем, это и были танки, только не наши, не земные. Когда колонна приблизилась на достаточное расстояние, я смог их рассмотреть.

По дороге стремительно мчались уже не полусферы, а целые шары такого же черного цвета, и перемещались они таким же непонятным способом — скользили, едва касаясь поверхности. У каждого шара наверху была башенка, из которой вылезал зловещий раструб. Я спокойно включил лазер. Загорелась шкала, стрелка индикации установилась на «100». Все в порядке. Потом настроил заранее подсоединенный к лазеру прицел, поймал в него колонну. Между тем танки неумолимо приближались к месту, где была закопана взрывчатка. Я нащупал кнопку дистанционного управления. И когда первая машина, наконец, достигла поворота и оказалась точно на заряде, я вдавил кнопку в приборный щиток.

Сначала я увидел, как вверх взметнулись пласты почвы, а потом услышал грохот. Земляной столб поднялся в воздух и стал рассыпаться. Из него вырвалась передняя машина, медленно перевернулась, повисела в воздухе, нехотя двинулась вниз. Она упала в образовавшуюся яму, и земляной столб накрыл ее. От взрывной волны дерево заходило ходуном.

Колонна остановилась, танки растерянно закрутились на месте. Я сжал рукоятку лазера, мельком глянул на прицел, потом затаил дыхание и нажал на спуск. Ультрафиолетовый лазер — страшная штука. Из окошка вырвался невидимый луч, ударил в последнюю

(259) машину, и та разорвалась на тысячи кусочков — лопнула, как мыльный пузырь. Тогда луч перескочил на другие машины. Он восторженно заплясал в пространстве между первым и последним танком, словно упиваясь способностью разрушать, он безжалостно выжигал мечущиеся по дороге механизмы. А я, закусив губу и стиснув до боли рукоятку, водил лазером туда-сюда, наслаждаясь тем, как подчиняется моей воле этот ужасный луч.

Все было кончено.

Внезапно я заметил: из ямы-воронки, разворотившей дорогу, медленно выползает черный шар. Откуда он там взялся? Неужели это тот самый первый танк, шедший в голове колонны? Ни черта не понимаю! А потом что-то взорвалось у меня в голове, уши заткнула тугая пробка, и я обнаружил, что сижу на земле, тупо протирая засыпанные грязью глаза. В колени мне приткнулся лазер со сломанной треногой, сумка и автомат валялись метрах в десяти, а на месте дерева торчал нелепый огрызок. Вокруг были разбросаны щепки, резко пахло озоном. Я ощупал себя. Вроде не ранен... Странно, как я уцелел? Вон — дерево разнесло... Пошатываясь, добрел до сумки и автомата. Холодный приклад отрезвил мой контуженный разум, я огляделся и покрылся потом. На меня надвигался танк. Вблизи он казался огромным. Вот он уже совсем близко, а его башенка поворачивается раструбом ко мне.

Я сорвался с места, зайцем допрыгал до ближайшей кочки и без сил свалился на землю. Из раструба несколько запоздало вырвалась огненная струя — пылающим следом очертила путь, проделанный мною. Я снова вскочил, понимая, что оставаться на месте нельзя. Краем глаза успел заметить, как из раструба вылетела струйка дыма, и тут же за моей спиной жутко грохнуло. Я упал, сверху на меня посыпалась земля. Кочка вмиг превратилась в аккуратную яму. Я вскинул автомат. Судорожно прижимая приклад к животу, нажал на спусковой крючок. И не отпуская его до тех пор, пока не выпустил все содержимое магазина в этот проклятый черный шар.

Поверхность танка покрылась сплошным взрывом, его на мгновение заволокло дымом. Когда же взрывные газы рассеялись, я чуть не заикался от страха. Танк был цел. По-моему, на его блестящей поверхности не появилось и вмятины. Правда, он растерянно крутился на месте: очевидно, для экипажа мой залп оказался слишком неожиданным.

А я уже бежал по перепаханной взрывами земле. Лазер сиротливо лежал на боку, уставившись матовым глазом-окошком в небо. Я в панике схватил его за сломанную треногу. Индикатор еще горел! Подняв голову, я увидел, что шар успокоился и стоит, не двигаясь, а его башенка с раструбом неторопливо разворачивается в мою сторону. Скорей, скорей!.. Шлепнувшись в грязь, положил лазер на бугорок и навел его на цель. Ч-черт, почему дрожат руки?.. Вот и кнопка — родная моя! Нажал на нее и откинул голову. Шар взорвался мгновенно, шумно, брызнув во все стороны осколками. Я вжался в чужую землю, обнял ее, шепча молитву.

Победа. Да, братцы мои. Она самая, Обессиленный, я перевернулся на спину, подложив под голову руки, и посмотрел в небо. Странное здесь небо, с каким-то зеленоватым оттенком. Неземное небо. Птиц нет, хотя, судя по всему, сейчас лето. Ни облачка, ни тучки. Интересно, бывает здесь дождь?.. Отдохнуть бы. После тяжелой-то работы. Колонны вражеских танков больше не существует — я сделал работу на «отлично», я выполнил свой долг... Ради вас, родные мои. Все — ради вас. Как вы там без меня? Соскучился, дико соскучился, только сейчас понял — как. Тоска... Я устало потер виски. И вспомнил инструкцию.

«Если тебя одолели воспоминания о доме, будь»

мужественным, постарайся прогнать их железной волей истинного воина. Если тебе это не удастся, представь себе, что сделал бы неприятель с твоими близкими...»

Я честно попытался справиться с воспоминаниями. Но воля моя, видимо, оказалась недостаточно тренированной. Тогда я представил, что сделал бы враг с моей женой и дочкой, окажись те у него. Воображение у меня хорошее. И мне как-то сразу расхотелось что-либо вспоминать, захотелось крошить, рвать на части этих псевдолюдей, а потом втоптать их ненавистные останки в грязную лужу. Короче, вылечился. Непонятно только, откуда взялись во мне эти сентиментальные заскоки?

Вдруг меня как током дернуло. Почему я сразу не подумал? Лежу, отдыхаю, болаан... Они же теперь авиацию пустят! Дозорный убит, легкие машины уничтожены, колонна танков разбита. Что остается? Авиация. Пошлют звено бомбардировщиков, которые живо превратят этот район в пустыню.

Так и есть! Прошло всего несколько минут, и небо наполнилось оглушительным ревом. Воздух завибрировал, передавая дрожь земле. Из-за леса выскочила стальная сигара. Потом еще одна. Потом еще... Вытащить кокон и приготовить его было парой пустяков. Самое трудное — влезть в него. Конечно, относительно трудно, как, например, влезть в узкую трубу головой вперед. Когда вой бомбардировщиков стал переходить в пронзительный свист, я, наконец, полностью втиснулся, отделился от внешнего мира чудовищно крепкой перегородкой. Потом отключил звук и приготовился.

Боже правый, во что они превратили местность! Откуда это поле? Куда подевался лес, где дорога? Кругом ямы, земляные холмы, болота из грязи. Небо затянуто пылью. И густая тишина. Ничего не скажешь, обрабатывали участок грамотно, не придерешься! Я еще раз огляделся и содрогнулся, представив, в каком аду находился.

Так. Ждать мне больше некого, меня наверняка считают уничтоженным. Вернее, не меня лично, а непонятную местным войскам силу, которую я представляю. Бомбардировщики были последними, вряд ли сюда пошлют еще что-нибудь. Разве что комиссию — разбираться в происшедшем.

У ног моих валялся скомканный кокон. Я посмотрел на него и понял: пора браться за дело. Меня ждет работа. Я солдат, война — моя работа. Меня ждет война. Я сложил кокон, в результате чего он сделался меньше школьного ранца, потом вскинул сумку на плечи и зашагал прочь.

До заданного населенного пункта было километров двадцать, мне предстояло довольно долгий путь. Сначала идти было трудно, исковерканная взрывами поверхность не давала войти в четкий ритм ходьбы. Только когда я оставил район, подвергшийся бомбежке, шаг мой стал ровным, размеренным. Я шел быстро, иногда сверяясь с указателем направления, стрелка которого постоянно указывала кратчайший маршрут.

Этот город обнаружила предварительная разведка из космоса. Конечно, он был не единственным на планете, но в других местах готовились работать другие. А мое дело — именно здесь. И когда пришло время перейти от бессмысленных наблюдений к первому боевому контакту, я высадился неподалеку от заданного объекта. Мне предстояло выяснить, с кем предстоит воевать, какая техника противостоит нашей, короче, провести пробный бой. Все это я выполнил, даже не дойдя до населенного пункта. Но начатое дело нужно доводить до конца. Необходимо в любых условиях стремиться решать главную задачу — так предписывает инструкция.

12601
Через два с половиной часа, когда я одолел больше половины пути, открытые пространства кончились, и я снова вошел в лес. Меня обступили завывания и повизгивания, стрекотания и стоны. Глухо шелестела листва деревьев, сквозь которую с трудом пробивался дневной свет. Было сумрачно и тоскливо в этом лесу. Частые крики вдалеке, неприятная прохлада, неожиданно наступающая тишина навевали тревогу. Растения приглушенно гудели, будто обмениваясь мнением о незваном госте, невысокая трава со странным бормотанием пыталась расступиться и опадала, когда я ступал на нее. И это тоже тревожило. Вся атмосфера была пропитана тревожным ожиданием. Когда указатель направления показал, что осталось около пяти километров, я удвоил осторожность. Существовала реальная возможность встретить кого-нибудь из местных жителей. Или, что еще хуже, снова нарваться на пост. Если дозорный был выставлен за двадцать километров от населенного пункта, то за пять он должен быть обязательно.

Очень быстро я убедился в своей правоте. К обычным для этого леса звукам примешался вдруг новый. Звук был мне знаком — такой же точно несся из переговорного устройства, которое я кинул в воронку. Это был неприятный, тянущий одну ноту интонационный голос. Вскоре раздался другой звук, более высокий. Голоса были далеко и разносились эхом. Так смело в лесу разговаривают только в мирное время, когда нечего бояться, когда можно не опасаться, что где-нибудь поблизости находится вражеский десант. Странно, неужели эти псевдолюди так беспечны? Или они настолько уверены в своей безопасности? Странно. О какой безопасности может идти речь в двух шагах от места боя!

Я продолжил путь, неслышно ступая по мягкому мху. Голоса слышались все четче. Сомнений не было — я встретил неприятеля. Вскоре моего уха коснулся шум реки. Да, так и есть! Впереди между деревьями забрезжил просвет, в котором виднелась серо-черная вода. Голоса стали совсем громкими и ясными. Я осторожно подобрался к краю леса — дальше начиналось береговое пространство — и выглянул. Голоса раздавались отсюда.

Берег был покрыт крупнозернистым песком зловещего багрового оттенка. Песок отвоевал у леса лишь небольшую полоску и создал здесь маленький уютный пляж. А голоса принадлежали двум гуманоидам, плескавшимся в реке, словно дети. Но это не были дети: слишком крупны, ростом с тех солдат в полусферах. Скорее всего — молодые гуманоиды. Уже не дети, но еще и не взрослые. Они гонялись друг за другом, ныряя, поднимая тучи брызг, и радостно вопили на родном языке. Одежда их валялась недалеко от меня. Пока они так резвились, рассмотреть их было трудно. Я только увидел, что кожа их красного цвета.

Да, да! Отвратительного красного цвета! Это были цветные гуманоиды! Мне стало мерзко. Аборигены, между тем, окончили купание и вылезли на берег, тогда я мужественно преодолел естественное отвращение белого человека, стал их разглядывать.

Пропорции их тела были вполне привычны, поэтому они чудовищно походили на людей. Это оказались юноша и девушка. Точнее — два гуманоида мужского и женского пола, самка и самец. Они были почти без одежды, узкие повязки не могли скрыть сходства их фигур с человеческими. Итак, юноша и девушка другой цивилизации вместе купались. Банально.

Гуманоиды бросились на песок. Девушка положила уродливую головку юноше на грудь, тот ласково гладил ее бурые, слипшиеся от воды волосы. Их красные тела сливались с песком. А я смотрел на них и задавался вопросом: что делать? В мозгу послушно всплывали пункты и параграфы инструкции, но применить их к ситуации было сложно.

Боже, до чего похожи на нас...

Вступить с гуманоидами в непосредственный боевой контакт? Или продолжить путь? Собственно, бояться мне нечего, это мирное население, не солдаты. Вреда они причинить не могут. Но стоит ли обнаруживать себя раньше времени? Вдруг у них есть какой-нибудь способ сразу сообщить обо мне? Цветные хитры на выдумки. К тому же непосредственный боевой контакт, да еще с мирными жителями — неприятнейшая вещь... А с другой стороны, инструкция предписывает при любом удобном случае брать пленного и использовать его согласно поставленной задаче.

Основная моя задача — убивать.

В сумке за спиной лежит психогенный излучатель, который мне дали на случай встречи с гуманоидами. Воспользоваться им я пока не мог, мне не был известен пси-ритм мозга этих гуманоидов. Теперь же... передо мной замерли на песке два представителя гуманоидной расы, пси-ритм мозга которой надо замерить. Они целиком находятся во власти инстинкта продолжения рода — подходи и бери голыми руками.

Строго говоря, ситуация была однозначной. И оправданий моей нерешительности не существовало. Однако я колебался, забыв, что обязан следовать не только букве, но и духу инструкции. Болван... Я опомнился. «Не дури, — приказал я себе. — Ты солдат. Драться — твоя работа. Убивать — твоя работа. Иди работай, солдат».

Я выпрямился во весь рост и уверенно шагнул из леса на красный песок. Услышав посторонний шум, девушка шевельнулась, повернула голову. Лицо ее искажилось, она вскочила, издав пронзительный звук, чем-то напоминавший пожарную сирену. Юноша тоже вскочил, и девушка конвульсивно прижалась к нему. Он обнял ее длинными руками, будто хотел закрыть от меня. Будь это люди, картина, возможно, показалась бы трогательной. Но это были псевдолюди.

Меня охватило идиотское состояние. Инструкция жгла мозг, деться от ее заповедей было некуда. Вместе с тем я отчетливо сознавал: то, что сейчас произойдет — чудовищно. Сомнения разведали твердость духа, это чувство было отвратительным. Оставить задуманную акцию? Боже мой, до чего хочется поскорей вернуться... Женское лицо. Детское... Милые мои, ради вас я все сделаю! Боевой контакт? Что ж, я готов. Милые мои, ради вас... К тому же, если я доставлю пси-ритм мозга противника, это будет большим успехом.

Я увидел огромные, распахнутые глаза девушки и больше не колебался. Я подошел, взял эту сумку за переднюю конечность и потянул на себя. Пси-ритм надо снимать у кого-нибудь одного; я выбрал самку. Та вздрогнула и забила в объятиях самца, который продолжал крепко прижимать ее к себе. Я ласково заговорил, пытаюсь интонациями своего голоса успокоить их, одновременно, слегка поглаживая, разводит руки парня. Но упрямец держал подругу намертво, и мне больше ничего не оставалось, кроме как сильно оттолкнуть его. Краснокожий отлетел в сторону. Я потащил упирающуюся самку к лесу. Тут парень вскочил и, словно ненормальный, бросился на меня. Я, впрочем, ожидал, что он поступит так опрометчиво, поэтому нападение не застало меня врасплох. Отскочил в сторону и ударил его ногой. Враг упал на землю. Даже не упал, а просто опустился, будто прилег отдохнуть. Тогда я прыгнул к нему и вдавил тяжелым сапогом в песок безвольно откинувшуюся голову. Слаба у него оказалась кость! Под сапогом живо образовалось какое-то месиво. Собаке — собачья смерть, сказал я себе, отгоняя не относящиеся к делу мысли. Цветной неприятель другой смерти не заслуживает.

Я почувствовал, что сзади кто-то вцепился мне в комбинезон. Это была девушка. Ну, просто смешной

1261 Я отшвырнул ее, как пушинку, она плюхнулась на живот, тут же привстала, подползла к телу юноши, обхватила его и замерла. Ее красная кожа, мокрая от пота, блестела на солнце, а огромные глаза неотрывно следили за мной. Тогда я неторопливо достал из сумки психогенный излучатель и остальные принадлежности. Потом так же неторопливо приладил к голове девушки датчики. Она не двинулась с места. Я облегченно вздохнул и быстро произвел необходимую настройку.

Оружие было готово к работе. Оно получило способность приносить мучительную смерть гуманоидам, пси-ритм мозга которых соответствует только что сделанному замеру. Это успех операции! Я взглянул на съжившуюся около трупа девушку. Самка, потерявшая самца... Почему-то мне было не по себе. Говоря по чести, меня мучило.

Грязную работу, не испачкавшись, не сделаешь.

Огромные глаза просверливали меня насквозь. Почему она так смотрит? Боится? Плачет? Да, я лишил ее друга, да, я убил его! Но ведь это война. Я убил врага. И пусть он был мирным жителем, пусть он был молод. Это враг. Инструкция требует: «Уничтожай неприятеля. Уничтожай неприятеля в собственном сердце. И да не закрадутся в твою душу жалость и сострадание». Девиз инструкции гласит: «ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ВРАГ — СОМНЕНИЕ, УБЕЙ ЕГО». Инструкция, понимаешь!

Пальцы мои терзали ручку психогенного излучателя. Перед глазами встали на мгновение лица, знакомые до мельчайших черточек, — женское, детское. И исчезли... Что бы с вами сделал неприятель, попади вы к нему в лапы? Что бы с вами сотворили эти варвары! Эти дикари! Представляй, солдат, быстро, не жалей красочных деталей... Дорогие мои, ради вас. Я возвращаюсь героем, я прискачу на коне — гордись мной.

Перед тем, как испытать оружие, я посмотрел в лицо врага. Гигантские глаза светились разумом. Они ненавидели меня за свершенное. То, что я сейчас сделаю, было им безразлично. Я направил психогенный излучатель в сторону этих глаз, зажмурился и нажал на спуск.

Пока дезинфицирующие струи смывали с него грязь, он постепенно приходил в себя. Наваждение расплывалось неясными образами, оставляя ощущение порядка в делах и уверенности в мыслях. Шлюзовая камера была тесной клетушкой с клепаными металлическими стенами. На овальной двери висела табличка: «Выход только по сигналу!», неяркий свет лился из оконца в потолке. Он подождал, пока дезинфекция закончится, потом повесил автомат на плечо, поправил за спиной сумку и нетвердым шагом вышел.

В кабинете за дорическим письменным столом царский восседал оплывший жиром манекен. Рука манекена вместо скипетра сжимала фломастер. Он сидел, не шевелясь, а глаза его внимательно рассматривали что-то на стене. Их величество директор по кадрам... Когда человек вошел, лицо манекена продолжало хранить державное спокойствие, только взгляд с достоинством переместился на гостя. Этот взгляд ощупал его фигуру с макушки до кончиков сапог и остановился где-то на животе. Гость вытянулся в струнку, отрапортовал:

— Испытуемый программу закончил!

Директор еще раз осмотрел вошедшего целиком, потом добродушно улыбнулся:

— Садитесь.

Испытуемый с наслаждением провалился в бездонную мягкость кресла. Автомат положил на колени.

— Молодец! — сказал директор по кадрам. Зачем-то открыл коробку с сигарами, подумал, глянул на гостя и закрыл.

— Я...— пробормотал испытуемый, расцветая.
— Ну-ну, не робейте, вы действительно молодец.
— Я старался,— скромно сказал испытуемый.
Лучше было не обольщаться: похвала манекена — мертвая похвала.
— Вы действовали отменно. Скорее всего будете приняты, пока на низшую должность, конечно.
Испытуемый закрыл глаза. Боже мой... Неужели?..
— Глаз у вас точный, рука твердая, не дрогнет, когда нужно. И воинская смекалка есть. Инструкция имеет, естественно, первостепенное значение, но, сами понимаете, она предусматривает не все случаи.
Манекен ожил. Только что сидел недвижим, и вот — задвигался, глаза разгорелись, даже румянец появился. Очевидно, набрал на любимую тему.
Лишь бы не заметил слезы...
— ...несмотря на это, вам придется тренироваться и тренироваться. Предупреждаю, будет тяжело. Но наши сотрудники всегда должны быть в боевой готовности...
Испытуемый обмяк в кресле, смакуя льющиеся из хохотных уст речи. Наконец-то можно было стать самим собой. Все позади. Принят. Милые мои, родные, гордитесь.
— Испытание прошло успешно,— подвел итог директор по кадрам.— Управление Внеземных Исследований заинтересовано в таких сотрудниках, как вы.
Человек вскопился, вытянулся по стойке «смирно», изображая, как умел, преданность и служебное рвение. Хотелось что-нибудь запеть. Даже военный марш. Хозяин кабинета одобрительно кивнул.
— Волюно, Я думаю, мы сработаемся. Из вас получится достойный специалист по контактам с братьями по разуму,— он вдруг рыкнул и часто заколыхался, мгновенно покраснев. Вероятно, смеялся. Успокоившись, пояснил: — Проблема контакта? Для вас тут нет проблемы!
Испытуемый все еще стоял навытяжку.
— Сядьте,— ухмыльнувшись, приказал бывший манекен.— Сядьте.
Тот исполнил.
— Ну? Как вам понравился наш тренажер?
— Я...
— Смелее.
— Удивительная штука,— севшим от волнения голосом сказал испытуемый.— Все из башки вылетело — где я, что я... Нейроиндукция, да? Я изучал нейроиндукцию, когда учился на невропатолога...
— Знаю,— оборвал директор,— смотрел ваше доксье. Можете не рассказывать о себе.
— Я... Не думал, что такое возможно.
Манекен обрадовался.
— Все удивляют! А разгадка дешева, как в оперетте. Сейчас, думаю, вам можно рассказать. Дело в том, что это не тренажер.
Испытуемый посмотрел на своего будущего начальника.
— Не...
И заткнулся. Директор вбил:
— Да.
Будто гвоздь.
— Не понимаю,— сказал испытуемый твердо.
— Это скорее полигон. Вас поразила достоверность того, что с вами происходит? Так вот. Учтите, эти сведения секретны. Наши биоинженеры конструируют, затем клонируют в лабораториях Управления живых существ и заселяют ими специальные заповедники. Там есть не только человекоподобные твари, которых вы видели. Фантазия биологов безгранична. На этих полигонах и проводятся испытания.
Живые существа!.. Огромные глаза были живыми. В них горел разум. Они все понимали...
— Что с вами? — спросил директор по кадрам.
Тяжелый грязный сапог вдавливал в песок голову. Разлетается в щепки дерево, на котором сидит до-

зорный. Как мыльные пузыри взрываются танки, в которых кто-то находится. Странная черная жижа во взрывной воронке. И снова расплзается голова живого существа под неумолимым сапогом.
— Что с вами? — уже настойчиво повторил директор по кадрам. Даже привстав от ожидания ответа.
— Ничего... Нервы. Сейчас пройдет.
— Что пройдет? Что, собственно, вас так взволновало?
— Ничего.
— Вас взволновало то, что пришлось убивать настоящему,— жестко сказал он.— Не отпирайтесь, теперь это не поможет. Вы пришли сюда не в бумажках копать и не сопли инопланетным младенцем подтирать, вы пришли сюда для дела. НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА! Так какого черта... Ладно, что с вами сюсюкаться! Вы не воин, вы плаксивая баба.
Он переложил на столе безликие папки, успокаиваясь, потом поднял голову и сказал официально:
— Испытуемый, вы не выдержали главного испытания. Мы не можем зачислить вас в штат группы «Внеземные культуры». Вам надлежит сдать снаряжение и форму, вытравить инструкцию, пройти глубокую санацию памяти,— он усмехнулся и добавил: — Да, кстати. Это был действительно тренажер. Та самая нейроиндукция. Вы мирно лежали в ванне и никого не убивали. А снаряжение и остальные игрушки понадобились только для поддержания атмосферы основного испытания.
Возложив руки на живот, он улыбался. Бородавчатый подбородок горделиво рассекал воздух. Равнодушно помаргивала на свету эмблема Управления, приколотая к кителю... И вдруг выяснилось, что в кабинете очень тихо. И нестерпимо пусто. Не взяли,— подумал испытуемый. Не взяли... Ну и что? Не первый же раз, в конце концов. Ерунда, переживем. Начальственной перчаточкой по морде — не в первый же раз... Выходит, зря? Подготовка — страшная, изнуряющая, зубреж поганой инструкции, наконец — испытания. Служаки чокнутые!
Родные мои,— подумал испытуемый. Опять... Опять — выкручиваться, молиться на каждый медяк. Видеть ваши потухшие взгляды. Родные мои, как вернуться к вам теперь? Прежним ничтожеством? Как я могу вернуться?.. Девиз инструкции гласит,— подумал испытуемый. Он поднял голову, распрямился, ощутил сладостную покорность выдрессированных мышь. Девиз. Инструкция. Гласит.
Он был бесконечно спокоен.
Рука сжала автомат, лежащий на коленях. Потом потянула его к себе, следуя вполне оформившемуся желанию. Директор по кадрам продолжал приветливо улыбаться, профессионально упakovывая отказ. Впрочем, он явно, до неприличия откровенно устал быть живым, он уже неуклонно превращался в исходный коронованный манекен... Когда посетитель вскинул автомат, лицо директора по кадрам изменилось. На секунду он поднял к лицу руки, словно хотел заслониться. И тут же опомнился — вдавил палец в кнопку вызова охраны. На лбу его проступил лабиринт из старческих морщин. Глупец! Забыл, с кем имеет дело: с достойным специалистом по контактам.
Испытуемый увидел крохотные, ставшие мутными глаза. В них не было ничего, кроме страха. В них не было разума, только страх. В такие глаза легко стрелять... Это бессмысленно,— подумал испытуемый. Но я должен. Кому? Станный вопрос. Понимаю, я похож на душевнобольного. Но все мы в этом мире сумасшедшие. Дорогие мои, я делаю это ради вас.
Скорее! Сейчас сюда ворвутся другие специалисты. Неизвестно, заряжен ли автомат. Очевидно — нет. Тогда придется воспользоваться им, как дубинкой. Но может быть и заряжен — для поддержания атмосферы основного испытания. Впрочем, он успеет это проверить.

(262)

«Аэлита»-90

Идолы

Марианна АЛФЕРОВА

Когда Амит взял в руки топор, они испугались. Они все поняли и, перетрусив, повалились ему в ноги, как собаки, лизали пальцы. Он нанес два удара, почти одновременно, а затем разрубил идолов на куски. Мертвые, они все еще напоминали людей, только тела их отливали не бронзой, а синевой. Куски Амит бросил в выгребную яму, и они почти сразу же утонули, потому что были тяжелы, как камень. В темноте Амит спустился к источнику и долго мылся ледяной водой: ему казалось, что грязь не смывается, а впитывается в кожу. Назад, в хижину, он крался, как вор, закутавшись в плащ: ему было стыдно, что у него нет больше идолов и он идет по деревне, как нищий или бродяга, как мальчишка, не начинавший жить. Другие осторожней. Шот старого своего идола закопал во дворе под пальмой и вечерами приходил посидеть на его могиле. А новый идол, желтолицый и надменный, прятался за плетнем и наблюдал — не собирается ли Шот отрыть своего старого кумира.

Амит пришел в хижину и сел на циновку. А вместе с ним пришла Тишина. Она легла белым лунным пятном, упавшим из маленького окна. За Тишину явилась Тоска. Тоска сочла стены, потолок и пол, горшки с фасолью, полки с этими горшками, мотыгу в углу и очаг посредине, пустые корзины и кувшин с водою. Тоска ухмыльнулась Тишине: идолов в хижине не было. Никто не требовал, не кричал, не гневался... «Зачем ты их разбил? — спросила Тоска. — С ними было веселее». «Я устал», — ответил Амит. — Устал их все время слышать...»

В низкой хижине идолы доставали головой до потолка. Здесь было душно и тесно, хотелось ругаться, кричать, доказывать свою правоту до хрипоты. И от этого Амит уставал больше, чем от дневного зноя и разбивания мотыгой плотной красной земли.

Амит вспомнил, как уходила Сима. Положила нехитрые пожитки в корзину и взяла за руку крошечного, похожего на ребенка, идола с белыми волосами старика. Утро лишь начиналось, дождь вымыл небо и зелень, мир был переполнен светом, а Сима уходила, и Амит не мог найти слов, чтобы ее удержать. От этой немоты все в нем клокотало и рвалось на части. В ярости Амит схватил ком глины и бросил в спину Симе. Вокруг не было ни души, никто не мог крикнуть: «Закон!» Двор был обнесен плетнем, отгорожен от соседей зарослями орешника. Но над плетнем внезапно возникла круглая бритая голова Ката. Кат отворил ворота и вошел.

Амит замер: грязь перепачкала все покрывало Симы. Сима могла закричать: «Закон», — а Кат — услышать... Идолы за спиной Амита пищали от ужаса...

— Неужели Амит швырнул грязью? — спросил Кат, обливаясь, как кот, и обходя Симу вокруг. — Почему ты не кричишь? Не зовешь на помощь?

Идолы Ката, здоровые, мордатые, ввалились во двор. Они прыгали и плясали, предвкушая забаву. А идолы Амита ничего сказать не могли, они спрятались под навес, где Амит держал ослика, когда у него был ослик...

— Мне незачем кричать «Закон», я сама упала в лужу... — прошептала Сима, а беловолосый идол ее заплакал.

[263]

Амит хотел броситься к ней и сказать, что слова, упавшие меж ними и создавшие пропасть, живые слова, а главное...

Он хотел...

Но оба его идола, осмелевшие после прощающих слов Симы, прибежали из-под навеса и завопили наперебой, заглушили все мысли и переполнили Амита глухой злобой и сознанием своей правоты. Он походил на чучело, набитое прошлогодней соломой. Он не мог ничего сказать, не мог подойти к Симе и коснуться ее руки... И она ушла.

Амит вспомнил своих идолов — толстый нос одного, обвислые щеки другого. Почему они такие безобразные? Раньше он не замечал их уродства. И вдруг заметил. В тот день, когда ушла Сима. Заметил, что они безобразны, завистливы, злобны. Заметил, что они трусливы. Идолы хотели, чтобы Сима ушла, потому что ее беловолосый кумирчик мешал им. Он говорил тихо, по вечерам терся о руки Симы и просил, чтобы его гладили по голове, он занимал очень мало места, но все равно мешал его идолам...

Теперь идолов у Амита нет. Но и Симы нет рядом — она поселилась в своей старой хижине на краю деревни. Встречая Амита на улице, Сима подносила руку ко лбу в приветствии и торопилась пройти мимо. И ее идол торопился. Каждый вечер Амит решал, что позовет Симу назад. Придет и скажет... Но что? Где найти такие слова, чтобы Сима вернулась? Если бы идолы знали их... Но идолы вопили: не смей, не унижайся... И он не смел. Не унижался.

А сегодня разбил своих идолов...

На другое утро, выйдя из хижины, Амит вылил, как положено, десять больших бадей на дорогу, чтобы было больше жидкой грязи. Вместе с идолами исчезли все дела и заботы, даже в поле Амит не пошел, а брел по дороге без цели. Одному ходить непривычно: Амит все время оборачивался, и неприятный озноб пробежал по коже, будто прохватывало холодным ветром. Первым в то утро он встретил Шота. Шот нес большую корзину с крышкой, а следом шествовал его желтолицый идол.

— Эй, Шот, — крикнул Амит, — я утопил своих идолов!

Шот, заслышав голос Амита, вздрогнул.

— Да ты не бойся! Чего ты боишься?! Знаешь, как без идолов хорошо? Никто не ворчит, не требует... Послушай, неужели тебе твой истукан не надоел? Он такой наглый, каких еще не было. Давай мы его разобьем и утопим, а?

Шот не отвечал, а убыстрял шаги, почтительно пропуская своего идола вперед. А тот презрительно фырчал и раздраженно передергивал плечами. И тут вылез на дорогу Кат и оба его идола следом — наглые, мордатые, — чем-то схожие с теми, которых Амит разбил.

— А где твои идолы, Амит? — спросил Кат, ухмыляясь. — Неужели ты совсем без идолов, будто жить начинаешь?

— Да, без идолов! — запальчиво крикнул Амит. — Плевал я на всех кумирчиков и божков! Я теперь могу в ваших дурней, холеных и любимых, грязью кидаться, а вы мне ничегошеньки не можете сделать, ясно?!

— Кидайся, кидайся, — презрительно выпятил губы Кат. — Только все равно без идолов жить не сможешь.

— Смогу! — замотал головою Амит.

Кат засмеялся. Засмеялись его идолы. Захрюкали, запрыгали от восторга. Амит схватил ком грязи побольше и швырнул Катovu идолу в лоб. Второй кусок черной жирной грязи — другому в рот. Натe — подайтесь! Э, как я вас! А вот еще! И еще! Не нравится? Ничего, питайтесь!

Амит швырял и швырял непрерывно, подле него

«Азита»-90

на дороге образовалась целая яма. Идолы, облепленные грязью, выли. Первый, носатый, под тяжестью налипшей грязи шатался и готов был рухнуть. Амит схватил ком грязи побольше, размахнулся, бросил и... Сорвалась рука, и грязь полетела не в идола, а в Ката. Потекли черные струи по лицу, по груди, по белой накидке, стоимостью в три корзины фасоли. Идолы завизжали от радости. А люди, что собрались вокруг и наблюдали с замиранием сердца, предвкусывая, завопили: «Закон!» Крик пронесся над деревней и достиг дальней хижин, где жила Сима.

Амита схватили и поволокли, руки заложили за спину. Кат бежал впереди и показывал путь. Впрочем, и без него знали. Амит заметил, что у двоих, его держащих, не хватает кисти на правой руке, и похолодел, понимая, что эти ни за что его не отпустят. И Кат не помилует. Это не Сима...

— Сима! Сима! — звал Амит.

Толпа бежала за Катом и пленником, а следом неслись идолы. Они выли, кричали, визжали, вцеплялись друг другу в волосы. Путь до жертвенного камня через священный лес не мал, но кончился для Амита быстро. Вот и камень — серый, ноздреватый, с изголовьем и углублениями для рук и ног. А над ним священное дерево протянуло узловатые ветви, похожие на старческие руки Шота.

— Ложись, — приказал Кат.

Амит рванулся, но его повалили, тугие петли обхватили руки и лодыжки. Он вновь рванулся, уже не надеясь вырваться, лишь желая увидеть Симу. Но петля захлестнула горло и душила. Амит захрипел, опрокинулся на спину... Все! Нет спасения! Кровь билась в висках, во рту пересохло. Кат суеился над ним. Он так торопился, что не смыл грязи с лица и шеи. В руках у Ката появился топор с темным нечищенным лезвием, похожим на тот, которым Амит разбил идолов, только тяжелее и массивнее.

Наконец приготовления закончились. Кат встал удобнее и замер. Смолк говор людей, их дыхание ушло. Ветер стих. Амит не видел стоящих вокруг — лишь толстые ветви, что протянулись над ним. Листва обвисла, ожидая вместе с человеком удара. Амит смотрел на листву священного дерева, широко открыв глаза. По закону ЭТО происходит, когда человек опускает веки. Но Амит не моргал. По скулам его катились слезы, глаза жгло. Но он — не моргал. Кат топал от нетерпения ногами, кричал... Амит не моргал. Но тут подскокил один из идолов Ката, наклонился низко, выпучил пустые глаза, похожие на внутренности. От нагретой солнцем башки идола пахло теплой грязью. Амит зажмурился от отвращения. В тот же миг раздался короткий свист, удар и хруст. Кровь хлынула из отрубленной руки. Оба Катова идола подбежали и, толкаясь, стали пить алую горячую жидкость. Остальные идолы толпились вокруг и слизывали с камня брызги...

Шот протиснулся меж идолов и разрезал ножом веревки, что связывали Амита. Культю он обернул чисто вымытыми заранее приготовленными листьями священного дерева. Шот действовал обстоятельно и неторопливо — за такую перевязку придется отдать корзину фасоли. А может быть, Шот потребует еще и козленка. С каждым приношением идол Шота раздувается от спеси. А когда-то Шот был другим человеком. Тогда жил у него прежний идол, которого он закопал. Шот ходил с ним по лесу, собирая травы и распевая песни. А с новым идолом Шот никогда не пел...

— Ты глупый, — говорил Шот Амиту. — Зачем ты разбил своих идолов? С идолами надо осторожно. Пока не завел нового, старого не бросай. Ты — молодой, голова горячая... Ну и выкинул — раз-раз! Надо ж такое учудить, а!..

264

— Они лгали, — пробормотал Амит.

— А ты сделай вид, что веришь... Как же без идола? Без идола всегда так и бывает, как с тобою... Ты бы потихонечку вырастил себе нового, а прежних припрятал...

— Они похожи на Катových, — упрямо бормотал Амит. — Они противные... У, какие противные...

«От идолов какая польза? — думал Амит. — Идолы не принесут воды, они лишь вечно ссорятся и требуют, требуют, требуют... Они не дают человеку жить и умирать не дают спокойно. Хорошо, что он с ними разделался. Если б можно было еще и Катových идолов разбить и утопить там же... Но не выйдет. Катovy идолы — это Катovy идолы, и только Кат над ними властен...»

Тихо в хижине. Тихо и холодно. Некому принести хвороста и разжечь огонь в очаге. Во рту сухо, голова пылает — некому водой смочить губы и лоб... Кто-то прошел под окном. Остановился. Потом двинулся вправо. Шлеп-шлеп. Это босые ноги ступают. А сзади ап-ап... Это идол плетется следом...

Шелестит цинковка. Знакомые шаги... Сима!

Ну конечно пришла! И идол с нею, привычно гладит его по голове...

— Дай воды! — гневно требует Амит. — А своего урода гони вон! От идолов все беды!

Сима закрывает голову покрывалом и хочет уйти.

— Нет, стой... Не уходи... И этот... так и быть... пусть остается...

Сима колеблется...

— Останься, — Амит уже не кричит, а просит и плачет, сам того не замечая, и протягивает в сторону Симы искалеченную руку...

И просыпается...

Нет в хижине Симы. И ночи нет. Солнце забралось в хижину, обрызгало все золотыми пятнами. А на полу возле постели чашка, и в ней вода, и плавают белые лепестки... Так пришла Сима или это только почудилось ему? И был лишь сон о примирении и любви?

Снаружи кричали. Шум был под самыми окнами и проник в хижину. Амит встал, придерживаясь здоровой рукой за стену, и вышел наружу. Ему показалось, что шум имеет отношение к нему...

Сначала он увидел Шота. Тот стоял в стороне, как всегда, с корзиной в руках. А спесивый его идол сидел в стороне и грелся на солнце. Тело идола блестело, отливая благородной желтизной. Потом Амит увидел Ката и двух его распухших чудовищ... И, наконец, за спинами стоящих людей и прыгающих от восторга идолов — Симу. Она хватала комья грязи и швыряла их в Катových идолов, но никак не могла попасть, и комья шлепались обратно в лужи. Дорогу только что полили водой, Сима вся перемазалась — ее юбка покрылась серыми пятнами, а слезы высветлили на перепачканных щеках две тонкие дорожки.

— Это за Амита! — кричала Сима, и вновь набирала полные пригоршни грязи, и швыряла, почти не видя, куда летят комья. А Кат расплывался в наглой улыбке и, как показалось Амиту, подходил ближе, подставляясь под удар. Его не трогало, что грязь обольет лицо. Его интересовало то, что будет после того, как прокричат «Закон»...

— Сима! Сима! — закричал Амит, холодея. — Остановись! Остановись!

Сима, как ослепшая, повернула лицо в его сторону и посмотрела, но не на Амита, а как-то сквозь... А потом в отчаянии опять схватила кусок грязи и швырнула уже намеренно в Ката, позабывшись... Кат утерся полкой своей белой накидки, отплевался и завопил:

— Закон!

И все вокруг подхватили:

— Закон!

Сима замерла... Огляделась вокруг... Происходящее медленно до нее доходило. И — поняла... Побледнев, попятилась. Сжала кулачки. Меж пальцев, выжатая, потекла грязь.

— Нет... — пробормотала Сима и замотала головой.

— Закон!.. — неслось со всех сторон.

— Стойте! — Амит стал протискиваться вперед, к Кату, придерживая перевязанную культю, как младенец. — Я замену дам, замену... — и он вытянул вперед здоровую руку. Внутри, там, где желудок, сделалось пусто, а вокруг тела на мгновение образовалась невидимая твердая кожура, и все вокруг это ощутили и попятнулись...

Но Кат взглянул на Амита лишь мельком и, расплывшись в улыбке, положил руку на плечо Симы. Та сжалась, пытаясь ускользнуть от короткопалой толстой руки Ката.

— Не нужна замена! — хмыкнул Кат, и Амит бросился вперед, целясь здоровой рукой Кату в нос.

Но Шот очутился между ними, он повис на Амите, и вдвоем они рухнули на дорогу. Амит стукнулся культей о камень и закричал. Он кричал от пустоты внутри и отчаянья, а стоящие вокруг думали, что он кричит потому, что кровь вновь течет из раны.

— Ты с ума сошел, Амит, — шептал Шот ему на ухо. — Ты без одной руки намаешься, а без двух совсем пропадешь. А Сима что... С Симы не увидят...

А Кат вел Симу в свою хижину, ее маленький идол бежал следом, спотыкаясь, как слепой, и плакал безутешно, как ребенок. Зато Катовы ухмылялись во всю ширь своих толстых морд. Сима остановилась на пороге хижины, ухватилась за крашенные столбики и выглянула наружу из-под Катовой руки, будто прощались. Кат толкнул ее в спину, и она скрылась в хижине. Следом протиснулась его толстая туша. Шаткая бамбуковая дверь закрылась...

Тут же оба Катовы идола прилипли к окнам, выставив толстые зады. Амит вскочил, оттолкнув Шота, охватил толстый прут и стеганул идолов по задкам. Они завyli, а люди вокруг захохотали. Амит хлестал Катовых идолов, пока не обессилел. Потом повалился на землю и лежал, судорожно втягивая ртом воздух. Постепенно толпа разошлась. У дверей остался лишь Амит, два избитых идола Ката да белоголовый идол Симы. Он сидел на старой циновке у входа и весь дрожал, а по лицу его стекали крупные капли пота...

Сима зажгла светильник и поставила его на низенький столик. Горьковатый запах горящего масла наполнил хижину. Давно наступила ночь, но Сима не ложилась... Пока она двигается, метет пол, носит воду, пока руки ее и ноги заняты, в голове сохраняется холодная пустота, и память не мучает ее.

Неожиданно пламя в светильнике заколебалось: кто-то открыл дверь и остановился. Она различила темный силуэт на пороге.

— Кто здесь? — прошептала Сима и задрожала...

Ей почудилось, что это Кат. Она коснулась плеча своего идола. Тот спал, укрытый толстой циновкой, и стонал, и всхлипывал во сне.

— Это я, — ответил тонкий, будто детский голос. — Я, новый идол Амита...

Идол шагнул внутрь хижины, на свет, и Сима увидела, что ростом он не больше пятилетнего ребенка и еще нетвердо стоит на тоненьких ножках... И личико у него красное, сморщенное, как у новорожденного. А голова совсем голая, лишь на макушке хохолок темных курчавых волос.

— Я пришел от Амита, — проговорил идол, глядя снизу вверх в лицо Симы темными печальными глазами. — Он просит тебя вернуться. Тебя и твоего идола...

И он протянул руку, но не к Симе, а к ее идолу, и коснулся влажных спутанных белых волос...

[265]

СИЛА СЛОВА

Сергей КАЗМЕНКО

Утолщение на кончике побега росло на глазах. Бледно-зеленое вначале, оно постепенно наливалось соком, желтело, потом начало краснеть и теперь спустя десять минут, достигнув размера небольшого арбуза, уже отливало фиолетовым. Еще две-три минуты, и эkkiар созреет — но Ондизаг никак не мог заставить себя протянуть руку к заманчивому плоду. Есть хотелось зверски. С самого утра, а точнее со вчерашнего вечера, во рту у него не было ни крошки. А тут в паре шагов перед ним висел, чуть покачиваясь на тонком черенке, великолепный эkkiар... И все же Ондизаг не решался приблизиться к плоду и взять его в руки. Урок, полученный в один из первых дней пребывания на Алькаме, — нет, Ондизаг был не из тех, кто забывает подобные уроки. Даже мастерство местных лекарей, за какие-то два дня излечивших его ожоги, не изгладило памяти об ужасной, почти непереносимой боли, рисковать снова — нет, к этому он еще не был готов.

И дернул же его черт пойти без провожатого!

Дорога в соседнее селение шла берегом ручья, и Ондизаг не раз за время жизни на Алькаме ходил по ней — но никогда не ходил один. Всегда вместе с ним был кто-нибудь из местных жителей. А сегодня утром он проснулся очень рано, едва лишь начало светать, и не стал дожидаться попутчиков. В крайнем случае вернусь назад, — подумал он, выходя на тропинку. Кто знает, быть может, не попытайся он вернуться, и авантюра эта закончилась бы вполне благополучно.

Эkkiар, висевший перед ним, совсем почернел. Кожура его сморщилась, черенок высох, и на нем ясно обозначился пробковый слой — стоило лишь слегка потянуть, и плод сам свалится в руки. А внутри, под тонкой кожурой — Ондизаг так ясно представил себе это, что рот моментально наполнился слюной, — была сочная красная мякоть, великолепно утоляющая и голод и жажду.

Или отравя.

Рисковать не хотелось. В конце концов, без пищи он сможет протянуть долго. Без воды труднее, но рано или поздно, если не пойдет дождь, он наткнется на какой-нибудь ручей. Здесь, в этом лесу, много ручьев, Ондизаг прекрасно помнил это. Да и вообще, дело не в воде и не в пище. Его наверняка найдут гораздо раньше, чем их отсутствие станет критическим. Опасность в другом — в том, что он, отличаясь от аборигенов Алькамы в каких-то мелочах, совершит непростительную здесь ошибку, и лес этот, казавшийся всегда таким уютным и безопасным, когда Ондизаг бывал в нем не один, навеки поглотит его и растворит без следа. Это для аборигенов здешний лес — как родной дом. Это им он всегда даст и кров, и пищу, и ощущение безопасности. А Ондизаг навсегда останется здесь чужим, как бы ни пытался приспособиться.

Впрочем, он и не старался приспособливаться. Никогда не старался. Приспособляться к миру — это удел низших рас. Ондизаг никогда не позволил бы себе ступить на этот путь. Раса, представителем которой он был, уже тысячи лет наращивала свое могущество именно тем, что приспособливалась бесчислен-

«Аэлита»-90

ные миры к своим нуждам, причем делала это исключительно силами других, низших по предназначению рас. Потому что владела способом заставить эти расы служить своим целям без малейшего намека на принуждение, а значит и без малейшего повода к оказанию сопротивления. Насилие и угнетение были изначально чужды представителям расы Ондизага. Да и многого ли можно добиться насилием и угнетением? Сколько их было — завоевателей, силой покорявших иные миры? Где они теперь? Даже память о них не сохранилась — лишь следы разрушений, мертвые и безжизненные планеты, иногда встречающиеся на галактических путях. Законы развития неумолимы, они не оставили завоевателям места во Вселенной. Как и техногенным цивилизациям.

Последние, впрочем, выполнили свою миссию, соединив многочисленные обитаемые миры сетью надпространственных коммуникаций, связав их в единое целое вне зависимости от разделяющего в пространстве расстояния. И ушли навеки, освободив место иным цивилизациям и иным расам, более приспособленным к дальнейшему развитию. Возможно, думалось иногда Ондизагу, и мы тоже всего лишь выполняем некую историческую миссию, распространяя свое влияние на все большее количество миров. Придет время, и мы тоже сойдем со сцены, уступив место кому-то другому. Но — и в этом он никогда не сомневался — время такое придет еще очень и очень не скоро.

Раздался негромкий щелчок, резкий и отчетливый в абсолютной тишине предзакатного леса, и Ондизаг очнулся от своих размышлений. На кожуре экииара ясно обозначилась длинная — сверху донизу — трещина. Еще щелчок — и новая трещина образовалась рядом. Потом два щелчка сразу, мгновение тишины и целая очередь щелчков. Ондизаг не успел даже как следует удивиться, а поверхность экииара уже была покрыта сетью трещин, разбивших черную кожуру на мелкие чешуйки, которые начали скручиваться по краям и с легким шелестом, как кусочки бумажного лепла, осыпаться на землю. Не прошло и минуты, как экииар повис перед лицом Ондизага тяжелой кроваво-красной грушевидной каплей, слегка раскисавшая и маслянисто поблескивая. Такого Ондизаг еще никогда не видел, но — от усталости или от удивления — не сразу сообразил, что это может быть опасно. Он отступил на шаг, другой и застыл, не в силах оторвать взгляд от этого странного плода. И тут черенок экииара обломился, и ярко-красная капля разбилась о корень породившего ее дерева. Ондизаг вовремя задержал дыхание, но все равно его едва не вырвало от распростиравшегося в воздухе зловония. Хорошо еще, что ни капли жидкости не попало ни на кожу, ни на одежду. С трудом сдерживая дыхание и стараясь не бежать, чтобы не попасть в какую-нибудь новую ловушку, заготовленную проклятым лесом, Ондизаг зашагал прочь.

Только шагов через двести он остановился, чтобы отдышаться. Зловоние сюда не долетало, воздух был свеж и — видимо, по контрасту — удивительно ароматен. Ондизаг устало опустился на землю, прислонился спиной к стволу старого киекса и перевел дух. Что ж, подумал он, вот я и попытался вырастить экииар. И ведь все, казалось бы, делал по правилам — не зря же так долго наблюдал за аборигенами. Да и они никогда не скрывали от него своих приемов, всегда были рады помочь, научить чужака своему искусству... Точно так, как делают это аборигены, Ондизаг отыскал подходящий побег, прищипнул верхнюю почку, надавил ногтем у основания, а потом легкими движениями стал поглаживать это место, пока не убедился, что на конце побега начинает набухать желанный плод. И вот результат... И некому помочь, подсказать, что же он сделал не так, в чем ошибся. Впервые, наверное, в своей жизни Ондизаг

ощутил нечто вроде ущербности, собственной неполноценности. Он, привыкший всегда чувствовать свое превосходство над представителями других рас, — хотя и не выставляя это свое чувство напоказ, — вдруг ощутил, что вот здесь, наедине с этим лесом, он беспомощнее и ничтожнее последнего из аборигенов Алькамы. Здешний лес даст укрытие, накормит и напоит любого из них — но чужака он готов уничтожить и поглотить. И пяти месяцев, проведенных на Алькаме, конечно же, недостаточно для того, чтобы перестать быть здесь чужаком. Возможно, для этого не хватит и целой жизни.

Даже если жизнь его не оборвется в ближайшие часы.

Он услышал легкий шорох справа и резко повернулся. И тут же облегченно вздохнул, потому что из-за ствола дерева показался Киунга. Спасен! — подумал Ондизаг, и все страхи, мучившие его еще минуту назад, растворились в воздухе. Спасен!

— Рад видеть тебя живым, Учитель, — сказал Киунга, подходя ближе. — Тебе не следовало уходить в одиночку.

— Я тоже рад тебя видеть, — Ондизаг встал, отряхнулся. — Я тут чуть было опять не влип в какую-то историю.

— Кейенко, — небрежно бросил Киунга, и чуткое ухо Ондизага насторожилось. Этого слова он еще никогда не слышал и затруднился бы высказать хоть какое-то предположение о его значении, так необычно для местного языка оно звучало. А ведь даже среди своих изошренных в лингвистике соплеменников Ондизаг по праву считался одним из лучших. Удивительной! Прожив на Алькаме уже пять месяцев, основательно изучив многие диалекты, на которых говорят аборигены, продвинувшись, как ему казалось, в разработке метаязыка для этой планеты, он вдруг столкнулся со словом, совершенно ему непонятным! Это немедленно, несмотря на усталость, несмотря на пережитые опасности прошедшего дня, пробудило в нем инстинкт исследователя. Ведь за каждым словом в каждом языке стоит какое-то понятие, и никогда нельзя с достоверностью предсказать поведение представителя нижней расы в определенной ситуации, если не овладеешь в достаточной степени понятиями, которыми оперирует его сознание.

— А-та лико нуага? — осторожно спросил он Киунгу.

— Е. Кама нгоро туабо коррегали стом.

Ондизаг понял, что спросил не то или не так. Киунга либо уже позабыл только что брошенное слово, либо предпочел сделать вид, что не понял существа вопроса. Так или иначе, переспрашивать не стоило. Ондизаг вообще старался держаться предельно осторожно, по возможности скрывая свой специфический интерес к языку аборигенов. Кто знает, как они могут себя повести? Тем более, что, оказывается, какой-то пласт их сознания остался далеко в стороне от его исследовательского взгляда.

Пять месяцев назад Ондизаг не понимал ни единого слова в их языке. Сегодня он мог говорить свободно практически с любым обитателем планеты — даже с теми выходцами с Южных островов, чей язык был совершенно непонятен жителям его деревни. Овладев строем мышления аборигенов, он не испытывал ни малейших трудностей в налаживании контакта с любым из них: изошренный разум мгновенно схватывал новые слова и грамматические формы, и уже через полчаса-час общения Ондизаг мог легко и без малейшего непонимания разговаривать на самые отвлеченные темы, незаметно даже для себя самого экстраполируя и классифицируя полученную лингвистическую информацию.

Он был достойным представителем своей расы. Овладев языком какого-либо народа, соплеменники Ондизага без труда затем овладевали и самим наро-

дом. Ведь если несомненно то, что язык является отражением мыслительных процессов, то верно и обратное — сама мысль, существуя в виде выраженных словами абстракций, является в определенном смысле порождением языка, на котором она сформулирована. А раз так, то, изменив язык, на котором говорит тот или иной народ, можно изменить и весь строй его мышления, можно направить это мышление по желаемому пути, преследуя собственную вполне определенную выгоду. Именно так поступала раса Ондизага. Именно с этой целью он и прибыл на Алькаму, и Алькама была не первым миром, который он посетил. Конечно, сам он не сможет воспользоваться плодами своих трудов — сознание меняется медленно, постепенно, а жизнь человеческая коротка, и не одно поколение сменится, прежде чем далекие потомки Ондизага смогут прийти на Алькаму как законные хозяева. Но его это мало волновало. Он видел перед собой конечную цель, видел смысл своей работы. Раса Ондизага отличалась терпением и настойчивостью, и ничто пока не смогло остановить ее продвижения по Вселенной. Понимания этого было достаточно Ондизагу, чтобы чувствовать, что жизнь его не напрасна.

До деревни оказалось совсем недалеко. Чуть больше километра. Это, конечно, несколько не удивило Ондизага. Он с самого начала знал, что блуждает где-то поблизости. Как знал и то, что сам, в одиночку, скорее всего обречен на долгие и бесплодные скитания по лесу и, возможно, даже на гибель. Точно так же, как Киунга, спокойной идущий впереди Ондизага по узкой тропинке, был бы беспомощен в недрах насыщенного техникой Танкога, планеты, на которой Ондизаг родился и провел детские годы. Там все было привычно и безопасно для Ондизага, там любой человек был защищен от последствий собственной глупости или неосторожности многочисленными блокировками — и все же Киунга наверняка потерялся бы в том мире и вполне мог бы погибнуть. Просто из-за того, что мышление человека изначально не подготовлено к восприятию реальности иного мира и его реакции могут оказаться непредсказуемыми. Ведь и здешний лес тоже наверняка снабжен всеми мыслимыми системами защиты — и все же он едва не убил Ондизага. Со временем, если не случится ничего непредвиденного, у Ондизага выработаются все необходимые навыки, он научится мыслить так, как мыслят обитатели Алькамы, и тогда этот лес превратится для него и для других представителей его расы точно в такой же родной дом. Со временем это придет. Как и то, что здешние жители, подобно обитателям Танкога и еще множества других миров, будут не за страх, а за совесть служить расе Ондизага. Они поймут, что в этом заключается их высшее предназначение. Они поймут — Ондизаг достаточно умен, чтобы вложить в их сознание это понимание.

Только выйдя на поляну перед деревней, Ондизаг понял, насколько он устал. У него едва хватило сил дотащиться до своей жилой ячейки — но даже крайняя усталость не помешала ему приветливой улыбкой отвечать на улыбки встречающих аборигенов. Раса Ондизага никогда не пренебрегала внешними выражениями дружелюбия, справедливо считая, что это всегда окупается. Впрочем, они даже и не задумывались никогда над такими вещами — просто дружелюбное поведение было у них в крови, они не могли и не умели вести себя как-то иначе. Как рассказал по пути Киунга, в деревне совсем недавно узнали, что он пропал в лесу, и тут же десятки аборигенов отправились на поиски. Ведь его здесь любили.

Раса Ондизага умела внушать к себе любовь. Все его соплеменники воспринимали эту любовь как нечто вполне естественное. И так же естественны были для них ответные чувства к представителям других рас — сродни тем, что испытывают к домашним животным или же к привычным, удобным вещам. Любовь — это

12671

понятие лежало в стороне от системы понятий, которыми описывался мир на языке расы Ондизага. Сам он способен был пользоваться любовью, способен был изображать любовь, он даже мог, отвлекаясь от своей высшей сущности и снисходя до мышления на языке какого-нибудь из низших народов, отчасти понять, что это такое. Но все же любовь как таковая всегда оставалась для него чем-то чуждым и внешним. Не любовь объединяла людей расы Ондизага, не она двигала ими в покорении Вселенной. А что? Он над этим не задумывался. Думать над такими вещами — удел Енгари кООбе. Если ему повезет, если он когда-либо достигнет этого высшего статуса — тогда и он будет думать о вещах, которые движут всем сущим. Но право думать об этом еще предстояло заработать.

Хромая, — колено совсем разболелось, — он вошел в свое жилище, одну из многочисленных ячеек, образованных выростами на корнях каких-то местных деревьев, и рухнул на мягкое ложе...

Долго дремать ему не дали. Вскоре в жилище вошел лекарь и, что-то неразборчиво бормоча себе под нос, принялся туго бинтовать Ондизагу колено длинным листом айяга, предварительно смазав его какой-то ароматной мазью. Он не успел закончить, как боль совершенно утихла.

Когда лекарь ушел, соседки принесли пищу — только что выращенные плоды дладде и горячую кашу из сонто, — его любимую еду. А после ужина поодиночке и группами стали заходить жители деревни, и для каждого из них у Ондизага находились свои слова, с каждым было о чем поговорить и что вспомнить. И вскоре даже память о тяжелом дне не омрачала настроения. Что с того, что он заблудился и чуть не погиб в лесу — ведь все это в прошлом. А сейчас можно было весело посмеяться вместе с аборигенами над своими приключениями и не думать о том, чем они ему грозили.

И только одно не давало Ондизагу покоя. «Кейенко». Слово, оброненное Киунгой. Ондизаг с трудом отгонял от себя мысль напрямую спросить кого-нибудь о его значении.

Но наконец наступила ночь — время отдыха. Стены перестали светиться, вход постепенно затянулся густой сетью не то корешков, не то побегов, а ложе приобретало особую, свойственную только ночному времени мягкость. Он и сам не заметил, как заснул.

Утро начиналось с уроков. Ондизаг и учил, и учился сам. Еще в глубокой древности люди постигли, что такой способ общения незнакомых культур приносит обоюдную пользу, и эта традиция — традиция рассылать по Вселенной странствующих учителей — была, пожалуй, одной из немногих, общих почти для всех человеческих цивилизаций. Люди, заселившие некогда бесчисленное множество миров, с течением времени все сильнее отличались друг от друга — дивергентное развитие было естественным следствием жизни в разных условиях. Но с древнейших времен человечество инстинктивно противопоставляло неизбежной дивергенции стремление к узнаванию и сближению, к поискам точек соприкосновения — даже тогда, когда не было для этого иных стимулов, кроме жажды познавать новое. После того, как с исторической арены ушли завоеватели, делавшие ставку на силу и подавление непокорных, тенденция эта усилилась, и долгие скитания из мира носителей незнакомых культур ни у кого не вызывали ни удивления, ни протеста. Все миры были открыты для любого человека, и никто не опасался за целостность своей культуры перед нашествием чужеземцев, ибо история свидетельствовала, что пришельцы, задумавшие поселиться в каком-то мире, очень скоро, всего через несколько поколений становились неотличимы от аборигенов — или вынуждены были уйти.

Все пришельцы, кроме расы Ондизага.

Это была единственная, наверное, раса, которая

«Аэлита»-90

умудрялась везде сохранять свою сущность. Благодаря этому обретала она все большее могущество во Вселенной. Ни один завоеватель даже ценою титанических усилий не смог бы получить на той же Алькаме и ничтожной доли того, что с полным основанием рассчитывал принести своей расе Ондизаг.

Ученики — по утрам учились только дети — собрались на поляне.

— Е туай китану, — приветствовал он их на языке «нккода».

— Е киантануай ки, — хором ответили дети.

И начался урок.

Собственно, это не был урок в привычном смысле. Просто разговор — живой и веселый. Раса Ондизага отличалась умением разговаривать и в простом разговоре сообщать собеседнику столь многое, что помимо его воли это навсегда откладывалось в памяти. В этом умении и был основной источник силы расы Ондизага. И еще, конечно, в их языке. Вернее даже, это было во многом одним и тем же — язык и особые способности расы. Ведь мысли формируются из слов. Слова есть абстракции, которыми можно оперировать, а язык образует, кроме того, некий набор правил, заложенный в самой его структуре, по которым могут группироваться понятия. И оказывается, что уже изначально несет он в себе многие из тех мыслей, которые на нем можно выразить или даже просто «подумать». Тот, кто разговаривает на тего-эхани, способен к мыслям о насилии. Только на диалектах эффенгеда можно выразить принцип запрета повторений, неведомый носителям других культур. И только в языке расы Ондизага существует, скажем, загадочное для говорящих на иных языках понятие «Енгари кООбе». Язык — не только продукт мысли, не только носитель мысли — он еще и «материал мысли».

Именно на этом и держалось могущество расы Ондизага.

Потому что каждый из ее представителей был прирожденным лингвистом. Он легко и непринужденно усваивал другие языки, быстро овладевал правилами их построения, порою неведомыми даже тем, кто на них разговаривал, и проникал в мыслительные структуры, которые скрывались за этими правилами. Легко, непринужденно, быстро... хотя разнообразие человеческих языков в ту эпоху было таково, что все языки древней Земли представлялись Ондизагу и его соплеменникам не более чем диалектами одного общепланетного языка — ведь люди на Земле жили в сходных условиях...

С детьми Ондизаг занимался недолго — часа два. Затем просто бродил по деревне, разговаривал с людьми, что-то рассказывал, слушал их рассказы, пытался временами — довольно неумело — помогать им в их повседневных делах.

Он уже почти готов был к тому, чтобы посеять здесь семена нового мышления. Почти готов — но что-то ему мешало. Какая-то непонятная недосказанность все же оставалась в его разговорах с аборигенами. Вернее даже — смутное ощущение недосказанности. Или тень от смутного ощущения. Как ни старался Ондизаг убедить себя в обратном, все же оставалось что-то в мышлении обитателей Алькамы, до сих пор скрытое от его понимания, и услышанное вчера непонятное слово служило тому подтверждением. Нельзя начинать атаку на сознание аборигенов, пока не достигнуто полное понимание их мыслительных процессов, — эта истина на языке расы Ондизага выражалась словом «аккеат». «Аккеат туонго тэлго», — сказал себе Ондизаг. Перевести эту фразу с языка его расы было невозможно.

Солнце поднималось все выше. Пришел полдень — время отдыха, и Ондизаг вернулся в свое жилище. Вчерашние страхи и тревоги остались позади, он думал лечь и по местному обычаю часок вздремнуть в прохладе своей ячейки, пока минует жара, но уснуть ему

(268) не удалось. «Кейенко, кейенко...» — звучало у него в сознании странное слово. Он стал мысленно произносить его на самые разные лады, но оно оставалось по-прежнему непонятным, и в душе Ондизага нарастала тревога. Еще тревожнее становилось от того, что ему почему-то совершенно не хотелось выяснять у кого-то значение этого слова. Эту странность Ондизаг отмечал за собой здесь уже не впервые. Ощущение было такое, будто он стыдится расспрашивать аборигенов о некоторых вещах. Но как, как он, представитель высшей, призванной властвовать расы может испытывать чувство стыда перед низшими — или перед теми, кому суждено стать низшими?! На языке расы Ондизага даже само понятие такого стыда невозможно было бы выразить, и он вдруг поймал себя на том, что думает о своем состоянии на языке аборигенов.

Это уже никуда не годилось.

Это могло завести его слишком далеко.

Легкая занавеска, закрывая с наступлением жары вход, шелохнулась, и на пороге его жилища показалась Тьяги — самая красивая, наверное, девушка, которую он видел на Алькаме. По крайней мере, с точки зрения Ондизага. Жаль, что она была другой расы, и Ондизаг не имел права передать ее потомкам своим генам. Жаль... — и вдруг кровь бросилась в лицо Ондизагу. Прежде сама мысль о возможности подобного преступлении не могла бы прийти ему в голову.

Нет, определенно с ним творилось что-то неладное.

— Привет, человек без рук, — сказала Тьяги, улыбуясь.

— Привет, — он постарался скрыть свое состояние, но голос все равно прозвучал как-то глухо и неестественно. Впрочем, только изощренный слух человека его расы уловил бы в нем следы внутреннего смятения. — А почему «без рук»?

В ответ она только рассмеялась. Потом отвела за весу рукой и прошла к дальней от входа стене его жилища, туда, где на уровне человеческого роста она образовывала узловатый выступ. Остановившись в полуметре от стены, Тьяги протянула вперед руку и, сосредоточившись, начала водить рукой по выступу. Ондизаг не раз видел, как это делается, не раз пытался повторить — безуспешно. А сейчас он даже не следил за тем, что она делает — просто смотрел на ее профиль, на руки, словно выточенные из слоновой кости, на изгибы просвечивающего сквозь легкое одеяние тела. Краска стыда постепенно отливала от лица, мысли потекли спокойнее. Греховное желание, так поразившее его самого, уступило место расчету. Мысль о потомках, конечно, была случайностью. Зачем ему это, когда в его власти поселить в ее сознании безумную любовь к нему и нежелание иметь детей. Исподволь, ненавязчиво он уже делал это — внушать к себе любовь так просто и так обычно для людей его расы. Почти все заводили себе верных, преданных подруг в других мирах — на несколько месяцев или даже лет. «Акфрэ» — так называлось это на языке расы Ондизага. Но неожиданно для себя он понял, что думает об этом на местном языке, думает местными словами: «биквонг», «игинго», «тугоо-кэ». Постыдными, измененными словами — и снова кровь прилила к щекам Ондизага!

Между тем из выступа в стене показался мясистый молочно-белый побег и, слегка покачиваясь, начал тянуться к лицу Тьяги, как бы притягиваемый ее взглядом. Наконец, она перестала поглаживать выступ у основания побега и повернулась к Ондизагу.

— Ну, покажи, как ты вчера добывал эскиар.

В голосе ее не было теперь и намека на насмешку. И лицо было совершенно серьезно. Ондизаг вдруг понял, что сегодня, совсем скоро он поймет что-то очень важное для себя, что-то такое в жизни аборигенов, что прежде ускользало от его сознания, и мысль об этом мгновенно затмила все посторонние мысли.

Он встал, подошел к стене и посмотрел на побег — почти такой же, как вчерашний, чуть не погубивший его в лесу. Протянул руку. Побег был чуть тепловатый и клейкий на ощупь. Он провел рукой от основания до вершинной почки, осторожно сжал ее двумя пальцами, потом прищипнул. Снова провел пальцами от основания побега до его верхушки, надавливая через равные промежутки — так как бесчисленное множество раз делала это на его глазах аборигены, заставляя побеги плодоносить. Так, как он сделал это вчера.

И все повторилось — только Тьяги не дала экииару созреть. Кожура плода была еще ярко-желтой, когда она протянула руку и надломил побег у основания. Как и накануне, экииар копил в себе яд, и она просто не в силах была сдерживаться. Ондизаг не удивился — он не смотрел на растущий плод, он следил за Тьяги и видел, как сосредоточенное ожидание быстро сменилось на ее лице гадливостью. Она смотрела на экииар, но обостренным чутьем Ондизаг понял, что гадливость эта относится не только к ядовитому плоду — и к нему самому тоже. Чувствовать это было странно и непривычно, и он не мог даже подобрать слова на языке своей расы, чтобы описать собственное душевное состояние.

Но что, что тут было описывать?! Почему вдруг отношение этой девчонки так задевает, уязвляет его? Что такого в том, что он не способен управлять местными живыми организмами? Немыслимо думать всерьез о том, чтобы в совершенстве овладеть навыками всех рас. Это и не нужно, когда владеешь главным — способностью превращать других в свои послушные орудия. Один этот навык стоит всех прочих, вместе взятых.

Тогда почему же ему так... так стыдно? Именно стыдно, произнес он про себя на местном языке. Стыдно, стыдно, стыдно... И, когда Тьяги, наконец, повернулась и посмотрела на него, он отвел взгляд.

— Кейенко, — чуть слышно произнесла она и пошла к выходу. И слово это, как и накануне совершенно непонятное, обожгло Ондизага, словно пощечина.

— Тьяги, — сказал он вполголоса, но она не оставилась.

— Тьяги! — сказал он громче. — Подожди, Тьяги! — Он кинулся вслед и встал, загородив проход. Он не знал, не мог понять, зачем делает это, но почему-то чувствовал — так, будто ему сказали, — что не должен, не имеет права отпустить ее вот так, что не будет у него больше возможности понять... не это слово, нет — понять, что же такое творится с ним самим.

— Пропусти, человек без рук, — сказала она по-прежнему чуть слышно и попыталась отодвинуть его со своего пути. Но именно попыталась — и тут же отдернула руку. Так, будто коснулась чего-то горячего. Или мерзкого.

— Почему? Почему ты называешь меня «человеком без рук»?

— Тебе не понять этого, — она смотрела в сторону. В глубине жилища послышался стук — это оборвалась и упала на пол ветка с несостоявшимся экииаром. Тьяги даже не вздрогнула, просто стояла и ждала, когда Ондизаг освободит ей проход. Так ждет человек, когда кончится дождь. Или пока автоматы не очистят загрязненную зону, вспомнил свой родной мир Ондизаг. Так ждет человек, когда отступит чужая, косная сила — так никогда не ждут поступков другого человека!

— Ты должна мне объяснить! — почти прокричал он ей прямо в лицо, но она молчала, закусив нижнюю губу. — Слышишь, ты должна мне объяснить! — Он схватил ее за плечи и стал трясти изо всех сил. — Ты должна, должна объяснить мне это!

Она попыталась оторвать его руки, но силы было слишком неравными, и тогда, размахнувшись, она ударила его по щеке. Но гораздо большей пощечины ударили ее слова:

— Кейенко! Онги рекалу тонго!

И все вдруг стало ясно. Так ясно, что не оставалось места для какого-то иного толкования. И не стало надежды на отмену приговора. Пальцы Ондизага сами собой разжались, перед глазами потемнело, и он, как слепой, натыкаясь на стены, с трудом добрался до своего ложа и рухнул на постель.

Когда ушла Тьяги, он не помнил.

Мысли его были в полном сматении. Несколько часов пролежал он, отгоняя их, тщетно пытаясь ни о чем не думать, чтобы не допустить до своего сознания смысл вдруг открывшейся ему истины о себе самом. Но время не облегло боль, лишь усиливало ее, потому что раз за разом ловил он себя на том, что думает на языке аборигенов Алькамы — язык его собственной расы не содержал ни необходимых понятий, ни конструкций для манипулирования ими. Наконец, с великим трудом он взял себя в руки и сосредоточенно проделал весь комплекс мысленных упражнений эгийер-кн'аги — мучительный, но действенный способ очищения разума, с незапамятных времен известный его соплеменникам.

Он вновь обрел способность к ясному мышлению — и какую-то пустоту внутри, которой никогда не замечал прежде.

Что ж, многое теперь становилось понятным. Почти все. Он понял, наконец, что именно в мышлении аборигенов оставалось для него неясным, понял, что удерживало его от начала атаки на их внутренний мир. Три слова, брошенные Тьяги, раскрыли ранее непонятные связи и сняли покров тайны. Теперь аборигены были в полной его власти. Но радости не было.

Еще вчера у него даже не было средств для того, чтобы сформулировать такие мысли. Но три слова, которые он услышал сегодня, разрушили плотину в его сознании — и все изменилось. Мир вокруг стал другим — только потому, что Ондизаг не мог смотреть на него прежним взглядом. И в этом изменившемся мире вдруг оказалось невысказанно совершить то, ради чего прибыл он на Алькаму, и остаться при этом самим собой. В этом новом мире естественный для людей расы Ондизага образ мысли и образ действий, как выяснилось, вообще несовместим с самим понятием «человек». И ничего поделать с этим было нельзя — если не позабыть напрочь слова, услышанные им сегодня. Но даже если бы он позабыл их, остались бы в его памяти смысловые связи, порожденные осознанием их, и ничего равным счетом не изменилось бы. А если бы какое-то чудо вдруг лишило его понимания этих связей — то он уже не в силах был бы навязать аборигенам нужный образ мысли. Ему всегда казалось, что это так просто — слегка изменить структуру языка, иначе расставить акценты, ввести некоторые новые обороты... Никто ни о чем не подозревает, никто не тревожится — но мышление новых поколений, вступающих в жизнь, становится другим. Таким, какое требуется расе Ондизага.

Еще вчера все это было вполне достижимо.

Но теперь это было невозможно, совершенно невозможно! Ибо совершивший все это мог называться только «кейенко», и это про него можно было сказать: «Онги рекалу тонго».

«Человек без рук»... Вот, значит, что она имела в виду, вот на что надеялась. И вдруг убедилась, так, что и тени сомнения не осталось: не человек без рук — человек без сердца, человек без души. Душа... Само понятие это, столь обычное для многих покоренных народов, было совершенно чуждо расе Ондизага. И он, как и все его соплеменники, относился к душе естественным для себя образом — как относится естествоиспытатель, анатомируя под микроскопом бабочку. Оказывается, и у него самого есть душа, и эта душа болит. Проклятье! — он опять думал на языке аборигенов. Но думать на родном языке он бы сегодня не смог. В нем просто не было средств, чтобы

выразить то сокровенное, что открылось ему сегодня. То главное, чем он отличался от аборигенов и что лишило его даже малейшей надежды овладеть их талантом в управлении природой, тот душевный изъян, по которому все в этом мире сразу распознавалось в нем чужака. Как просто и понятно становилось все теперь — и безумно сложно, практически невозможно что-то поправить, что-то изменить.

«Огни рекалу тонго» — это было сказано о нем. О человеке, который считает, что ему принадлежит все, который привык брать то, что ему требуется, и даже не думает о том, чтобы что-то отдавать. В этом заключалось отличие его от аборигенов. Потому что для них — только сейчас он понял это! — именно в том, чтобы отдавать, и состоял смысл жизни. Отдавать — и не требовать ничего взамен. Отдавать — и получать неизмеримо больше, ведь на Алкэме все построено на этом универсальном принципе. Да и как могло быть иначе, если сам этот мир был творением бесчисленных поколений аборигенов, без остатка отдавших себя этому миру? Каким же жалким уродцем выглядел рядом с ними он, Ондизаг, «кейенко» — человек, который берет, не отдавая, «тот, кто хочет проглотить весь мир», если попытаться буквально перевести это слово.

Он даже застонал от омерзения.

Но не это было для него самым страшным.

Ондизаг смог взглянуть со стороны не только на себя самого — на всю свою расу. На людей, которыми всегда гордился, чье могущество всегда служило неопровержимым доказательством их права на владение Вселенной. Но теперь — теперь перед его мысленным взором предстал жуткий образ расы-паразита, сосущей жизненные соки из других народов, и уйти от этих мыслей было уже невозможно.

Не в силах более выносить это мучение, Ондизаг вскочил на ноги, схватил свою накидку и бросился к выходу. Больше всего на свете боялся он встретить кого-нибудь из аборигенов: жуткий стыд охватывал его при одной только мысли о том, каким чудовищем предстает он в их глазах, и он страшился прочитать в первом же взгляде подтверждение этой мысли. По счастью, было время вечерней еды, и он закоулками выбрался из деревни, не встретив никого на пути. Но куда было деваться от стыда перед самим собой? Быстро, почти бегом двинулся он через поляну к лесу. Две минуты — и деревня скрылась из глаз. Навсегда, если он не сбросит с себя позорное имя «кейенко». Навсегда, если не сумеет стать человеком.

Он перевел дух, огляделся по сторонам. Было тихо, сумрачно и спокойно. Влажная земля издавала чуть горьковатый запах прелых листьев. Где-то высоко шумела под ветром листва — но внизу не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Лес ждал Ондизага.

Он осторожно подошел к ближайшему дереву, раздвинул мох и обнажил кусок коры с ладонь размером. Вон та темная точка внизу — кажется, так и должна выглядеть спящая почка. Ондизаг осторожно прикоснулся к ней пальцем, стал поглаживать кору вокруг. Но ничего, ничего не менялось. Вчера ему повезло, вчера он нашел растущий побег — но не сумел вырастить экиара. Сегодня у него не было выхода — он должен был заставить эту почку проснуться. Но нет, нет же, она не хотела расти. Кейенкой Проклятый кейенкой! — думал он, с отчаянием видя, что ровным счетом ничего не происходит. Ты опять думаешь не о том, кейенкой! Ты опять хочешь что-то получить от этого мира. Но права на это у тебя нет. У тебя осталось одно-единственное право — искупить свой грех. Жизнью своей искупить грех свой и своей расы. Пусть ты погибнешь в этом лесу, и тогда он примет тебя, и ты раствориться в нем, и ткани твои сольются с его тканями, и соки твои воьются в соки его деревьев.

(270)

...Он не сразу заметил вздутие на месте спящей почки — лишь когда верхний, сухой слой коры треснул, и из-под него показался кончик побега. Но он старался не отвлекаться и не смотреть на этот побег, он все гладил и гладил кору у его основания, и только когда мягкая и чуть клейкая почка коснулась его груди, Ондизаг оторвал руку от ствола.

Никогда прежде не бывал он в таком состоянии. Даже когда дурмящие слова песен т'юнгора проникали в его сознание — а люди его расы нечасто позволяли себе расслабляться и петь эти песни — даже тогда не было в теле его и в мыслях той легкости, что ощущал он сейчас. И в этой легкости и дурмане как-то затерялось опасение, что, возможно, живет он последние минуты — сама мысль о предстоящем слиянии с этим лесом несла в себе какую-то странную, непонятную, неведомую прежде радость.

Медленно и осторожно, так, чтобы причинить дереву как можно меньше боли, Ондизаг провев пальцами от основания до кончика побега и прищипнул верхнюю почку. Затем все так же медленно стал перебирать пальцами вдоль побега — туда и обратно. Он не стремился повторить виденные столько раз движения — он старался заглушить, загладить причиненную дереву боль.

Через десять минут экиар лежал у него на ладони. Ондизаг разломил его надвое и откусил сочной, сладкой мякоти. Он совершенно не боялся смерти. Он просто не думал об этом. Он знал, что прощен.

Прощен и принят в среду людей. И никто уже не посмеет сказать про него: «кейенко». Никто и никогда. Потому что того Ондизага, каким он был еще утром, больше не существовало.

Сзади хрустнула ветка, и он оглянулся. И не удивился — так, будто ждал этого. Наверное, она давно уже стояла здесь, в пяти шагах от него. Он улыбнулся, шагнул к ней навстречу и протянул половину экиара. Так, будто ничего, ничего не произошло между ними всего несколько часов назад. Так, будто не ему сказала она те страшные слова.

Да их, в сущности, и не было. Потому что сказаны они были другому человеку...

— Ты злой, грубый и жестокий, — говорила она ему этой ночью в перерывах между поцелуями. — Ты не умеешь вести себя с девушками. У меня остались синяки на плечах от твоих крючковых пальцев, — и счастливо смеялась, а Ондизаг целовал и гладил эти синяки, и крепко сжимал ее в объятиях, и был счастлив — наверное, впервые в жизни. Ведь это такое счастье — отдавать, думал он. И отдавая, тоже можно покорять Вселенную.

Но эту мысль он оставил на утро.

АЭЛИТА-90 ФАНТАСТИКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Дмитрий Баюшев. Допущение. Повесть	1
2. Иван Тяглов. Круги Магистра. Повесть	1
3. Александр Стоянов. Вполне порядочный мир. Повесть	45
4. Николай Орехов, Сергей Орехов. Присказка. Рассказ	60
5. Сергей Михалёв. Форс-мажор. Рассказ	67
6. Алексей Иванов. Охота на «Большую Медведицу». Повесть	69
7. Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. Сценарий	89
8. Александр Романов. Чуда не будет... Рассказ	108
9. Владимир Михайлов. Ночь Черного Хрустала. Повесть	109
10. Владислав Крапивин. Крик петуха. Повесть	155
11. Артур Конан Дойл. Владыка Темной Стороны. Повесть	215
12. Георгий Гуревич. Бхага. Повесть	227
13. Наталья Галкина. Надзиратель прошлого. Рассказ	252
14. Андрей Карапетян. Скоро будет весна. Рассказ	254
15. Александр Щеголев. Главный враг. Рассказ	257
16. Марианна Алферова. Идолы. Рассказ	263
17. Сергей Казменко. Сила слова. Рассказ	265

«Аэлита»-90

Фантастика под микроскопом

Обзор ответов на викторину-90

Ольга КНЯЗЕВА

Третий вечер читаю эту чертову фантастику, аж в голове трещит. Ракеты, планеты, полеты, дюзы, музы, грузы, пришельцы всякие...

Г. Гуревич. В зените

Угасла заря третьего, а потом и девяносто третьего вечера, и 156 человек (14 % — женщины, 33 % — школьники и учащиеся ПТУ), доверив свою «головную боль» почте, получили возможность — по выражению одного из участников викторины — «предаться занятию Обломова».

Ну, а мы уже в 15-й раз от основания викторины и в 4-й — после тайм-аута 1986 года вновь проверяем на себе истинность поговорки: «Как аукнется — так и откликнется». Похоже, впрочем, что «сход лавин» (362 письма с ответами на викторину-87 и 346 — в 1988-м), к сожалению, прекратился и количество участников теперь примерно такое же, как и перед тайм-аутом. Но независимо от этого числа, около одной трети участников отвечают на вопросы следующих викторин. Вот и в этом году у нас 56 таких писем: 23 читателя участвуют второй раз, а 33 — четыре и более (есть ветераны и с 10-летним стажем!).

Правда, не всегда в нашей статистике все так просто рассчитать. Например, суммарное число ответов на туры 1-А и 1-Б (107 и 97 соответственно) и в этом году превышает количество участников викторины. Когда «все еще впереди», трудно предвидеть, какой из вариантов окажется «легче», и поиск, естественно, ведется «по всему фронту», а потом (на всякий случай и — не пропадать же трудам!) высылаются обычно итог всей проделанной работы. Тут-то и появляются странности в статистике: хотя в зачет идет лишь один вариант, мы учитываем все ответы, чтобы определить слишком легкое и чересчур сложное, очень скучное и вызвавшее интерес — и постараться учесть это в новых викторинах.

Впрочем, перейдем к ответам, поблагодарив при этом тех, кто помог нам снабдить текст эпиграфами. Это — С. Воркунова (Северодвинск), И. Воронов (Тольятти), В. Дюдиков (Ленинград), В. Журавлев (Юбилейный Кировской обл.), И. Колиганов (Бийск), В. Колядин (Рязань), (?) Колдошников (Магнитогорск), М. Кононов (Мытищи), В. Краснеев (Ульяновск), С. Ларичев (Владивосток), Е. Лисовская (Обухов Киевской обл.), К. Максимов (Киров), Р. Масленников (Кострома), Н. Никифоров (Измаил), К. Пенкин (Ковдор), И. и В. Почиталины (Орск), О. Федоркин (Мытищи), В. Чашечников (Сумы), А. Яковлев (Ульяновск).

Тур I-А

Кот с досадой выплюнул цветок и, весь сморщившись, потер лоб.

— Отчаянное положение, — проговорил он. — Ведь кое-что помню!

А. и Б. Стругацкие.
Понедельник начинается в субботу

Эта мысль — в разных вариантах — встречается в ответах почти на каждый вопрос: и «ведь недавно читал!», и «когда же, наконец, наведу порядок в своих записях?», и даже краткий пересказ «того самого» произведения, но... Но в результате получилось, что в среднем взрослые набрали по 11,1, а школьники — по 8,5 балла в этом туре. Впрочем, нет худа без добра — даже если и не находился ответ на вопрос, за время поисков набирался иногда материал на хороший реферат. О рефератах речь впереди, а пока...

1-А. «ЗАБОТЯСЬ О МЛАДШЕМ ПОКОЛЕНИИ, ОСТАЮЩЕМСЯ ИНОГДА В ЖИЛИЩЕ БЕЗ ПРИСМОТРА, ПРОФЕССОР ИЗОБРЕЛ НЕЗАГОРАЮЩИЕСЯ СПИЧКИ, ВЫПУСКАЕМЫЕ СЕЙЧАС НА ЗЕМЛЕ В МАССОВОМ ПОРЯДКЕ». ОТКУДА ЭТОТ ОТРЫВОК?

— А меня больше всего интересует Станислав Лем.

— Кажется, я где-то слышал о нем.

— Всего лишь слышали! То, что вы говорите, ужасно!

В. Генкин, А. Кацура.
Лекарство для Люс

Не менее эмоциональны и ответы участников викторины. «Конечно же, такое изобретение мог сделать только такой великий исследователь и разносторонний человек, как профессор Тарантога», — утверждают В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре) и еще 34 взрослых и 18 школьников, отсылая нас к «Путешествию две-

надцатому» из знаменитых «Звездных дневников Ийона Тихого» С. Лема. Заметим, кстати, что в этом году уже почти никого не удивляли некоторые разночтения цитат в наших вопросах и текстах найденных читателями книг: такая ситуация обычна при переиздании произведений зарубежных авторов в новых переводах или расширенных и дополненных — отечественных.

1-Б. «— ГДЕ ЖЕ РАКЕТА!

— НИГДЕ. ЕЕ НЕТ. ОНА ПРОПАЛА.

— ВЫ ШУТИТЕ... ПОИЩИТЕ ЕЕ В МОЕМ ЧЕМОДАНЕ.

ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТОТ СТРАННОВАТЫЙ ДИАЛОГ?

Коммодор протер глаза. Корабль исчез! Но не мог же он провалиться в ничто!

Г. Франке.
Самоуничтожение

Коммодор прав. И хотя некоторые читатели честно искали «подходящие» чемоданы (в повестях К. Булычева, в «Человеке с кейсом» Р. Сагабалина) или предполагали, что дело не в необычности чемодана, а в миниатюрности самой ракеты,— корабль действительно исчез, а терпящий в нем бедствие космонавт «просто» оказался на Земле. Произошло это в рассказе В. Щербачева «Мы играли под твоим окном...», о чем сообщили нам 21 взрослый и лишь один школьник. (В. Черников, 9-классник из г. Желтые Воды Днепропетровской обл.).

2-А. «— ХОДЯТ СЛУХИ,— СКАЗАЛ ОН, ПОГЛАЖИВАЯ БОРОДУ,— ЧТО БУДЕТ ВИДНА ЗЕМЛЯ. ДА, ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ. ВСЕ ГАЗЕТЫ ПОЛНЫ ЭТИМИ СЛУХАМИ». ОТКУДА ЭТА ЦИТАТА!

Все эти слухи вызвали такое волнение на близлежащих планетах, что специальной экспедиции было поручено исследовать окрестности.

С. Лем. Путешествие 25-е

Догадавшись, что предложено поискать «что-то довольно старое» (основные аргументы— борода и «звездоплаватели» в цитате), 4 человека прямо указали на книги Г. Мартинова. Источник же цитаты— рассказ Г. Альтова «Девять минут»— обнаружили лишь 17 более внимательных читателей. Кстати, единственный среди них школьник— 10-классник из Уфы А. Давлетов— был уверен, что «для читателей не составит труда разгадать», откуда взят отрывок...

2-Б. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ В СОСТАВ ЭКИПАЖА ЗВЕЗДОЛЕТА ВХОДИТ УЧИТЕЛЬНИЦА РИТМИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКИ!

— Разрешите представить,— сказал он,— наших гостей. С сегодняшнего дня— членов нашего экипажа.

К. Булычев. Последняя война

Отыскать этот экипаж оказалось несложным делом для 22 человек (в том числе— 8 школьников). Учительница ритмической гимнастики Ионе Мар на звездолете «Тантра» (И. Ефремов. Туманность Андромеды), как заметили многие, была также распределителем питания, воздушным оператором и коллектором научных материалов.

3-А. «— Я МАРСИАНИН! — СКАЗАЛ ОН ГЛУХОВАТЫМ ГОЛОСОМ.— ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ, ИНАЧЕ ПУЩУ В ХОД АННИГИЛИРУЮЩИЙ БЛАСТЕР С ФАМАГУСТОЙ». ГДЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ!

— И что это все всегда прикидываются, будто они с Марса! — раздраженно поинтересовался Сэм. Ч. Фрич. Маскарад

Подавляющее большинство пришельцев— во всяком случае, мнимых— и впрямь предпочитают в НФ в качестве родной планеты Марс; не стал исключением и тот из них, что вызвал переполох в глухом провинциальном Заборьевске... Повесть Г. Шаха «О, марсиане!», где рассказана эта история, вспомнили 10 школьников и 31 взрослый.

3-Б. «— ВЫ НЕ МОГЛИ БЫ ПОМОЧЬ НАМ! — СКАЗАЛ МАРСИАНИН.— ВСЕ ПОСОЛЬСТВО НЕ СПИТ. МЫ ПЕРЕРЫЛИ ВСЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ИЗУЧИЛИ ВИДЕОФОННУЮ КНИГУ, НО НЕ МОЖЕМ НАЙТИ, КТО ТАКАЯ БАБА-ЯГА И ГДЕ ОНА ЖИВЕТ...» ОТКУДА ЭТА СИТУАЦИЯ!

— Фу, как банально! — разочарованно воскликнул Кайманов.— Никакой тебе искры божьей, никаких тайн мадридского двора. В. Савченко. Алгоритм успеха

Подобными эмоциями пронизаны и ответы на этот вопрос, признанный всеми самым легким в нынешней викторине. 64 человека (школьников— 15) без труда определили, что приведенная ситуация возникла в рассказе «Я набираю номер» из цикла К. Булычева «Девочка, с которой ничего не случится». Впрочем, как заметил О. Костенко (Ленинград), «инопланетяне постоянно попадают впросак из-за земных сказок».

4-А. «ПОВОДОМ ДЛЯ ЭКСПЕДИЦИИ ЯВИЛОСЬ СМЕЛОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССОРА, ЧТО ВСЕМ ИЗВЕСТНЫЙ ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ЧЕМ ИНЫМ, КАК ПАМЯТНИКОМ, ОСТАВЛЕННЫМ НА ЗЕМЛЕ ИНОПЛАНЕТНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ...» ГДЕ РАССКАЗАНО ОБ ЭТОМ!

— Откуда этот отрывок! — спросил загадочный человек, прыгая с камня на камень.

Г. Гор. Синее окно Феокрита

Ни имени автора, ни заголовка бестселлера, который перед «творческой встречей с населением» читает милиционер Баловнев, так и не открыли Ю. Брайдер и Н. Чадович в своем «Поселке на краю Галактики». Отыскали этот рассказ 13 взрослых и 5 школьников.

4-Б. «— И ВЫХОДИТ, ЧТО ТРУДОВОЙ ВАШ СТАЖ...— ТУТ НИКОЛАЙ ДНИКЕЕВИЧ УЖЕ СОВСЕМ НЕ МОГ УДЕРЖАТЬСЯ И РАСПЛЫЛСЯ В ВЕСЕЛЕЙШЕЙ УЛЫБКЕ,— ВАШ СТАЖ...

— ТЫСЯЧА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ЛЕТ».

ОТКУДА ЭТОТ ДИАЛОГ!

— Давно летаешь на фотонных ракетах!

Вместо ответа я отвернул лацкан куртки, показывая ему медаль, на которой было выгравировано: «Сто световых лет».

А. Колпаков. Гриада

«Стаж измеряется годами,— рассуждает Р. Мазитов (Салават БашАССР)— годы днями и часами, а часы, как известно, работают с помощью пружин. Но ведь могут работать «Часы без пружины», когда захотят. И это наглядно доказывает Зиновий Юрьев...» Кроме Р. Мазитова, правильный ответ нашли 13 взрослых и лишь 3 школьника.

5-А. «ОДНАЖДЫ КОРАБЛЬ, ОГРОМНЫЙ ДО БЕЗОБРАЗИЯ, СТУКНУЛ НАС ТОЧНЕХОНЬКО ПОСЕРЕДИНЕ, И ПОТРЕБОВАЛАСЬ ПСИХОЭНЕРГИЯ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ, ЧТОБЫ ПРИДАТЬ НАШЕМУ ОСТРОВУ ВИД АЙСБЕРГА. КАЖЕТСЯ, «ТИТАНИК» — ВОТ КАКОЕ НАЗВАНИЕ БЫЛО НА БОРТУ КОРАБЛЯ». ОТКУДА ЭТА ЦИТАТА!

— Айсберг прямо по курсу! Мэрдок немедленно скомандовал:

— Лево на борт! Стоп машина! Полный назад!

Поздно... «Титаник» вздрогнул от толчка.

К. Селькин.

Короткая жизнь «Титаника»

«Хм-м, пахнет эльфами...» — подумал Бильбо (Д. Толкиен. Хоббит). С ним, несомненно, согласны 30 участников викторины (в их числе 8 школьников); именно о контактах людей и эльфов идет речь в рассказе А. Азимова «Небывальщина».

5-Б. — ПОЛЕТ ВООБРАЖЕНИЯ! ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ВСЕ ОТКРЫТИЯ Я ДЕЛАЛ ВО СНЕ. И СЕГОДНЯ МНЕ УДАЛОСЬ РЕШИТЬ ОЧЕНЬ ВАЖНУЮ ПРОБЛЕМУ.

— КАКУЮ!

— К СОЖАЛЕНИЮ, УЖЕ ДВА ЧАСА НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ».

ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТОТ ОТРЫВОК!

— Простите, я не доспал положенное,— ледяным тоном сказал он, переворачиваясь на другой бок.

В. Григорьев.

Коллега, я назвал его так

Невероятно, но факт: лишь 2 взрослых и 3 школьника (включая и автора вопроса) прислали верные ответы.

А нам казалось, что «Глоток Солнца»
Е. Велтистова достаточно известен...

6-А. «— МЕНЯ ЗОВУТ ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ.— ГЛУХИМ, НО ГОРДЫМ ГОЛОСОМ СКАЗАЛ ЧЕЛОВЕК.— МАТЕМАТИК И ФИЛОСОФ, К ВАШИМ УСЛУГАМ».

ОТКУДА ЭТОТ ОТРЫВОК!

— Надеюсь, великий Галилей для вас достаточный авторитет!
В. Михановский. Велосипед

Авторитет великого итальянца смутил многих. Но 18 человек (среди них 2 школьника) все-таки отыскали его в повести С. Ахметова «День на Венере».

6-Б. «НЕ УСПЕЛ Я ВЫЙТИ ИЗ ВАГОНА, КАК СРАЗУ УЗНАЛ ЕГО ПО ВНИМАТЕЛЬНОМУ ВЗГЛЯДУ, КОТОРЫМ ОН ОКИДЫВАЛ ПРИБЫВШИХ ПАССАЖИРОВ...»

— МИСТЕР УЭЛЛС! — СПРОСИЛ Я.
ГДЕ ОПИСАНА ЭТА ВСТРЕЧА!

Встретиться с Гербертом Уэллсом, против всяких ожиданий, оказалось не так уж сложно.

Г. Мишкевич.

Три часа у великого фантаста

Герберт Уэллс и впрямь нередкий гость на страницах НФ. Но на этот раз речь идет об Артуре Уэллсе! Лишь два-три человека (в том числе 9-классник И. Колиганов из Бийска) отыскали его в романе «Властелин мира» Ж. Верна...

7-А. «— МЫ ОХАРАКТЕРИЗУЕМ ВСЕ ОКРЕСТНЫЕ ПЛАНЕТЫ... И КАК ТОЛЬКО ПРИЛЕТИТ «БУРАН», НАЧНЕМ ЧЕЛНОЧНЫЕ РЕЙСЫ». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЦИТАТА!

— Это невозможно, это фантастика!

— Наоборот, раз фантастика, значит возможно.

Д. Биленкин. Не будьте мистиком

Свои челночные рейсы «Буран» совершает в повести Х. Шайхова «Блеск алмаза» («В плену «черной дыры»). О том сообщили нам 2 школьника и 14 взрослых, комментируя при этом, естественно, совпадение названия корабля в НФ и в жизни...

7-Б. «ДОГАДКУ О МОРЕ ПОД КАРАКУМАМИ ПОДТВЕРЖДАЛИ НЕ ТОЛЬКО АРТЕЗИАНСКИЙ ЗОНДАЖ И КАВЕРНЫ ЗЫБУЧИХ ПЕСКОВ... СОТНИ РЕК — ТЕДЖЕН, МУРГАБ И БОЛЕЕ МЕЛКИЕ — ПРОПАДАЮТ В ПЕСКАХ. ГДЕ ИХ ВОДЫ! В ПОДЗЕМНОМ МОРЕ!» ГДЕ ВЫСКАЗАНО ЭТО ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ!

1990-й... 1990-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

Столь обильных, как нынешняя хроника, пожалуй, и не припомнить — пришлось даже кое-что оставить за бортом. Сказалась, разумеется, «округлость» даты, но и добровольные наши помощники постарались на славу. Девять произведений отыскал А. Лысенко (Шевченко КазССР), восемь — А. Почув (Донской Тульской обл.), по семь — А. Лапудев (Железнодорожный Московской обл.) и В. Молчанов (Пермь), шесть — А. Выставкин (Москва), по пять — А. Дороднов (Ульяновск) и В. Колядин (Рязань), внесли посильный свой вклад другие наши читатели. Мы признательны всем вам, друзья, и очень надеемся, что это внимание к датам грядущих происшествий вы сохраните и в дальнейшем...

1990. Увенчались успехом многолетние поиски гравитационных волн: первым обнаруженным источником их оказался пульсар в Крабовидной туманности (П. Амнуэль. Бомба замедленного действия. 1989).

1990. КОНЕЦ ЯНВАРЯ. Началась ядерная война. Уцелевшие в ней люди мутировали в... квадраты и треугольники (Е. Геворгян. Фантастическое эссе-1990. 1987).

1990. Программист Павел Големба благодаря большой дозе катализатора Памяти приобрел способность предсказывать будущее (Н. Лазарева. Зеленый дождь. 1985).

1990. Родился Вил Сергеевич Тополь, будущий геофизик, участник экспедиции 2017 года к Юпитеру для создания защитного облака, способного противостоять несущемуся к Земле потоку антиматерии (А. Шейкин. Солдатская дорога домой. 1967).

1990. Ученый-психолог швейцарец Карел Вайсман, заметив рост самоубийств в европейских странах, занялся исследованием причин загадочного явления (К. Уилсон. Паразиты сознания. 1966. Укр. перевод — 1986).

1990. ВЕСНА. В центре физических исследований в Бьернском лесу проведен эксперимент с темпоральными квантами, в результате которого возник временной туннель «1943 год — XXV век» (Ю. Брайдер, Н. Чадович. Сигнал тревоги. 1987).

1990. Исполнилось 70 лет Джону Блэку, командиру будущей Третьей экспедиции на Марс; благодаря успехам науки он и в восемьдесят выглядит от силы на сорок лет (Р. Брэдбери. Третья экспедиция. Рус. перевод — 1963).

1990. У берегов Новой Зеландии убита сорокафутовая — самая крупная среди известных до сих пор — белая акула (А. Кларк. Большая глубина. 1957. Рус. перевод — 1966).

1990, 14 МАЯ. В семье Егора Голганова, безнадежного графомана, родился сын Евгений, в будущем — известный советский писатель, чьи сочинения составили 22-томное академическое издание (А. Варакин. Писатель. 1982).

1990. Лишились труб, полностью автоматизированы и почти целиком уведены под землю промышленные предприятия; создана единая энергетическая сеть от Атлантики до Урала; ленты-транспортеры на улицах; моментальное бритье «благоухающим воздухом» (К. Бем. Репортаж из 1990 года. Рус. перевод — 1964).

1990. Все факты и статистические данные года собраны в «Альманахе-1990», по ошибке попавшем в прошлое и оказавшемся в руках перспективного молодого юриста, ставшего в 1990-м министром финансов США (А. Бестер. О времени и о третьей авеню. Рус. перевод — 1974).

1990. Согласно расчетам профессора Со Хио Со Хио из Токийского университета Венеция полностью скрылась под водой (Д. Родари. Спасение Венеции. Рус. перевод — 1984).

1990. В семье Вестонов родилась Глория — девочка, чьей няней через 6 лет станет неговорящий робот Робби (А. Азимов. Робби. Рус. перевод — 1964).

1990. В Филадельфийском университете получил диплом инженера младший сын фермера из штата Кентукки; в будущем ему предстоит стать командиром засекреченного космического корабля, а затем — Кецалькоатлем, Небесным Пернатым Змеем (Х. Лампо. Рождение бога. 1964. Рус. перевод — 1981).

1990, 1 ИЮЛЯ. День сдачи экзамена для шестилетних детей на право внесения в списки населения: не сдавшие экзамен уничтожаются (О. Акахита. В надежде на будущее. Рус. перевод — 1981).

1990. Начался великий кризис, охвативший весь западный мир и приведший впоследствии к всеобщему разоружению (Е. Хрунов, Л. Хачатурьянц. Здравствуй, Фобос! 1988).

1990, ИЮЛЬ. Отметил 25-летие своего бессмертия, полученного благодаря инопланетному эликсиру, 42-летний ленинградец Павел Васильевич Белобрысов (В. Шефнер. Лачуга должника. 1982).

1990. Выпущена серия «электронных сыщиков», среди них — Шерлок Холмс-128 (А. Имерманис. Самолеты падают в океан. 1968).

1990, 1 СЕНТЯБРЯ. «Последний пропойца» нашел свой старый блокнот («Дневник последнего пропойцы»), сидя в президиуме и поражаясь прочитанному (В. Сергеев. Репортаж из музея зеленого змия. 1985).

1990, СЕНТЯБРЬ. Физик-экспериментатор И. Угланов-Стеклов и писатель из Новосибирска Илья Петров совершили первое путешествие на МВ в будущее — в 2081 год (Г. Прашкевич. Кот на дереве. 1986).

1990. По сообщениям газет, взбунтовалась природа: среди самых разных пород деревьев стали попадаться экземпляры, совершенно не поддающиеся обработке (А. Ячменев. Бунт. 1983).

1990. Американцы осуществили полеты челночных космических кораблей (Л. Хачатурьянц, Е. Хрунов. На астероиде. 1984).

1990, 3 НОЯБРЯ. День статистика: Всемирной Службой Контроля над народонаселением устранен «излишек» представителей данной профессии (Д. Блиш. День статистика. Рус. перевод — 1980).

1990. Исполнилось 45 лет Максиму Ивановичу Корнееву, радионинженеру, изобретателю МВ (В. Заяц. Темповавты — так их называют. 1983).

1990, ДЕКАБРЬ. В «Вестнике истории» впервые опубликована рукопись Бергальда Рижского, найденная в отрывках и относящаяся к лету 1215-му (К. Булычев. Похищение царя. 1979).

1990. Заблаговременно выстроив подземный городок, весь год провели в тщетном ожидании запланированной ими ядерной катастрофы члены секты «тех, кто выживет», обосновавшейся на американском Западе (И. Подколзин. Год черной собаки. 1987).

1990. Нарастает поток печатной продукции: за год на Земле выпущено примерно миллион названий книг (Г. Шах. «...И деревья, как всадники...». 1972).

Кроме того, по-прежнему продолжают спать, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафоновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

— Тысячелетия, пронесшиеся над Каракумами, изменили ландшафт...

В. Курдицкий. Миражи Каракумов

В общем-то, вопрос довольно прост — «ключевые слова» налицо в самом названии рассказа М. Грешнова «Каракумское море». Тем не менее, правильно ответили лишь 23 человека (среди них 3 школьника).

8-А. «— ТУННЕЛЬ ПОД БЕРИНГОВЫМ ПРОЛИВОМ, НАЧАТЫЙ ТРИ ГОДА НАЗАД..., ТУННЕЛЬ ДУВР — КАЛЕ, ЗАКАНЧИВАЕМЫЙ В ЭТОМ ГОДУ, В ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНИ ПОКАЗАЛИ, ЧТО СООРУЖЕНИЕ ПОДВОДНЫХ ТУННЕЛЕЙ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ТРУДНОСТЕЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЗЯТЫ ЭТИ СООБРАЖЕНИЯ?

— Вот-вот, — сказал он. — Что-то тут есть...

— Допустим, — согласился я, — но что именно?

Д. Уиндем. Видеорама Пооли

17 человек (!) были уверены, что правы, называя в своих ответах книги А. Казанцева, но лишь 21 взрослый да еще 9-классник И. Черенков (Ижевск) вспомнили Б. Келлермана и его «Туннель».

8-Б. «ЭТОЙ ОСЕНЬЮ ЯРКОСТЬ ЛИСТЬЕВ НА КЛЕНАХ ПРЕВЫСИТ СРЕДНЕГОДОВУЮ НА 18 ПРОЦЕНТОВ, А ДАЛИ БУДУТ ПРОЗРАЧНЕЙ НА 24 ПРОЦЕНТА, ЖУРАВЛИНОЕ ЖЕ

КУРЛЫКАНЬЕ ПРОЗВУЧИТ ОСОБЕННО ПРИЗЫВНО». ГДЕ ФИГУРИРУЕТ ЭТОТ ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ?

— Пришел тот час, когда навеет скорбь крик стаи журавлей, летящей в даль...

Р. Шекли. Обмен Разумов

Как верно заметил 11-классник из п. Миезерского КАССР Д. Могелайнен (кстати, единственный из школьников, ответивший на вопрос), это не совсем прогноз — это только мечта о нем из романа С. Снегова «Люди как боги». Среди взрослых правильно ответили 7 человек.

9-А. «— ТЫ, НАВЕРНОЕ, НЕ ПОМНИШЬ ЭТОГО, — ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА У БОНАПАРТА СТАЛО МЕЧТАТЕЛЬНОЕ, — КОГДА Я ЗАХВАТИЛ ФРАНЦИЮ, Я ПРОДИКТОВАЛ ТАКУЮ ТЕЛЕГРАММУ: «ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ПОБЕДИЛ».

ОТКУДА ЭТОТ ОТРЫВОК?

— Да это совсем не то! — кричал дядюшка. — Тут чистая бессмыслица!

Ж. Верн.

Путешествие к центру Земли

И дядюшка прав — это опять самозванец. Обитает он в романе П. Зейтунцяна «Легенда XX века», неоднократно издававшемся на русском языке и, тем не менее, не припомнившимся ни одному (!) из участников викторины.

9-Б. «— ЭТОТ ТОВАРИЩ ГРИН — ПАРУС ПЛОХО ЗНАЕТ, А МОРЕ ЛЮ-

БИТ... ПРО ЭТУ ЖЕНЩИНУ ПРАВДУ ГОВОРИТ. КОТОРАЯ БЕГАЕТ ПО ВОЛНАМ.

— ТЫ ЕЕ КОГДА-НИБУДЬ ВИДЕЛ! — САМ НЕ ВИДЕЛ, А СТАРЫЕ МОРЯКИ ВИДЕЛИ...»

ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТОТ ДИАЛОГ?

— Александр Степанович Грин!..

Р. Бахтамов.

Две тысячи золотых пиастров

Кое-кто из читателей объявил этот вопрос очень легким: роман Е. Войсунского и И. Лукодянова «Экипаж «Меконга» достаточно известен, его герои хорошо запоминаются... Между тем, вспомнили о нем лишь 3 школьника и 9 взрослых.

10-А. «— ЗНАЧИТ, ПРЕДСТОИТ ДРАКА. ИХ ОРУЖИЕ — ТАЙНА; СЛЕДОВАТЕЛЬНО, НАШЕ ОРУЖИЕ — ГЛАСНОСТЬ».

ОТКУДА ЭТО ВЫСКАЗЫВАНИЕ?

...Костылин отмахивался дубиной, а Поль весело скалил зубы.

— Люблю гласность, — приговаривал он.

А. и Б. Стругацкие.

Полдень, XXII век

Приведенный в вопросе отрывок 13 человек (в том числе 6 школьников) нашли в другой повести Стругацких — «За миллиард лет до конца света».

10-Б. ИЗВЕСТЕН ЛИ ВАМ 4-й ЗАКОН РОБОТОТЕХНИКИ? ГДЕ ОН СФОРМУЛИРОВАН?

— В каком учебнике поместили этот закон?

— Разумеется, в учебнике физики, — сказал дракон. — Хотя может быть, в учебнике истории.

К. Булычев. Заповедник сказок

Прав С. Малышкин (Магадан): «золотая жила» Азимовских законов, без сомнения, активно разрабатывается фантастами и, вероятно, существуют десятки «четвертых законов». Вот один из них: «Робот не должен допустить, чтобы с его помощью был причинен вред человечеству» (В. Комаров. Четвертый закон). А вот еще один: «Робот не может быть пристрастным и помогать отдельным людям» (Р. Шекли. Робот Рекс)... Что касается нашего вопроса, то его авторы имели в виду рассказы болгарского писателя Л. Дилова «Роботы осознают свое предназначение», «Модная тенденция», «Последнее интервью Адама Никаса». В первом из них новый закон сформулирован так: «Четвертый закон требует, чтобы робот во избежание недоразумений никогда не скрывал, что он робот».

К сожалению, лишь 3 школьника и 7 взрослых нашли хотя бы один из этих рассказов.

11-А. «НА ПРАВОЙ ШЕЕ ВИСЕЛА ТАБЛИЧКА: «НЕ КОРМИТЬ!» НА ЛЕВОЙ ШЕЕ ВИСЕЛА ТАБЛИЧКА: «НЕ ДРАЗНИТЬ!» ЧТО — И В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ — ВИСЕЛО НА СРЕДНЕЙ ШЕЕ!

— Это не драконы,— поморщилась Голова.— Это злая карикатура на благородных вымерших драконов.

Б. Штерн. Горыныч

Предоставим специалистам высказать, является ли Змей Горыныч драконом: для нас в данном случае важно, что полностью на наш вопрос ответили 35 человек (среди них 9 школьников). Еще четверо забыли, что нас интересовал и текст вывески. Цитата из «Заповедника сказок» К. Булычева заканчивается так: «На средней шее дракона висела вывеска: Змей Горыныч. Последний экземпляр. Уже нигде не водится».

11-Б. «УЛЫБКА ДЕРЖАЛАСЬ ЕЩЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ СПУСТЯ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН ИСЧЕЗ.

— УВИДИМСЯ НА ТИТАНЕ,— СКАЗАЛА УЛЫБКА. И РАСТАЯЛА В ВОЗДУХЕ».

ГДЕ ФИГУРИРУЕТ ЭТА ГОВОРЯЩАЯ УЛЫБКА?

Сначала Алиса никак не могла понять, что же это такое, но через минуту сообразила, что в воздухе одиноко парит улыбка.

Л. Кэрролл. Алиса в Стране Чудес.

Оказав должный почет и внимание улыбке Чеширского кота, четверть участников викторины, отвечавших на тур 1-А,— 23 взрослых и лишь 2 школьника,— обнаружили и

обладателя «нашей» улыбки: Уинстона Найлса Румфорда. «Это было в городе Ньюпорте, Род-Айленд, США, Земля, Солнечная система, Млечный путь», а еще точнее — в романе К. Воннегута «Сирены Титана».

12-А. «В ОТВЕТ НА ЭТО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ПРИКАЗАЛ ОСТРОВИТАНАМ БРОСАТЬ НА ГОРОД БОЛЬШИЕ КАМНИ. НО ГОРОЖАНЕ УКРЫЛИСЬ ОТ ЭТОЙ СВИРЕПОЙ КАРЫ В СВОИХ БАШНЯХ И ПОГРЕБАХ, ПРИПРЯТАВ В НИХ СВОИ ПОЖИТКИ». ОТКУДА ЭТОТ ОТРЫВОК!

— Не заимствована ли ваша идея у Свифта!

И. Варшавский. СУС

На этот раз все в полном порядке: никаких двойников и подвохов! «Разрешите познакомить вас с Джонатаном Свифтом, автором весьма острой политической сатиры...» (Р. Брэдбери. 451° по Фаренгейту). Мы очень рады, что прекрасная классика не пылится на дальних полках: 30 взрослых и 12 школьников, отвечая, легко и уверенно указали на третью часть «Путешествий Гулливера».

12-Б. «ЭТО ДЕРЕВО ОБЛАДАЕТ СОБЫМИ, УЖЕ ЗНАКОМЫМИ ВАМ СВОИМИ. ИМЕННО ОНО И ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЮ «КОАТЛЬ» АЦТЕКОВ, ИЛИ «ДЕРЕВО ЖИЗНИ» СРЕДНЕВЕКОВЫХ УЧЕНЫХ». ГДЕ МОЖНО НАЙТИ ЭТО УТВЕРЖДЕНИЕ!

— Вы слышали что-нибудь о Дереве? О дереве Жизни!

А. Климов. Сельва

Как оказалось, и здесь все обстоит благополучно: рассказ «Бухта Радужных Струй» И. Ефремова назвали 30 человек (в том числе 6 школьников).

13-А. «МЕРКУРИЙ ВСЕГДА СЧИТАЛСЯ САМОЙ КАВЕРЗНОЙ ПЛАНЕТОЙ ВО ВСЕЙ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ, НО ЭТО УЖ СЛИШКОМ!» ОТКУДА ЭТО ВОСКЛИЦАНИЕ!

— Сколько себя помню, меня всегда интересовал Меркурий...

А. Нурс.

Через Солнечную сторону

Исследования участников викторины убеждают: да, Меркурий занимает в НФ весьма заметное место. При этом почему-то именно здесь сконцентрированы различные опасности, каверзы и фразы типа: «Только не на Меркурий! — поспешно воскликнул я» (А. Колпаков. Гриада)... Что касается рассказа А. Азимова «Хоровод», его вспомнили 6 школьников и 22 взрослых.

13-Б. «— Я САМ ИЗ ТОРЖКА, РЕЧУШКА У НАС ТАМ МАЛЕНЬКАЯ, НО ОЧЕНЬ ЧИСТАЯ. А В ЗАВОДАХ — КУШВИНКИ. АХ, КАК ОТЛИЧНО!» ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТО ПРИЗНАНИЕ!

Правда, на портретах он обычно выглядел этаким античным философом...

А. и Б. Стругацкие. Малыш

Лирические воспоминания Леониды Андреевны Горбовской из повести Стругацких «Возвращение (Полдень, XXII век)» идентифицировали 5 школьников и 16 взрослых.

Тур II-А, Б

— Я постараюсь,— пообещал я,— я посмотрю литературу.

А. Горбовский.

Что вы сделали с нами

Что-то в последнее время нам с этими просмотрами литературы во

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-90

Победителями очередной нашей викторины стали в группе взрослых читатели, набравшие в целом свыше 40 очков: А. Цеменко (Керчь; 52,5), А. Фисенко (Липецк; 45,0), В. Молчанов (Пермь; 45,0), К. Максимов (Киров; 44,2), А. Никифоров (Павлодар; 43,7) и В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре; 40,9).

В группе школьников победителями стали те, кто набрал 25 и более очков: Елена Ларченко (Челябинск, 8 кл.; 28,7), Андрей Каракашев (Грозный, 9 кл.; 28,5), Дмитрий Могелайнен (п. Муезерский КАССР, 11 кл.; 25,0) и Сергей Соболев (Липецк, 9 кл.; 25,0).

Как и в прошлом году, в отдельную группу мы выделили читателей, которые, не попадая в списки при-

зеров, тем не менее три года подряд упорно стремились к победе. Лидеры среди взрослых в этой группе — М. Захаров (д. Заречье Тульской обл.; в трех викторинах набрал 105,0) и В. Чинарин (Междуреченск Кемеровской обл.; 99,9), а среди школьников — Александр Пургин (Варнавино Горьковской обл., 10 кл.; 53,0), Марат Рыбкин (Минусинск, 10 кл.; 48,9) и Александр Шульгин (п. Новоугольный Тульской обл., 9 кл.; 45,5).

Каждому из названных здесь читателей будет выслана книга с автографом советского писателя-фантаста. Кроме того, В. Гуревичу, неизменному участнику и призеру десяти наших викторин, высылаем памятную грамоту.

II туре не везет — варианты получаются совершенно неравноценными. Вот и в нынешней викторине вариант «А» почти в 10 раз меньше по объему варианта «Б». Для получения соизмеримых баллов мы, конечно, ввели коэффициент (0,1), но разницу затраченных сил и времени уравнивать не можем...

Библиографию Анатолия Петровича Днепров (1919—1975) составляли 68 человек (из них 24 школьника). В основном мы получали простое перечисление художественных произведений писателя, лишь кое-кто постарался найти статьи, заметки, рецензии, еще реже поисковая работа была оформлена с той серьезностью, какая для этого требуется и на какую мы всякий раз рассчитываем. Лучше всех с этим заданием справились: среди взрослых — А. Спиридонов (Уфа), В. Колядин (Рязань) и Н. Ильиных (Красноярск), а среди школьников — А. Царев (Степаногорск Целиноградской обл.), Д. Могелайнен (п. Муезерский КАССР) и И. Колиганов (Бийск). Общий перечень художественных произведений, статей, рецензий, заметок по проблемам НФ, написанных А. П. Днепровым, включает 85 наименований. Мы благодарим также тех, кто сообщил о встретившихся им выступлениях писателя по другим вопросам.

Несмотря на очевидное неравенство вариантов, сбором произведений с изменяющимися названиями, считая это не только интересным, но и нужным, занялись 18 школьников и 50 взрослых (при этом зачастую готовился параллельно и вариант «А»). Многие просили напечатать сводный список — «чтобы знать, где искать новое, и не путать с прочи-

танным». К сожалению, мы пока не готовы к таким подвигам; взглянув на количество баллов у самых терпеливых и упорных, легко представить, сколько страниц в журнале занял бы этот материал. (Напомним: если в варианте «А» каждая зачетная позиция приносит 0,1 балла, то здесь — из-за введенного нами коэффициента — ее цена равна 0,01).

Наибольшее число баллов в варианте Б» набрали: среди взрослых — А. Никифоров (Павлодар; 6,17), а среди школьников — Р. Ерумс (Рига; 4,00).

Ну, а кто оказался рекордсменом среди писателей? Нетрудно догадаться, что основной причиной появления другого названия чаще всего является перевод иноязычного произведения разными переводчиками. Поэтому поиски выявили: у Г. Уэллса — 48, у С. Лема — 30, у Р. Брэдбери — 24, у Ж. Верна — 20 переименовывавшихся произведений, а среди отечественных фантастов у К. Булычева — 10, у И. Ефремова и В. Журавлевой — по 8. Больше всего (111) переименований у романа Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой».

Тур II-B

По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, еще не знают, как их зовут. А я уже знаю...

**А. и Б. Стругацкие.
Попытка к бегству**

Письма с ответами на этот тур принесли нам самые полярные отклики и один очень верный упрек: работа здесь больше сравнима с написанием рефератов, ее трудно соизмерить с поисками библиографических сведений. Мы и сами поняли это — когда менять что-либо было уже поздно. Значит, придется вновь вводить какие-то коэффициенты и все-таки набавлять баллы «за стиль и язык»...

Итак, прочитав отзывы от «слишком нудно и невыгодно» через «хорошо, но блин комом» (из-за «банальной симметрии псевдобабочек» и «минимизации размеров изображения») до «самое лучшее задание» и «обязательно делать такой тур каждую викторину», мы приступили к изучению описаний.

Как и предполагалось, все изображенные животные — за редчайшими исключениями — инопланетного происхождения. Некоторые из них, впрочем, будут позднее акклиматизированы и на Земле. И даже будет, как считает Р. Масленников (Кострома), обязательно будет создан «Юный биоконструктор (Игра для детей младшего школьного возраста)»...

Земной наукой инопланетные представители изучены недостаточно, вероятно поэтому, что разные авторы приводят не только различные их названия, но даже места обитания, способ существования и т. д. Более того, по некоторым источникам часть объектов не принадлежит к живой материи — это следует, например, из фундаментальнейшего труда профессора Таранзеки «Кто есть Где: Выборочный системный справочник-указатель живых форм материи и духа. Фауна, флора, металлосфера, кремнийорганика, энергофауна, эксофауна Галактики» («перевод с лемтарьянского» осуществил А. Цеменко, Керчь). Однако данные Таранзеки расходятся со сведениями, поступившими от сотрудника Института изучения внесартанских форм жизни Ган Стира» (С. Разенков, Елец), и зоологическим справочником «Животные космоса и опасности для человека на семи ближайших планетах типа Земля: Сокращенное издание» (А. Горобец, Владивосток), а также рядом фактов и сведений из неназванных определителей и докладов, предоставленных в наше распоряжение Г. Ляпиным (Челябинск), О. Федоркиным (Мытищи) и некоторыми другими читателями. А. Скоробогатых (Охотск) сообщил нам, что большинство животных уже описаны в том или ином НФ произведении. При этом большинство наших исследователей считает, что изображенные существа не являются носителями разума. Но есть и исключения. В обратном категорически уверен, например, Е. Пермяков (Свердловск)...

Всего же в этом туре участвовали 10 школьников и 17 взрослых.

А ВАША ОЦЕНКА?

Как и в прошлые годы, предлагаем читателям оценить произведения, составившие наш сборник фантастики.

На последней странице декабрьского выпуска «Аэлита-90» помещено оглавление всей книги. Произведения, в нее вошедшие, пронумерованы.

Просим вас переписать на открытке (с пометкой: «Аэлита-90») эти номера — от 1 до 17. И каждому произведению (указывать их названия, авторов не обязательно) — воздать должное.

Предлагаем все ту же пятибалльную систему:
5 — востроге; отличное произведение!
4 — хорошее, добротное, нужное; правильно сделали, что напечатали;
3 — не возражаю против публикации, но... можно было и не печатать; перечитывать, во всяком случае, не буду;
2 — вызывает массу замечаний; недоработанное, сырое произведение; автор и редакция слишком поторопились с публикацией;
1 — категорически против публикации; зря потрачена бумага, занято чужое место!

Открытку с оценкой «Аэлита-90» просим отослать на адрес редакции не позднее, чем через месяц после получения этого номера.

Эдгар БЕРРОУЗ

*Рис. Елены Пьянковой
и Николая Мооса*

Опять великан

Перед старомодным домом одного из предметов Балтимора остановился таксомотор. Мужчина лет сорока, хорошо сложенный, с энергичными и правильными чертами лица, вышел из автомобиля и, заплатив шоферу, отпустил его.

Минуту спустя он входил в библиотеку старинного дома.

— А! Мистер Канлер! — воскликнул старик, поднимаясь навстречу.

— Добрый вечер, мой дорогой профессор! — сказал гость, радушно протягивая ему руку.

— Кто вам открыл дверь? — спросил профессор.

— Эмеральда.

— В таком случае она сообщит Джен о вашем приезде, — заявил старик.

— Нет, профессор, — ответил Канлер, — потому что я первоначально хотел повидаться именно с вами.

Продолжение. Начало в № 4—11

— А, очень польщен, — сказал профессор Портер.

— Профессор, — начал Канлер с большой осторожностью, старательно взвешивая слова. — Я пришел сегодня, чтобы поговорить с вами относительно Джен. Вам известны мои стремления, и вы были достаточно великодушны, чтобы одобрить мое ухаживание.

Профессор Портер завертелся на своем кресле. Этот предмет разговора был ему всегда неприятен. Он не мог понять — почему. Ведь Канлер — блестящая партия!

— Но, — продолжал Канлер, — я не могу понять Джен. Она откладывает свадьбу под разными предложениями. У меня всякий раз возникает чувство, что она с облегчением вздыхает, когда я с ней прощаюсь.

— Не волнуйтесь, — сказал профессор Портер, — не волнуйтесь, мистер Канлер! Джен в высшей степени послушная дочь. Она исполнит то, что я ей скажу.

— Значит, я все еще могу рассчитывать на вашу поддержку? — спросил Канлер с тоном облегчения в голосе.

— Несомненно, милостивый государь, несомненно! — воскликнул профессор Портер. — Как могли вы сомневаться в этом?

— А вот этот юный Клейтон, знаете, — заметил Канлер, — он болтается здесь целые месяцы. Я не говорю, что Джен им интересуется, но, помимо его титула, он, говорят, унаследовал от отца очень значительные поместья, и не было бы странным, если бы он в конце концов не добился своего, разве только... — и Канлер остановился.

— Ой, ой, мистер Канлер, разве только — что?

— Разве только вы нашли бы удобным потребовать, чтобы Джен и я, мы повенчались тотчас же, — медленно и твердо договорил Канлер.

— Я уже напоминал Джен, что это было бы желательно! — печально проговорил профессор Портер. — Мы не в состоянии больше содержать этот дом и жить сообразно с требованиями ее положения.

— И что же она вам ответила? — спросил Канлер.

— Она ответила, что еще ни за кого не собирается выходить замуж, — сказал профессор, — и что мы можем перебраться жить на ферму в северном Висконсине, которую ей завещала мать. Ферма эта приносит немножко больше того, что нужно на жизнь. Арендаторы жили на этот доход и могли еще посылать Джен какую-то безделицу ежегодно. Она решила ехать туда в начале будущей недели. Филандер и мистер Клейтон уже там, чтобы все приготовить к нашему приезду.

— Клейтон поехал туда? — воскликнул Канлер, видимо, огорченный. — Отчего мне не сказали? Я тоже с радостью поехал бы и принял все меры, чтобы все устроить удобно.

— Джен считает, что мы и так уже в большом долгу у вас, мистер Канлер.

Канлер собрался возразить, но из приемной раздались шаги, и Джен Портер вошла в комнату.

— О, прошу извинить меня! — воскликнула она, останавливаясь на пороге. — Я думала, что вы один, папа!

— Это только я, Джен,— заявил Канлер, вставая.— Не хотите ли вы войти и присоединиться к нашей беседе? Как раз речь идет о вас.

— Благодарю вас,— сказала Джен Портер, входя, и села на стул, придвинутый для нее Канлером.— Я только хотела сказать папе, что Тобей придет завтра из колледжа и упакует книги. Очень бы я желала, папа, чтобы вы определенно указали, без чего вы можете обойтись до осени! Пожалуйста, не тащите за собою всю библиотеку в Висконсин, как вы бы потащили ее в Африку, если б я не вмешалась.

— Тобей здесь? — спросил профессор Портер.

— Да, я только что говорила с ним. Он и Эсмеральда заняты теперь своими религиозными диспутами у черной лестницы.

— Ну, ну,— я должен повидать его,— пробормотал профессор.— Извините меня, дети, я на минуточку.— И старик поспешно вышел из комнаты.

Как только он ушел настолько, что ничего не мог слышать, Канлер обратился к Джен Портер.

— Вот что, Джен,— сказал он грубо.— Долго будете вы еще оттягивать? Вы не отказались выйти за меня замуж, но и не обещали определенно. Я хочу завтра получить ваше согласие, и тогда, не дожидаясь оглашения, мы могли бы спокойно обвенчаться до вашего отъезда в Висконсин. Обвенчаемся без треска и шума, я уверен, что и вы это предпочтете.

Девушка вся похолодела, но храбро подняла голову.

— Ваш отец желает этого,— добавил Канлер.

— Понимаете ли вы, мистер Канлер, что вы меня покупаете? — сказала она ровным холодным голосом.— Покупаете за несколько жалких долларов? Конечно, вы это знаете, Роберт Канлер! Надежда на такое стечение обстоятельств несомненно была у вас в уме, когда вы дали папе денег взаймы на ту сумасбродную экспедицию, которая чуть было не кончилась так неожиданно блестяще. Но если бы нам повезло, то вы, мистер Канлер, были бы поражены больше всех! Вам и в голову не приходило, что эта затея может оказаться удачной. Для этого вы слишком хороший делец. И не в вашем духе давать деньги на поиски зарытых в землю кладов или давать деньги взаймы без обеспечения, если вы не имеете каких-нибудь особых видов! Но вы знали, что без обеспечения честь Портеров вернее у вас в руках, чем с обеспечением. Вы знали, что это лучший способ, не подавая и виду, принудить меня выйти за вас замуж. Вы никогда не упоминали о долге. Во всяком другом человеке я сочла бы это за великодушье и благородство. Но вы себе на уме, мистер Роберт Канлер! Я вас лучше знала, чем вы думаете. Мне, конечно, придется выйти за вас замуж, если не будет другого выхода, но нам надо раз и навсегда понять друг друга.

Пока она говорила, Роберт Канлер то краснел, то бледнел, а когда закончила, встал и с наглой улыбкой на энергичном лице сказал:

— Вы меня удивляете, Джен. Я думал, что у вас больше самообладания, больше гордости. Конечно, вы правы: я вас покупаю и я знал, что вы это знаете, но я думал, что вы предпочтете делать вид, что это не так. Я хотел думать, что самоуважение и гордость Портеров не допустят вас до

признания даже себе самой, что вы продажная женщина. Но пусть будет по-вашему, деточка,— добавил он весело.— Вы будете моей, и это все, что мне надо!

Не говоря ни слова, Джен повернулась и вышла из комнаты.

Джен Портер не вышла замуж перед своим отъездом с отцом и Эсмеральдой на маленькую висконсинскую ферму, и когда она из вагона отходящего поезда холодно попрощалась с Робертом Канлером, он крикнул, что присоединится к ним через неделю или две.

На станции их встретили Клейтон и мистер Филандер. В огромном автомобиле, принадлежавшем Клейтону, они быстро помчались через густые северные леса к небольшой ферме, которую девушка не посещала с раннего детства.

Домик мызы, стоявший на пригорке, на расстоянии каких-нибудь ста ярдов от дома арендатора, испытал полное превращение за три недели, проведенные там Клейтоном и мистером Филандером. Клейтон выписал из отдаленного города целый отряд плотников, штукатуров, паяльщиков и маляров. И то, что представляло собой лишь развалившийся остов до их приезда, явилось теперь уютным маленьким двухэтажным домиком со всеми современными удобствами, которые можно было создать в такое короткое время.

— Что ж это такое, мистер Клейтон? — крикнула Джен Портер. Сердце у нее упало, когда она прикинула в уме вероятный размер сделанных затрат.

— Т-с...— предупредил Клейтон,— не говорите ничего вашему отцу. Если вы не скажете ему, он никогда не заметит, а я просто не мог допустить мысли, чтобы он жил в той ужасной грязи и запустении, которые мистер Филандер и я застали здесь. Я сделал так мало, когда бы мне хотелось сделать так много, Джен. Ради него, прошу вас, никогда не упоминайте об этом.

— Но вы знаете, что мы не сможем отплатить вам! — воскликнула девушка.— Зачем вы хотите так ужасно меня обязать?

— Не надо, Джен,— сказал Клейтон печально.— Если бы это было только для вас, поверьте, я не стал бы этого делать, потому что с самого начала знал, как это повредит мне в ваших глазах. Но я просто не мог представить себе дорогого старика живущим в дыре, которую мы здесь нашли. Неужели вы мне не верите, что я это сделал именно для него, и не доставите мне, по крайней мере, это маленькое удовольствие?

— Я вам верю, мистер Клейтон,— ответила девушка,— потому что знаю, что вы достаточно щедры и великодушны, чтобы сделать всё именно ради него. И, о Сесиль, я бы хотела отплатить вам, как вы того заслуживаете и как вы сами желали бы!

— Почему вы этого не можете, Джен?

— Я люблю другого.

— Канлера?

— Нет.

— Но вы выходите за него замуж! Он сказал мне это перед моим отъездом из Балтиморы.

Девушка вздрогнула.

— Я не люблю его,— объявила она почти гордо.

— В таком случае из-за денег, Джен?

Она кивнула.

— Значит, я менее желателен, чем Канлер? У меня денег довольно, более чем достаточно для всяких нужд,— промолвил он с горечью.

— Я не люблю вас, Сесиль,— возразила она,— но я уважаю вас. Если я должна унизить себя торговой сделкой с каким-нибудь мужчиной, я предпочитаю, чтобы это был человек, которого я и без того презираю. Я чувствовала бы отвращение к тому, которому продалась без любви, кто бы он ни был. Вы будете счастливее без меня, сохранив уважение и дружбу, чем со мною, если бы я стала вас презирать.

Он не стал больше настаивать, но если кто-либо жаждал убийства, то это был Уильям Сесиль Клейтон, лорд Грэйсток, когда неделю спустя Роберт Канлер подъехал к домику мызы в своем шестицилиндровом автомобиле.

Прошла неделя без всяких приключений, но напряженная и неприятная для всех обитателей маленького дома висконсинской мызы.

Канлер не переставал настаивать на немедленном венчании. И она уступила просто из отвращения к его непрерывной и ненавистной докучливости. Было условлено, что следующим утром Канлер поедет в город и привезет разрешение и священника.

Клейтон хотел уехать, как только узнал о принятом решении, но усталый, безнадежный взгляд девушки удержал его. Он не в силах был ее бросить.

«Что-нибудь, может, еще случится»,— старался он мысленно утешить себя. А душой он чувство-

вал, что достаточно пустяка, чтобы его ненависть к Канлеру перешла в действие.

Рано утром на следующий день Канлер уехал в город.

На востоке низко над лесом стлался дым, лес горел уже целую неделю недалеко от них, но ветер все время дул с запада, и опасность им не угрожала.

Около полудня Джен Портер вышла на прогулку. Она не позволила Клейтону сопровождать ее.

— Мне хочется побыть одной,— сказала она, и он подчинился ее желанию.

Дома профессор Портер и мистер Филандер были заняты обсуждением какой-то серьезной научной проблемы. Эсмеральда дремала на кухне, а Клейтон, уставший после проведенной без сна ночи, бросился на кушетку в столовой и вскоре погрузился в беспокойный сон.

На востоке черные клубы дыма поднялись выше, неожиданно повернули и стали быстро нестись к западу. Все ближе подступали они. Семьи арендатора не было, так как был базарный день, и никто не заметил приближения огненного демона. Вскоре пламя перебросилось через дорогу и отрезало путь для возвращения Канлеру. Легкий ветер направил огонь к северу, затем повернул назад, и пламя стояло почти неподвижно, будто какая-то властная рука держала его на привязи.

Неожиданно с северо-востока показался бешено мчавшийся большой черный автомобиль. Он остановился перед коттеджем. Черноволосый гигант выскочил из него и бросился к двери. Не

останавливаясь, вбежал он в дом. На кушетке лежал спящий Клейтон. Человек содрогнулся от изумления, но одним прыжком очутился около спавшего. Он его резко потряс за плечо и крикнул:

— Боже мой, Клейтон, вы здесь все с ума сошли? Разве вы не знаете, что вы почти окружены огнем? Где мисс Портер?

В одну минуту сбежались Эсмеральда, профессор Портер и мистер Филандер.

— Где мисс Джен? — закричал Клейтон, схватив Эсмеральду за плечи и грубо тряс ее.

— О Габерелле! Масса Клейтон, мисс Джен пошла прогуляться.

— Она еще не вернулась? — И, не ожидая ответа, Клейтон помчался во двор, сопровождаемый другими.

— В какую сторону пошла она? — спросил черноволосый гигант Эсмеральду.

— Вот по этой дороге! — крикнула испуганная негритянка, указывая на юг, где взор встречал сплошную высокую стену ревущего пламени.

— Сажайте всех в ваш автомобиль, что стоит под навесом, — закричал незнакомец Клейтону, — и везите по северной дороге. Мой автомобиль оставьте здесь. Если я найду мисс Портер, он нам понадобится. А не найду, — никому он не будет нужен. Делайте, как я сказал, — добавил он, заметив, что Клейтон колеблется. И тотчас они увидели, как гибкая фигура метнулась через поляну к северо-востоку, где лес еще стоял, не тронутый огнем.

Каждый из присутствующих почувствовал облегчение, будто большая ответственность была снята с их плеч. Они испытывали нечто вроде безотчетной веры в незнакомца: он спасет Джен Портер, если ее еще можно спасти.

— Кто это? — спросил профессор.

— Не знаю, — ответил Клейтон. — Он назвал меня по имени, и он знает Джен, потому что назвал ее. И Эсмеральду он назвал по имени.

— В нем что-то поразительно знакомое, — воскликнул мистер Филандер, — а между тем я знаю, что никогда раньше не видел его.

— Да! — крикнул профессор Портер. — В высшей степени замечательно! Кто бы это мог быть, и почему я чувствую, что Джен спасена теперь, когда он отправился за нею в поиски?

— Не могу сказать вам, профессор, — ответил Клейтон задумчиво, — но я испытываю такое же странное чувство.

— Однако пойдемте! — воскликнул он, — мы сами должны выбраться отсюда или будем отрезаны. — И все присутствующие поспешили к автомобилю Клейтона.

Когда Джен Портер повернулась, чтобы идти домой, она испугалась, заметив, как близко поднимался теперь дым лесного пожара. Она торопливо пошла вперед, и вскоре испуг ее перешел почти в панику. На глазах у нее громадные языки пламени быстро прокладывали себе дорогу между ней и коттеджем. Путь был отрезан!

Джен свернула в густой кустарник, пытаясь пробить себе дорогу на запад, обойдя огонь, и та-

ким образом добраться до дому. Но бесплодность ее попыток стала почти очевидной, она поняла, что ее единственная надежда — повернуть назад на дорогу и бежать к югу по направлению к городу. Ей понадобилось не менее двадцати минут, чтобы выбраться на дорогу, но за эти двадцать минут огонь успел снова отрезать отступление.

Пробравшись немного вниз по дороге, Джен оставилась в полнейшем ужасе: перед нею поднималась сплошная стена огня. Полоса пламени перекинулась на полмили к югу от главного очага пожара, захватив и этот небольшой участок дороги в свои неумолимые объятия.

Джен Портер поняла, что пробраться через кустарник невыносимо. Она попыталась это сделать, но без успеха. Теперь она видела ясно, что через несколько минут протянутые с севера и юга горящие щупальца сольются в сплошную массу волнующегося пламени.

Девушка обреченно стала на колени в дорожную пыль и стала просить небо, чтобы оно дало ей силу мужественно встретить свою судьбу и чтобы оно спасло отца и друзей от смерти.

Она и не подумала молиться о собственном спасении — так очевидно было, что никакой надежды нет и что даже сам бог не сможет спасти ее.

Внезапно она услышала, что кто-то громко зовет ее.

— Джен! Джен Портер! — прозвучало сильно и громко, но голос был незнакомым.

— Здесь! Здесь! — крикнула она в ответ. — Здесь! На дороге!

И вдруг она увидела, что по ветвям деревьев к ней мчится с быстротой белки какая-то исплинская фигура.

Порыв ветра обволол все облаком дыма, и она потеряла из вида человека, который спешил к ней. Но внезапно ее подхватила большая рука и подняла куда-то вверх. Она почувствовала напор ветра и изредка легкое прикосновение ветки в быстром полете вперед.

Джен открыла глаза. Далеко под ней расстились мелкоколесье и земля.

Гигантская фигура, которая несла Джен Портер, перепрыгивала с дерева на дерево, и ей казалось, что она в каком-то сне, снова переживает приключение, выпавшее на ее долю в далеких африканских джунглях.

О, если бы это был тот самый человек, который тогда нес ее сквозь запутанную зелень листьев! Но это невозможно. И однако кто же другой во всем мире достаточно силен и ловок, чтобы делать то, что делает сейчас этот человек?

Она украдкой бросила взгляд на лицо, близко склонившееся к ее лицу, и у нее вырвался слабый испуганный вздох, — это был он.

— Мой любимый! — шепнула она. — Нет, это предсмертный бред!

Должно быть, она сказала это громко, потому что глаза, по временам скользившие по ней, засветились нежностью.

— Да, ваш любимый, Джен, ваш дикий, первобытный возлюбленный, явившийся из джунглей потребовать свою подругу — потребовать женщину, которая от него убежала, — добавил он почти шепотом.

— Я не убежала,— прошептала она.— Я согласилась уехать только после того, как целую неделю прождали вашего возвращения.

Они уже выбрались из полосы огня, и он повернул обратно к поляне. Теперь они шли рядом к коттеджу. Ветер опять повернул, и огонь гнало обратно, еще час — и все должно было погаснуть.

— Отчего вы тогда не вернулись? — спросила она.

— Я ухаживал за д'Арно. Он был тяжело ранен.

— Ах, я знала это! — воскликнула она.— Они уверили, будто вы присоединились к неграм, что вы были из их племени.

Он засмеялся.

— Но вы им не верили, Джен?

— Нет! Как мне звать вас? — спросила она.— Я не знаю, как вас зовут.

— Я Тарзан, из племени обезьян.

— Тарзан из племени обезьян? — крикнула она.— Так это была ваша записка, на которую я, уезжая, ответила?

— Да! Чья же еще она могла быть?

— Я не знала, только она не могла быть вашей: ведь Тарзан, из племени обезьян, писал по-английски, а вы не понимали ни слова ни на каком языке!

Он опять засмеялся.

— Это длинная история: я написал то, чего не мог сказать, а теперь д'Арно еще ухудшил дело, выучив меня говорить на французском языке вместо английского.

— Идем! — добавил он.— Садитесь в мой автомобиль, мы должны догнать вашего отца, они не могли уехать далеко.

Когда они отъехали, он снова обратился к ней:

— Значит, когда вы написали в записке к Тарзану, что любите другого, вы подразумевали меня?

— Да,— ответила она просто.

— Но в Балтиморе,— о как я искал вас там! — мне сказали, что вы, быть может, теперь уже замужем! Что человек по имени Канлер приехал сюда, чтобы повенчаться с вами! Правда ли это?

— Правда.

— Вы его любите?

— Нет.

— Любите ли вы меня, Джен?

Она закрыла лицо руками.

— Я дала слово другому. Я не могу ответить вам, Тарзан! — крикнула она.

— Вы мне ответили. Теперь скажите, как вы решаетесь выйти замуж за человека, которого вы не любите?

— Мой отец ему должен много денег.

В памяти Тарзана неожиданно всплыло письмо, которое он прочел, и имя Роберта Канлера, и то горе, на которое она намекала в письме.

— Если бы ваш отец не потерял своего кллада, вы были бы все же вынуждены сдержать ваше обещание этому Канлеру?

— Я могла бы просить его вернуть мне мое слово.

— А если бы он отказал?

— Я дала свое слово.

С минуту они молчали. Автомобиль бешено мчался по изрытой неровной дороге, потому что

огонь стал угрожать им справа и новая перемена ветра могла мгновенно пребросить его через единственный путь к спасению.

Наконец они миновали опасное место, и Тарзан замедлил ход.

— Предположим, что я его попрошу? — предложил Тарзан.

— Едва ли он согласится исполнить просьбу незнакомца, — ответила девушка, — особенно такого, который сам желает меня получить.

— Теркоз согласился, — мрачно промолвил Тарзан.

Джен Портер вздрогнула и с испугом взглянула на него.

— Здесь не джунгли, — сказала она, — и вы уже больше не дикий зверь. Вы джентльмен, а джентльмены не убивают хладнокровно и зря.

— Я все еще дикий зверь в душе, — проговорил он тихо, как бы про себя.

Они снова помолчали некоторое время.

— Джен Портер! — сказал наконец Тарзан, — если б вы были свободны, вышли бы вы за меня?

Она не ответила сразу, но он ждал терпеливо.

Девушка старалась собраться с мыслями. Что знала она о странном существе, сидящем рядом с нею? Что знал он сам о себе? Кто он? Кем были его родители? Даже имя его было отзвуком его таинственного происхождения и дикой жизни. У него не было человеческого имени. Могла ли она быть счастлива с мужем, который всю жизнь провел на вершинах деревьев в африканских джунглях, который с детства играл и сражался с антроподами, вырывал куски из трепещущего бока свежееубитой добычи и вонзал крепкие зубы в сырое мясо, в то время как товарищи его рычали и дрались вокруг него за свою часть? Мог ли он когда-нибудь подняться до ее общественного круга? Могла ли она вынести мысль о том, чтобы спуститься до его уровня? Будет ли кто-нибудь из них счастлив в таком ужасном неравном браке?

— Вы не ответили, — сказал он. — Вы боитесь причинить мне боль?

— Я не знаю, что ответить, — печально проговорила Джен Портер. — Я не могу разобраться в своих мыслях.

— Значит, вы меня не любите? — спросил он ровным голосом.

— Не спрашивайте меня. Вы будете счастливее без меня. Вы не созданы для мелочных ограничений и условностей общества. Цивилизация скоро станет вам невыносима, и вы будете рваться к свободе вашей прежней жизни — жизни, к которой я так же не приспособлена, как и вы к моей.

— Я думаю, что понял вас, — спокойно ответил он. — Я не буду больше настаивать. Для меня важнее видеть вас счастливой, чем быть счастливым самому. Я сам понимаю теперь, что вы не смогли бы быть счастливой — с обезьяной!

В его голосе прозвучала едва уловимая нотка горечи.

— Не надо, — умоляюще проговорила она. — Не говорите так! Вы не поняли!

Но прежде чем она успела сказать что-либо дальше, неожиданный поворот дороги привел их к маленькому лагерю.

Перед ними стоял автомобиль Клейтона, ок-

руженный всем обществом, которое он вывез из коттеджа.

Заключение

При виде Джен Портер крики облегчения и восторга сорвались со всех уст, и когда автомобиль Тарзана остановился рядом, профессор Портер заключил дочь в свои объятия.

В первую минуту никто не обратил внимания на Тарзана, который продолжал молча сидеть на своем месте. Потом о нем вспомнил Клейтон и, обернувшись, протянул ему руку.

— Как сумеем мы отблагодарить вас? — воскликнул он. — Вы наш спаситель. В коттедже вы назвали меня по имени, но я никак не могу припомнить, где мы встречались и как вас зовут, хотя в вас есть что-то очень знакомое. Мне кажется, что я вас знал при совершенно других обстоятельствах и с тех пор прошло много времени.

Тарзан улыбнулся и пожал протянутую руку.

— Вы правы, мосье Клейтон, — ответил он по-французски. — Простите, что не говорю с вами по-английски. Как раз учусь этому языку, и хотя понимаю его очень хорошо, но говорю на нем еще неважно.

— Но кто же вы? — спросил Клейтон, на этот раз по-французски.

— Тарзан, из племени обезьян.

Клейтон отшатнулся от удивления.

— Клянусь Юпитером, — воскликнул он, — верно!

И профессор Портер и мистер Филандер приблизились, чтобы присоединить свою благодарность к благодарностям Клейтона и высказать Тарзану свое изумление и удовольствие встретить своего друга из джунглей так далеко от его дикой родины. Все вошли в бедную деревенскую гостиницу, где Клейтон тотчас же сделал распоряжение, чтобы их устроили и накормили.

Они располагались в убогой маленькой гостинице, когда их внимание привлекло отдаленное пыхтенье приближающегося автомобиля.

— Господи боже мой, — сказал мистер Филандер с тенью неудовольствия в голосе. — Это, конечно, Канлер. А я-то надеялся... Я думал... Э... Впрочем, мы все очень рады, что он не попал в полосу пожара, — закончил он с грехом пополам.

— Ну, ну, мистер Филандер, — сказал профессор Портер. — Я часто увещевал моих учеников считать до десяти, прежде чем начинать говорить. Будь я на вашем месте, я считал бы, по крайней мере, до тысячи, и все же даже и после этого хранил бы скромное молчание!

— Спаси, господи! Вы правы, — сконфуженно согласился Самуэль Филандер. — Но что это с ним за джентльмен клерикального вида?

Джен побледнела.

Клейтон беспокойно задвигался на стуле.

Профессор Портер нервно снял очки, подышал на них и надел их снова на нос, забыв протереть стекла.

Вездесущая Эсмеральда заворчала. Только один Тарзан не понимал ничего. Роберт Канлер влетел в комнату.

— Слава богу, — крикнул он. — Я боялся наи-

худшего, пока не увидел вашего автомобиля, Клейтон! Пожар отрезал меня на южной дороге, и мне пришлось вернуться в город, а оттуда направиться по западной. Я уже думал, что никогда не доберусь до коттеджа.

Никто не высказал большого восторга. Тарзан наблюдал за Робертом Канлером, как Сабор наблюдает за своей добычей. Джен Портер взглянула на него и нервно кашлянула.

— Мистер Канлер, — сказала она, — это мосье Тарзан, старый друг.

Канлер обернулся и протянул руку. Тарзан встал и поклонился так, как только один д'Арно мог научить джентльмена кланяться, но, казалось, не заметил протянутой руки Канлера.

Канлер, по-видимому, не обратил на это внимания.

— Вот пастор, почтенный мистер Туслей, Джен, — объяснил Канлер, повернувшись к священнику, стоящему позади него. — Мистер Туслей, мисс Портер!

Пастор поклонился и засиял.

Канлер представил его и остальному обществу.

— Джен, обряд венчания может быть совершен немедленно, — сказал Канлер. — Тогда мы сможем поспеть на ночной поезд в город.

Наконец Тарзан все понял. Он посмотрел из-под полуопущенных век на Джен Портер, но не шевельнулся.

Девушка колебалась. Комната наполнилась напряженным молчанием.

Все глаза обернулись к Джен Портер, ожидая ее ответа.

— Нельзя ли подождать еще несколько дней? — промолвила она. — Я так потрясена! Столько пришлось мне пережить сегодня.

Канлер почувствовал враждебность, исходящую от остальных. Это его разозлило.

— Мы ждали до тех пор, куда я соглашался ждать, — резко ответил он. — Вы обещали выйти за меня замуж. Я не позволю больше играть собой. У меня в руках разрешение, а вот священник. Идемте, мистер Туслей! Идем, Джен! Свидетелей здесь довольно. Даже больше, чем надо, — добавил он неприятным тоном. И, взяв Джен Портер за руку, он повел ее к уже ожидавшему священнику.

Но едва успел он сделать шаг, как тяжелая рука опустилась ему на плечо, плотно сжав его стальными пальцами. Другая рука схватила Канлера за горло и мгновение спустя так легко подбросила в воздух, как кошка подбрасывает мышь.

Джен Портер в ужасе и изумлении обернулась к Тарзану. И когда она взглянула в его лицо, то увидела на лбу красную полосу, которую уже видела в далекой Африке во время смертельного поединка Тарзана с большим антропоидом — Теркозом. Она знала, что в этом диком сердце таится убийство, и с криком ужаса бросилась вперед, чтобы упросить обезьяну-человека отказать от своего намерения. Но она боялась больше за Тарзана, чем за Канлера. Живо представила она себе суровое возмездие правосудия цивилизованных стран.

Но прежде чем она успела что-то произнести, Клейтон подскочил к Тарзану и попытался выпр-

вать Канлера из его тисков. Одним взмахом руки англичанин был отброшен в дальний угол комнаты. И тогда Джен Портер твердо положила белую ручку на кисть руки Тарзана и взглянула ему в глаза.

— Ради меня,— сказала она только.

Рука немного отпустила горло Канлера.

— И вы хотите, чтобы вот это жило? — спросил он с удивлением.

— Я не желаю, чтобы он умер от ваших рук, мой друг,— возразила она.— Не желаю, чтобы вы стали убийцей.

Тарзан снял руку с горла Канлера.

— Освобождаете ли вы ее от обещания? — спросил он.— Это — цена вашей жизни.

Канлер, с трудом дыша, утвердительно кивнул головой.

— Вы обещаете уйти и никогда больше ее не тревожить?

Канлер опять кивнул головой. Лицо его было все еще искажено страхом смерти, близость которой он только что испытал.

Тогда Тарзан отпустил его совсем. Канлер, шатаясь, направился к двери. Еще мгновение — и он ушел, а за ним — пораженный ужасом пастор.

Тарзан обернулся к Джен Портер.

— Могу я минуту поговорить с вами наедине? — спросил он.

Девушка кивнула головой и направилась к двери, которая вела на узкую веранду гостиницы. Она ушла туда, чтобы там объяснить с Тарзаном, и потому не слышала последовавшего разговора.

— Стойте! — крикнул профессор Портер, когда Тарзан направился вслед за Джен.

Профессор совершенно растерялся от неимоверного темпа событий, сменившихся за несколько последних минут.

— Прежде чем входить в дальнейшие разговоры, милостивый государь, я желал бы получить объяснение того, что случилось. По какому праву вы, милостивый государь, решились вмешаться в отношении между моей дочерью и мистером Канлером? Я обещал ему ее руку, милостивый государь, и, не взирая на то, нравится ли он нам или не нравится, обещание необходимо сдержать.

— Я вмешался, профессор Портер,— ответил Тарзан,— потому, что ваша дочь не любит мистера Канлера, она не желает выйти замуж за него. Для меня этого вполне достаточно.

— Вы не знаете, что вы сделали,— сказал профессор Портер.— Теперь он без сомнения откажется жениться на ней.

— Непременно откажется,— заявил Тарзан язвительно и энергично и добавил: — Вам не следует бояться, что гордость ваша может пострадать, профессор Портер! Вы будете иметь возможность уплатить этому Канлеру все, что вы ему должны, в ту же минуту, как вернетесь домой.

— Ну, ну, милостивый государь! — воскликнул профессор Портер.— Что вы хотите этим сказать?

— Ваш клад найден,— заявил Тарзан.

— Что, что вы сказали? — крикнул, задыхаясь, профессор.— Вы с ума сошли! Это невозможно.

— Однако это так. Сокровища ваши украл я,

не зная ни ценности клада, ни кому он принадлежит. Я видел, как матросы зарывали его. Я вытащил его и снова закопал, но уже в другом месте. Когда д'Арно сказал мне, что сундук принадлежит вам, я вернулся в джунгли и достал его. Этот клад вызвал так много преступлений, страданий и горя, что д'Арно отговорил меня везти его сюда, что я намеревался сделать. Вот почему я привез только аккредитив. Возьмите его, профессор Портер,— и Тарзан, вынув из кармана конверт, передал его изумленному профессору.— Тут двести сорок одна тысяча долларов. Клад был тщательно оценен экспертами, но на случай, если у вас могут появиться какие-либо сомнения, д'Арно сам купил его и хранит для вас.

— К без того уже огромной тяжести нашего долга перед вами,— сказал профессор Портер дрожащим голосом,— вы добавили еще одну величайшую услугу. Вы даете мне возможность спасти мою честь.

Клейтон, вышедший из комнаты минуту спустя после Канлера, вернулся.

— Извините,— сказал он,— я думаю, что лучше попытаться добраться в город еще засветло и выехать с первым поездом из этого леса. Туземец, приехавший верхом с севера, сообщил, что пожар медленно движется уже в этом направлении.

Заявление Клейтона прервало дальнейшие разговоры, и все общество направилось к автомобилям. Клейтон с Джен Портер, профессором и Эсмеральдой заняли автомобиль Клейтона, а Тарзан взял с собою ассистента.

— Спаси, господи! — воскликнул мистер Филандер, когда они двинулись за автомобилем Клейтона,— кто мог это предположить. Последний раз, когда я видел вас, вы были настоящим диким человеком, прыгавшим среди ветвей тропического африканского леса, а теперь вы везете меня по висконсинской дороге во французском автомобиле. Господи боже мой! Но ведь это в высшей степени замечательно!

— Да,— согласился Тарзан и после некоторого молчания добавил: — Филандер, можете ли вы припомнить подробности относительно нахождения и погребения трех скелетов, лежавших в моей хижине на краю африканских джунглей?

— Могу и очень точно, милостивый государь, очень точно! — ответил мистер Филандер.

— Не было ли чего-нибудь особенного в одном из скелетов?

Мистер Филандер пристально взглянул на Тарзана.

— Зачем вы спрашиваете?

— Для меня это имеет очень большое значение,— признался Тарзан.— Ваш ответ разъяснит тайну. Во всяком случае, он не может сделать что-либо хуже, чем оставить тайну тайной. В последние два месяца я создал свою теорию относительно этих скелетов и прошу вас ответить мне открыто и начистоту: были ли все скелеты, которые вы похоронили, человеческими?

— Нет,— ответил мистер Филандер,— самый маленький, найденный в колыбели, был скелетом обезьяны-антропоида.

— Благодарю вас,— сказал Тарзан.

В автомобиле, ехавшем впереди, Джен Портер лихорадочно обдумывала свое положение. Она по-

няла намерения Тарзана, когда он попросил позволения сказать ей несколько слов, и знала, что должна быть готова дать ему ответ. Он не такой человек, от которого можно было отделаться кое-как. И вдруг эта мысль вызвала в ней удивление, и она засомневалась, не боится ли она его на самом деле?

А могла ли она любить того, кого боялась?

Она понимала очарование, овладевшее ею в глубине далеких джунглей, но здесь, в прозаичном Висконсине, не могло быть такой сказочной любви. И безупречно одетый молодой француз не будил в ней первобытную женщину, как тот лесной бог.

Любила ли она его? Этого она сама теперь не знала.

Она украдкой взглянула на Клейтона. Вот человек, воспитанный в той же среде и обстановке, в которых была воспитана она, человек с таким общественным положением и культурой, которые она была приучена считать главной основой для подходящего брака. Неужели ее чутье не указывало на этого английского джентльмена? Ведь его любовь была такой, какую ищет всякая цивилизованная женщина, думая о своем будущем муже...

Могла ли она полюбить Клейтона? Она не видела причины, по которой не могла бы. Джен Портер не была по природе существом холодно-рассудочным, но воспитание, обстановка и наследственность — все совместно научили ее рассчитывать наперед даже в сердечных делах.

То, что она была так безумно увлечена силой молодого гиганта, когда его большие руки обнимали ее в далеких африканских джунглях и сегодня в лесу Висконсина, могло, как ей начинало казаться, быть приписано только временному возврату к прототипу, к психологическому отклику первобытной женщины, таившейся в ней, на зов первобытного мужчины.

Если он никогда больше не коснется ее, рассуждала она, она не почувствует к нему влечения. А в таком случае она, значит, не любит его. Это было не более, как временная галлюцинация, вызванная возбуждением и физическим контактом, но, если бы она вышла за Тарзана замуж, то все очарование притушилось бы в совместной жизни.

Она опять взглянула на Клейтона. Он был красив и был джентльменом с головы до ног. Таким мужем она могла бы очень гордиться!

И в это время он заговорил. Минуту раньше или минутой позже — и три жизни пошли бы совершенно иначе, но судьба вмешалась и подсказала Клейтону психологический момент.

— Теперь вы свободны, Джен, — заявил он. — Скажите «да», и я посвящу всю свою жизнь, чтобы сделать вас счастливой.

— Да, — шепнула она.

В тот же вечер в зале для ожидающих на станции Тарзану удалось застать Джен Портер одну.

— Теперь вы свободны, Джен, — заявил он. — и я прошел сквозь века, из далекого и туманного прошлого, из логовища первобытного человека, чтобы требовать вас себе по праву: ради вас я сделался цивилизованным человеком, ради вас я переправился через океан и материки, ради вас

я сделаюсь таким, каким вы захотите! Я могу дать вам счастье, Джен, в той жизни, которую вы знаете и которую любите. Выйдете вы за меня замуж?

Что она наделала! Оттого что испугалась возможности уступить зову этого гиганта, она сожгла за собой все мосты и от страха совершить жизненную ошибку допустила ошибку еще более ужасающую!

И тогда она сказала ему все, сказала ему всю правду, слово в слово, не пытаясь обелить себя или оправдать свой поступок.

— Что же нам делать? — спросил он. — Вы признались, что любите меня. Вы знаете, что я люблю вас, но я не знаю этики общества, которую вы руководствуетесь. Оставляю решение вопроса в ваших руках, потому что вы лучше понимаете, что может устроить ваше благополучие.

— Я не могу отказать ему, Тарзан! — заявила она. — Он тоже любит меня, и он хороший человек. Я никогда не смогу взглянуть в лицо ни вам, ни другому честному человеку, если я откажу Клейтону.

В это время вошли в комнату остальные, и Тарзан отошел к окошку. Но он ничего не замечал. Перед его глазами неотступно стояла залитая солнцем лужайка, окаймленная спутанной массой роскошных тропических растений, над ней колебалась листва могучих деревьев, а над всем этим сверкала лазурь экваториального неба.

Мысли его прервал приход станционного служащего, который спросил, нет ли тут джентльмена по имени Тарзан.

— Я — мосье Тарзан, — сказал обезьяна-человек.

— Вам депеша из Парижа, пересланная из Балтимора.

Тарзан взял конверт и вскрыл его. Депеша была от д'Арно. В ней значилось:

«Опечатки пальцев доказывают, что вы Грэй-сток. Поздравляю. Д'Арно».

Когда Тарзан прочел телеграмму, вошел Клейтон и направился к нему с протянутой рукой. Тарзан смотрел на него.

Вот человек, который носит титул Тарзана, владеет его поместьями! Он женится на женщине, которую любит Тарзан и которая любит Тарзана. Одно лишь слово его перевернет жизнь этого человека: Оно отнимет у него титул, отнимет поместья и замки, оно отнимет их также и у Джен Портер.

— Знаете ли, старина? — взволнованно сказал Клейтон. — Я все еще не имел случая поблагодарить вас за то, что вы для нас сделали. Вы только тем и занимались, что спасали нам жизнь и в Африке и здесь. Страшно рад, что вы сюда приехали. Мы должны поближе познакомиться. Знаете ли, я часто думал о вас и о замечательных обстоятельствах нашего знакомства. Хотелось бы мне спросить вас, если позволите, каким образом, черт возьми, попали вы в те далекие страшные джунгли?

— Я там родился, — спокойно ответил Тарзан. — Моя мать была обезьяна и, само собой разумеется, не могла мне многого объяснить. Отца своего я никогда не знал.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

И ВНОВЬ О «ТАРЗАНЕ»

Неосторожная наша обмолвка в «Анонсе» о том, что некоторые подписчики выражают сомнение в необходимости продолжения «Тарзана» в будущем году, вызвала бурю протеста. В сентябре редакцию захлестнул поток писем. Несмотря на разницу их стиля — от вежливых просьб: «...нам бы очень хотелось увидеть на страницах журнала продолжение серии романов о Тарзана», до «непарламентских» выражений: «Кто вам сказал, что ему не нужен «Тарзан», плюньте ему в лицо и за меня тоже, даже два раза» и угроз не подписываться на журнал в случае прекращения публикации, — наши читатели с нетерпением ждут новых встреч с повелителем джунглей.

Пришло всего два письма, авторы которых не то чтобы совсем против «Тарзана», — они опасаются, что он может значительно потеснить другие интересные произведения. И в этом, конечно, есть свой резон, учитывая объем нашего журнала.

Руководствуясь таким редким в эпоху развитого плюрализма почти единодушным мнением читателей, редколлегия решила С 4-ГО НОМЕРА ГРЯДУЩЕГО ГОДА НАЧАТЬ ПУБЛИКАЦИЮ НОВОГО РОМАНА ЭДГАРА БЕРРОУЗА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАРЗАНА В ДЖУНГЛИ».

Почему мы не начинаем печатать роман с первых номеров? Для нас, работников журнала, немаловажно, что в условиях, когда к началу подписной кампании подготовлен каталог только на всесоюзные издания, республиканские вряд ли быстро при нынешней «оперативности» ответственных товарищей дойдут до подписчиков. Кто им разъяснит при нынешней bestолковщине и разобщенности, что каталоги каждая республика в этом году готовит и распространяет самостоятельно? И когда они еще дойдут до «глубинки», где у нас масса читателей?

Поэтому тех, кто не сумел в сентябре — октябре подписаться на «УС», приглашаем сделать это в начале 1991 года. Тогда, по крайней мере, вы сможете прочитать ВСЮ вторую книгу о приключениях Тарзана.

Кстати, многие наши читатели, отправив письма в редакцию, надеются получить ответ уже в следующем номере журнала. Сделать это мы не в состоянии, ибо очередной номер готовится к печати за 3—4 месяца до его выхода в свет. Вот и это обращение мы сделали в начале сентября, а прочтете вы его лишь в декабре. Поэтому упреки, прозвучавшие в некоторых письмах: «Почему в «Анонсе» не объявлена новая стоимость подписки — так было бы честнее» — мы принять не можем, т. к. сами до последнего времени были в совершенном неведении.

Редакция от всего сердца благодарит всех, кто откликнулся на наше предложение обсудить план публикаций на будущий год. Мы получили массу полезных советов и замечаний как по содержанию, так и по художественному и техническому оформлению журнала. Эти предложения мы проанализируем, обобщим и постараемся сделать соответствующие выводы.

Еще раз напоминаем наш индекс: 73413. Стоимость одного номера журнала (не по нашей вине и желанию) — 80 копеек. Годовая подписка — 9-60.

До новых встреч!

Даниил АНДРЕЕВ

Борьба с духовностью

Глава из книги

Существует ходячее представление, будто бы материальная бедность общества отражается, и притом прямо, и на его духовной бедности. И наоборот: материальное изобилие влечет — или обязано влечь за собой — также и духовное богатство.

Объективные исторические наблюдения не подтверждают этого тезиса. До поздней фазы капитализма богатством располагали те или иные привилегированные классы или группы, а не общество и различествовали не средние уровни этих обществ, а материальные уровни составлявших их групп. К обществу в целом прилагать понятие материального изобилия можно лишь на поздней стадии исторического развития. Можно говорить об изобилии и богатстве — по крайней мере, в определенные периоды — таких обществ, как современная Швеция, как Голландия последнего столетия, как Швейцария. О богатстве Соединенных Штатов можно говорить тоже, хотя с некоторыми существенными поправками, ибо разница материальных уровней различных групп населения в этой стране очень велика и далеко не все общество бывало охвачено так называемым процветанием даже в самые лучшие свои времена. Что касается стран социалистического лагеря, то я не упоминаю о них здесь, потому что эти образования относятся к еще более позднему историческому периоду.

Я был бы очень заинтересован, если бы кто-нибудь сумел убедительно показать мне, что перечисленные общества, достигшие высокого уровня общего материального благосостояния, как-то: Швеция, Голландия, Швейцария проявили одновременно также и подлинное духовное

богатство. Правда, что они вносили и вносят кое-что в мировую науку и технику, но наука, как и техника, относится в основном к ряду не духовных, а интеллектуальных ценностей. С самого начала следует научиться делать различие между этими двумя рядами явлений. Умнообразие определенного типа, весьма ныне распространенного, не отличает духовного от интеллектуального. Гуманитарные науки, искусство, общественность, этика, религия, науки физико-математического и биологического циклов, даже некоторые аспекты техники — все сваливается в одну кучу. Творчество Калидасы и Дарвина, Гегеля и Эдисона, Рамакришны и Алехина, Сталина и Ганди, Данте и Павлова рассматриваются как явления одной и той же области — «духовной» культуры.

Эту аберрацию можно было бы назвать дикарской, если бы в ней не были повинны цивилизованные люди весьма интеллигентного облика. А между тем, ясно, как день, что здесь перед нами два совершенно различных ряда явлений: духовный и интеллектуальный. Почти вся область науки и тем более техники принадлежит ко второму ряду; в него входят также философские, эстетические и моральные построения в той мере, в какой они высвобождаются из-под представлений и переживаний ино-природного, ино-материального, запредельного, духовного в точном смысле этого слова. В той же мере входят в него общественные движения, политические программы, экономическая и социальная деятельность, даже искусство и художественная литература. Духовный же ряд состоит из человеческих проявлений, находящихся в связи именно с понятием многослойности бытия и с ощущени-

сколько друзей знали, что ушел из жизни замечательный поэт и не менее замечательный философ и историк русской культуры.

Даниил Леонидович родился 2 ноября 1906 года в Берлине, где тогда жил его отец. Его рождение стоило жизни матери, Александре Михайловне Велигорской, которая умерла через две недели от последствий родовой горячки. Воспреемником, то есть крестным отцом мальчика, был «цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков», в ту пору, впрочем, уже всемирно известный писатель.

Учеба в частной московской гимназии Репман в Мерзляковском переулке дала неплохое общее образование, которое Даниил продолжил с 1924 года на только что открытых Высших государственных литературных курсах — они помещались сперва в Доме Герцена на Тверском бульваре, потом переехали на Сухаревку, а потом еще куда-то.

Мы мало знаем о жизни Д. Л. Андреева в 30-е годы. Средства к существованию он зарабатывал как художник-шифтовик, писавший объ-

вления, рекламы, надписи. Эта работа давала определенную независимость, оставляла много свободного времени. Можно не сомневаться, что Д. Л. Андреев жил интенсивной духовной жизнью.

Во время войны Даниил Андреев — рядовой 196-й стрелковой дивизии, вместе с которой в числе первых вошел по льду Ладожского озера в блокадный Ленинград. Этому времени посвящена поэма «Ленинградский апокалипсис», до сих пор не опубликованная.

21 апреля 1947 года Даниил Леонидович был арестован по пресловутой 58-й статье — по трем ее подпунктам, включая террор. Теперь мы знаем цену этим обвинениям, но ровно десять лет Д. Л. Андреев пробыл во Владимирской тюрьме. Здесь он продумал и начал записывать главный труд своей жизни — обширный историософский трактат «Роза мира», который обеспечил ему свое место в истории русской культуры и философии.

Мы точно знаем время работы Д. Л. Андреева над «Розой мира»: 24 декабря 1950 — 12 октября 1958,

эти даты стоят в рукописи. Следует добавить, что до 21 апреля 1957 года автор находился в тюрьме и только в течение последних полутора лет мог еще раз записать книгу на свободе. Заканчивая эту невероятную трудоемкую работу, Даниил Леонидович не раз брал силы взаймы у будущего, а долги нужно было платить. После окончания рукописи Д. Л. Андреев прожил всего пять с половиной месяцев, но он умер с сознанием исполненного долга. Конечно, он понимал, что его рукопись увидит свет не скоро. Она и до сих пор его не увидела¹.

С. ДЖИМБИНОВ

¹ Статья С. Джимбинова, отрывок из которой мы предлагаем, была напечатана в журнале «Новый мир» и сопровождала публикацию двух отрывков из «Розы мира» (1989, № 2). Кроме того, в том же журнале (1987, № 4) напечатана подборка стихов Д. Андреева. А в нынешнем году вышла первая его книга «Русские боги», включившая большую часть стихотворного наследия. И, наконец, скоро увидит свет «Роза мира», главу из которой мы предлагаем вниманию читателей. Текст подготовлен к печати и передан редакции вдовой писателя Аллой Александровной Андреевой. — Ред.

ем многообразных нитей, которыми связан физический план жизни с планами ино-материальными и духовными. Сюда полностью относятся области религии, спиритуалистической философии, метанстории, магии, высокой этики и наиболее глубокие творения литературы, музыки, пространственных искусств.

Если понять и усвоить это различие двух родов явлений, духовного и интеллектуального, тогда станет ясно, что духовное богатство находится отнюдь не в прямой зависимости от богатства материального. Дурно отражаются на духовной деятельности только две крайние степени материального достатка: нищета и роскошь. Первая заставляет тратить все силы на борьбу за существование, вторая ведет к погоне за умножением богатств либо к пресыщенности, к опустошению, к затягиванию психики душевным салом.

Не Швеция, не Голландия, не Соединенные Штаты, а бедный Таиланд, полувцивилизованные (разумеется, с точки зрения европейцев) Цейлон, Бирма и Камбоджа, «полудикие» Тибет и Непал, полунищая Индия являют собой образцы обществ, жизнь которых гораздо более, чем жизнь обществ западных, пронизана артистичностью, повседневным участием масс в сотворении высокоэстетических ценностей, интенсивными идейными исканиями и тем душевным теплом, которое найдешь только в странах, где веками царил нравственный климат, создаваемый огромными водоемами духовности. У нас привыкли сосредоточивать внимание на экономической отсталости этих стран, на индийской бедности, на тибетской малограмотности, на примитивности цейлонского быта, на пережитках в Индии кастовой системы, а в Тибете — теократического феодализма, на несовершенствах семейного уклада. И сознательно закрывают глаза на другую сторону жизни этих стран: ту сторону, чьими силами создавались и поддерживались города, наполовину состоящие из храмов потрясающей красоты и просветленности; взлетами чьего гения лик земли украсила дивная архитектура; благодаря чему священные реки текут по этим странам между берегов, увенчанных бесчисленными памятниками человеческого устремления к духу, свету и красоте. Забывают ту сторону индийской жизни, без наличия которой никакой народ не мог бы от векового порабощения освободиться методами ненасилия, — самими этически чи-

стыми методами, какие только удалось до сих пор измыслить. Не интеллектуализм, а именно духовность веет от всевозможных проявлений народной жизни индийской и индомалайской метакультуры: и от пронизанных внутренним светом, изумительных ремесел, и от народного искусства, и от отношения «человека массы» к проблемам жизни и смерти, и от мистерий и героических эпоев, которые целыми ночами представляются на жалкой площади в любой, самой захудалой деревне, и от поражающей нас незлобivosti по отношению к недавним порабощателям, и от незначительного, особенно в сравнении с Америкой и Россией, процента уголовных преступлений, и от высокоморальных программ действия, принимаемых массовыми правящей партией, и даже, например, от преобладающих в индийском обществе типов женщины, так рельефно изображенных Рабиндранатом Тагором и Прэмом Чандом.

Подмена понятия духовного понятием интеллектуального, причем с сохранением именно термина «духовный», столь повсеместна в России и даже на Западе, что становится совершенно ясным ее смысл и цель. Ее смысл и цель — все в том же стремлении вывести человеческую психику из области высших ценностей в область ценностей утилитарных. Это стремление и его действительное осуществление составляет одну из главнейших сторон переживаемого нами этапа культурно-исторического процесса. Это связано, конечно, и с выхолащиванием далекого социального идеала, и с усилиями сделать это постепенно, дабы общество, мало-помалу выхолащиваясь само и перерождаясь, не замечало образующегося вакуума, не замечало, как у него отнимают ценнейшие из ценностей и взамен подставляют другие, подчиненные.

Материальный достаток есть сам по себе безусловная ценность. Это есть естественный, достойный человека уровень его внешнего существования. Он представляет собою ценность, потому что это — та самая броня внешнеблагополучия, которая дает возможность спокойно созреть и плодоносить семенам души. Но провозглашать материальный достаток и внешнее покорение сил природы ради, опять-таки, материального изобилия человечества ценностью основной и наивысшей, целью организованной борьбы масс во всем мире, идеалом общественного развития, во имя которого следует приносить в жертву

«Роза мира» Даниила Андреева

«Роза мира», написанная автором во Владимирской тюрьме и законченная на свободе осенью 1958 года, представляет собою очень большую работу — около 40 печ. листов.

Все произведение состоит из 12 книг, разделенных на главы.

Исходной точкой является концепция автора о многослойности Вселенной и персонафицированных силах Добра и Зла, сущностей, проявляющих себя в этой Вселенной.

Концепция не манихейская: Добро изначально, и Зло ему не равно.

Борьба этих сил неминуемо закончится победой сил Добра, но сейчас и здесь, на Земле, в нее вовлечены все живущие, независимо от их воли.

Земля является пересечением уходящих ввысь Миров Просветления и уходящих вниз Миров Возмездия.

То, что мы воспринимаем как историю, есть отражение в земном слое этой борьбы.

Андреев вводит два понятия: ме-

таистория и метакультура. Метаистория — суть внешней истории. Метакультура — суть творческой деятельности народа.

Каждый народ имеет своего светлого Водителя — Демидурга и свою светлую Соборную Душу. Все Демидурги — братья, все Соборные Души — сестры.

Демидургу зеркально противополит в нижних мирах темный Демон Государственности.

В высших мирах над каждой страной творится ее небесное проявление, неподвластное гибели, даже если страна и культура погибают на Земле.

Большой раздел книги посвящен одухотворенной природе, выражению ее стихий как сущностей — Стихий и должному отношению к ней.

Через всю книгу проходит идея — одна из основополагающих идей русской культуры — Всемирное Братство и общий путь человечества к Богу.
А. АНДРЕЕВА

Вспоминаются старые слова: *in doloribus pinxi* — «написал в муках». Труд Даниила Андреева возник среди страданий. Зрелище человеческого духа, противопоставляющего унижению и насилию — независимость своего внутреннего бытия, должен вызывать у каждого глубокое уважение и сочувственную солидарность. Об этом не может быть двух мнений.

Напротив, о самой книге «Роза мира» (давно уже читаемой в списках и обсуждаемой в интеллигентских разговорах) мнения могут быть самыми различными — от горячего энтузиазма до резкого отталкивания. Ну что же, пусть они будут разными, эти мнения; пусть они рождаются, высказываются, сталкиваются в споре. Для этого нужно одно: напечатать книгу.

Надо надеяться, прошли времена, когда эпитет «спорный» звучал как приговор. Культура, сведенная лишь к тому, что официально признано «бесспорным», не только неполна, но и нежизнеспособна.

С. С. АВЕРИНЦЕВ,
чл.-корр. АН СССР

целые поколения и все, что относится к духовному ряду ценностей, — это есть или трагическая ошибка, или полусознанный обман.

Однако же именно эта ложная мысль, иногда провозглашаемая полным голосом, иногда недоговариваемая до конца, но всегда присутствующая в комплексе революционных идей нашего века, определяет и характер идеалов, венчающих этот комплекс, и усвоенную им методику.

Ту многообъемлющую социально-политическую и философскую доктрину, которая была выработана в середине прошлого века на Западе и постепенно сделалась гегемоном в области передового, революционного мышления, станем для краткости обозначать здесь словом Доктрина. Не трудно представить себе, что эта Доктрина, тесно связанная генетически с предыдущими звеньями западной философской и научной мысли, даже с христианством, разрабатывалась, однако, при активной помощи тех сил, которые озабочены созданием мощного учения, долженствующего сделаться ведущим в человечестве, но ведущим по лестнице идейно-социальных подмен к такому состоянию общественному, культурному, психологическому и техническому, откуда останется лишь один короткий скачок до абсолютной единоличной тирании.

Если допустить такую посылку, то луч прожектора, при котором мы привыкли созерцать явления культуры и искусства, внезапно резко сдвинется; погрузятся в тень явления, до сих пор казавшиеся нам такими отчетливыми, и напротив, выступят из тьмы феномены, о которых мы раньше не подозревали либо не обращали на них внимания. Железно-упрямый, не желающий уступать ни пяди, буквально с пеной у рта отстаиваемый материализм; жгучая, до неистовства доходящая ненависть ко всему, что можно заподозрить в религиозности, в мистике или в идеализме; полное исключение духовных ценностей, приравнивание их к пережиткам древности и утверждение лишь материального и интеллектуального рядов ценностей; поставление во главу угла идеи о материальном изобилии большинства; благословение любых средств, если они способствуют достижению этой цели; провозглашение диктатуры пролетариата, затем подмена пролетариата одной единственной партией, а еще позднее — подмена партии фигурой единовластного вождя; возмещение суровой необходимости подчинения всех ос-

тальных классов общества, а потом физическое уничтожение мешающих классов; строгий контроль государства, то есть единовластной партии, над всей идейной и культурной продукцией общества; колоссальная роль, отводимая технике, машине, индустрии, автоматизации, — и производственных процессов, и социальных отношений, и самой психики; — все это и многое другое приобретает под новым углом зрения новый и достаточно злобный смысл.

В высшей степени симптоматично, что та самая Доктрина, которая пробивала себе путь на общественную поверхность при помощи освободительных лозунгов и тирад о свободе, начала эру своего господства с разгона всенародного собрания представителей, в выборе которых сама же участвовала, тщетно надеясь получить большинство. За этим немедленно последовало наложение запрета на деятельность всех других партий и политических организаций и уничтожение всех органов печати, кроме своих собственных.

Под указанным здесь углом зрения метан истории важно рассмотреть и такие феномены, как наука, техника и индустриализацию.

В человеческом существе — не в физическом его теле только, но во всем сложном, разноматериальном конгломерате его существа — заложены такие потенции, развитие которых бесконечно раздвинуло бы возможность нашего пользования материальными средствами и совершенно изменило бы соотношение между человеком и пространством, человеком и временем, человеком и природой, человеком и другими слоями бытия. Проблему полета способна решить не только авиация. Борьба с болезнями за продление нормальных сроков жизни может вестись и совершенно другими методами, чем те, какими пользуется медицина. Быстрое передвижение в пространстве и общение на громадном расстоянии вовсе не являются монополиями наук, связанных с усовершенствованием видов транспорта и средств связи <...>

На позднейших культурно-исторических стадиях, в лоне высокоразвитых религий, так или иначе прикасались к этой проблематике очень многие течения и школы: и пифагорейство, и каббала¹, и восточно-христианское мо-

¹ Мистическое течение в иудаизме. — Примеч. ред.

нашество, и монашество даосизма и ламаизма. Кажется, сознательнее всех преследовали цель развития в себе именно этих потенций индийские йоги. При этом связь подобной работы с личной этикой была им уже совершенно ясна <...>

В метакультурах древности, включая Византию, общество еще не сделало окончательного выбора между этим путем развития и другим — тем, который для краткости можно назвать научно-техническим. Правда, в панораме древнеримской империи видятся признаки того, что в плане древнего общественного сознания тогда уже почти ничего не осталось от идей первого типа развития, они сделались достоянием эзотерических² и полуэзотерических обществ, мистических культов, некоторых кругов жречества. Но социально-экономические условия древнего Рима, Византии, даже западного средневековья не могли еще способствовать быстрому продвижению общества по второму пути. Рубежом следует считать приблизительно XV век — эпоху от изобретения пороха и книгопечатания до открытия Америки, Индии и до вызванных этим колоссальных экономических и психологических сдвигов.

С начала XVII века преобладание тенденции ко второму пути развития и стремительное угасание потенций первого пути становятся уже предельно ясными.

Второй путь развития характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, резко и полностью разрывается связь между наукой, то есть познанием окружающего мира, и какой-либо духовностью. Духовность окончательно отбрасывается в область богословия, культа, мистической философии и искусства, то есть в ту область, на которую наука не обращает ни малейшего внимания, лишь гораздо позднее начиная изучать ее со своих же, научных, позиций. Во-вторых, методика познания сужается до скрупулезной эмпирики и чисто рассудочных обобщений эмпирически добытого материала. В-третьих, научная деятельность как таковая полностью эмансипируется от каких бы то ни было связей с практической этикой: полезность или бескорытность мотивов, порочность или добродетельность ученого не имеют больше никакого отношения к плодотворности его занятий. Конечно, кармические³ следствия дурно направленной научной или технической деятельности, например, военного изобретательства, приходится пожинать каждому в его посмертии; но эти следствия находятся далеко вне круга его сознания при жизни. И в-четвертых, наука в принципе делается открытой для всякого, обладающего упорством и прилежанием. Окончательный разрыв между духовным и интеллектуальным рядами становится неизбежной реальностью.

Как расценивать — с метаисторической точки зрения — этот выбор пути, совершенный западным человечеством, а позднее определивший направленность умственной деятельности и в других метакультурах? Если бы миссия Христа не была оборвана, человечество получило бы могучий импульс к движению именно по духовному пути. Вот тогда были бы открыты и усвоены те методы, которые позволили бы вовлечь на этот путь народные множества вместо тех единиц, которые вовлекаются на него в Индии и странах буддизма; несравненно большими, для всех явными, были бы и достижения этих поколений. Это подобно тому, как отличается размах научных достижений в древности, когда в этом направлении работали единицы, от размаха научных достижений теперь, когда в эту деятельность вовлечены миллионы. Тот, кто оборвал жизнь Христа в самом ее начале, продолжал свою глубоко целеустремленную, сатанински разумную деятельность и в дальнейшем. И, уж конечно, он приложил немало сил к тому, чтобы глушить все побеги духовности и способствовать бурному росту научной и технической мысли. Не требует объяснений, зачем именно ему нужно было первое; во втором же он нуждался потому, что без

высочайших достижений техники не было бы мыслимо объединение человечества в монолит, а без этого объединения невозможно установление всемирной тирании — единственной тирании, заслуживающей наименования абсолютной.

Но объединение человечества есть цель, вернее, необходимый этап на пути к конечной цели — не только для демонических начал. Объединение человечества — этап в достижении конечной цели так же и для начал providенциальных. Ибо, пока объединение не достигнуто, человечество будет терзаться войнами и революциями — войнами все более и более разрушительными; наступит день, когда их разрушительность превратится в угрозу для всей органической жизни на поверхности Земли. Вне всеобщего объединения, полигического и социального, нет способов к предотвращению этой угрозы. И поскольку человечеством уже давно, хотя и неосознанно, сделан выбор научно-технического пути развития, поскольку невозможно в короткий срок изменить соответствующим образом общее умонастроение в сторону пути духовного, постольку providенциальные силы принуждены, со своей стороны, форсировать движение человечества по научно-техническому пути. Такова метаисторическая диалектика. Силы Света озабочены только тем, чтобы направить научную мысль, поскольку это зависит от них, по таким дорогам, которые меньше других грозят гибельными для людей открытиями и изобретениями <...>

Но и помимо умножения разрушительных сил войны, развитие техники имело для человечества первостепенное и противоречивое значение.

От всех других явлений духовного и интеллектуального ряда, даже от чистой науки, в значительной степени движимой чувством жажды познания, техника отличается одним: она не может не быть насковзь утилитарной. Психика людей, повселенно работающих в технике, над техникой, с техникой, приучается ко всему на свете подходить с критерием практической полезности. Если человек не сумеет сам заметить эту опасность, если он не отгородит глухой стеной ту сферу своей жизни и деятельности, где властвует техника, от остальных сфер своей жизни и души, он превращается в духовного калеку, духовного импотента, духовного слепца. Нет лучшего способа угасить в себе проблески чего бы то ни было духовного; нет более верного пути к выхолащиванию психики от понимания искусства, от любви к природе, от тяготения к религии, от тоски по мировой гармонии, от жажды любви. В нашем эоне⁴ развитие техники неизбежно, неотвратимо и оправдано потому, что без него невозможно ни объединение человечества, ни установление того всеобщего материального уровня, которого достоин человек. Но горе тем, кто позволил технике властвовать над своей душой.

Строго закономерно, исполнено железной исторической логики то обстоятельство, что Доктрина апеллировала прежде всего к пролетариату и именно пролетариат был предызбран ею, как будущий класс-гегемон. Тогда еще можно было вводить умы в заблуждение, взывая к чувству справедливости и жалости и вопия о том, что пролетариат пока еще создает только материальные ценности лишь потому, что он бесправен, угнетен, задавлен, нищ, сир, наг. Наивные энтузиасты веровали, что, освободясь от эксплуатации и придя к власти, этот класс создаст такие высшие ценности, перед которыми померкнут все шедевры прошлого. И что же?

Феодалная аристократия эксплуатировала народ, но объем культурных ценностей, созданных этим классом, не поддается ни исчислению, ни обозрению. Жречество и духовенство эксплуатировали, как это известно теперь даже грудному младенцу, темноту масс, но они создали не только религиозные концепции и культ, они создали вечные памятники зодчества, живописи, поэзии, музыки, философии, они создали высокие нравственные заветы. Буржуазия повинна во всех смертных грехах, но культурное творчество этого класса составляет едва ли не большую часть того, что теперь именуется культурным наследием. Крестьянство оставалось на социальном дне,

² Тайные общества не политического, а духовно-элитарного направления.

³ Далекондущие, суммарные.

⁴ Мировой период, характеризующийся определенным состоянием материи.

но все же и оно создало песни и сказки, орнаменты и легенды, художественные ремесла и фольклор.

А рабочий класс? Я живу в стране, где рабочий класс остается гегемоном уже пятое десятилетие. Что же создал он, кроме все тех же ценностей материального ряда да всевозможных технических, производственных усовершенствований? Скажут, может быть, а как же вся рабочая интеллигенция, то есть выходцы из рабочей среды, становящиеся инженерами, экономистами, юристами, учеными, литераторами? Но это — не рабочий класс: это — те, кто его перерос, кому нечего больше делать в этой среде и кого навсегда отделили от этой среды и характер деятельности, и круг интересов, и материальные условия жизни. Монах, расписывавший фресками храм, оставался монахом. Помещик, писавший у себя в усадьбе или в своем городском доме романы, поэмы и картины, оставался помещиком, буржуа, посвящавший свой досуг искусству и науке или предававшийся мещанству, оставался буржуа, и крестьянин, сочинявший былинны или расписывавший утварь, оставался членом своего класса. Но рабочий, становящийся интеллигентом, тем самым перестает быть рабочим. И того, что создала эта интеллигенция, не приходится принимать к рассмотрению, когда мы говорим о том, что создал этот класс как таковой.

Духовной — в точном смысле слова — продукция рабочего класса не существует вообще; его интеллектуальная продукция ничтожна. Рабочий класс — не венец человечества, а его трагедия, его — *memento mori*⁵, грозное напоминание о том, что миллионы людей, потенциально ничем не отличавшихся от остального полноценного общества, осуждены этим обществом на духовное скопчество, на культурное вырождение, смягчаемое лишь тем, что эти несчастные в подавляющем большинстве сами не понимают всего ужаса своего положения. Утратившие связь с матерью-землей и не вознагражденные за это приобщением к мировой культуре, психически искаленные вечной возней с машинами, эстетически колеблющиеся от красот индустриального пейзажа до частушки и пошлой олеографии, эти люди становятся жертвами одуряющей скуки, как только оказываются наедине с самими собой. Они, как огня, боятся тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошенностью. Природа для них мертва, философия смертельно скучна, искусство и литература доступны им лишь в самых сниженных своих проявлениях, религия возбуждает в них лишь высокомерную насмешку невежд, и только наука вызывает чувство инстинктивного уважения, как нечто бесспорно высшее, чем они. Их отдых — карты, водка, домино, спорт, примитивный флирт да кинематограф. И пусть не лгут, будто я клевету на этих людей: им слишком долго кадили фирмином, их растлевали потоками демагогической лести и лжи, приходит время, когда перед ними поставят их собственные, ничем не разукрашенные портреты.

Закономерно и логично, что именно эту человеческую формацию Доктрина возвела на пьедестал, именно из нее создаются кадры единовластной партии, именно она возносится перед человечеством, как якобы самый ценный из человеческих слоев, как образец, коему должны по мере сил следовать все остальные.

Смысл индустриализации — одного из главнейших мероприятий государства в 20-х и 30-х годах нашего века — отнюдь не исчерпывается тем, что эта мера усилила обороноспособность страны, одновременно поднимая, хотя и черепашьими темпами, ее материальный уровень. Смысл индустриализации еще и в том, что она произвела насильственную ломку психологии крестьянства и интеллигенции, заставив Россию, как выразился один иностранный журналист, «мыслить машинами», а в обществе распространяя тот психологический режим, который был до этого свойственен рабочему классу: психологический режим, при котором все расценивается мерилom практиче-

ской полезности, все чувствуют себя винтиками в гигантской машине и считают это нормой; режим, при котором вырождается искусство, становится государственной протитуткой литература, умирает религия, опошляется культурное наследие и выхолащивается этика: психологический режим бездуховности.

Культурное наследие остается единственным каналом, по которому духовность все-таки проникает еще в сознание людей. И не мешает припомнить, что в первые годы после великой революции, когда еще верили в мираж скорой революции во всем мире, в русской культуре бушевало такое течение, которое требовало и всю культуру прошлого сдать в архив. Один из идеологов Доктрины, Маяковский, лишь гораздо позже пришел к заключению, что Пушкин писал не так уж плохо, сначала же он, как и другие, требовал, чтобы Пушкин был сброшен с корабля современности. При этом Пушкин понимался, конечно, как некое олицетворение классики вообще. Самый талантливый театральный деятель этой эпохи, Мейерхольд, выворачивая классиков наизнанку, культивировал урбанистический, конструктивистский, оголенно-схематический стиль. И еще поразительнее было отражение архитектурного стиля игв⁶ конструктивным стилем тех зданий, которые возникли среди русских городов в 20-х годах и в начале 30-х: лишенные каких бы то ни было украшений, это были сочетания кубов, ромбов, параллелепипедов — голых геометрических форм — при явном пренебрежении закругленной линией <...>. Впрочем, воздействие вкусов и стиля античеловечества в архитектуре XX века оказалось далеко не в одной России: конструктивизм на Западе оказался даже устойчивее, чем у нас, он до сих пор уродует своими железобетонными убожествами прекрасные города Франции, Англии, Германии. Удивляться нечему: инволютация демонических начал — всемирна, и если на некоторых отрезках истории Россия сделалась ее основным плацдармом, то и остальное человечество не было оставлено без демонического внимания, чтобы в случае, если Россия отобьется от рук, где и на чем продолжать сооружение фундамента грядущей сатанократии <...>.

Глубоко закономерен был, конечно, стратегический курс, взятый государством с самого начала революции в отношении религии как таковой. Но тактику приходилось варьировать в зависимости от ситуации и от зоркости тех, кто этим курсом руководил на данном отрезке времени. Доктрина еще не успела захватить власть, как уже объявила, что религия есть опиум для народа. На первых порах ради ослабления православной церкви, так долго господствовавшей над умами наиболее широких народных масс России, в особенности над крестьянством, пытались расшатать монолит православия, оказывая попустительство всевозможным сектам. Но скоро выяснилось, что такими паллиативами церковь расшатать нельзя и что напротив, дух религиозного искательства начинает разливаться вширь. Поэтому секты подверглись тем же гонениям, что и церковь. Их судьбу разделили религиозные, философские и мистические организации и группы, бытовавшие среди интеллигенции: антропософские и теософские ложи, оккультные кружки, религиозно-философское общество и религиозные ордена любой окраски. Деятельность антирелигиозных организаций, и в первую очередь общества «Безбожник», выплеснулась в клубы, лектории, на эстрады, трибуны, кафедры, в печать, театр и кино, даже прямо на городские и сельские площади. В дни церковных праздников храмы окружались стаями молодежи, изощрявшейся в разных видах кощунства, и шутовскими процессиями, в которых комсомольцы изображали пузатых попов со съехавшими набекрень митрами и с бутылками в руках; эти скоморохи двигались по улицам параллельно крестному ходу верующих. Недостаток остроумия, эстетическое бесплодие и отпечаток непроходимой пошлости, лежавший на этих затеях, мало способствовали их удаче. Скудоумие приходилось восполнять трехпалым свистом, взрывами косяк-как-среспубликанского хохота, хлопушками, ракетами, а зачастую и прямым хулиганством.

Скоро стало очевидным, что и эти приемы бессильны

⁵ Помни о смерти! (лат.)

⁶ Игвы — по Д. Андрееву — демонизированные существа, «античеловечество».

отвлечь от религии сколько-нибудь заметное число любителей духовного опиума. Даже напротив: храмы бывали так полны, как никогда этого не случалось до революции. И когда в 1925 году скончался находившийся под домашним арестом патриарх Тихон, его похороны вылились в такую миллионную демонстрацию, что перед ней померкли все, внушенные правительством и партией, массовые изьявления горя, которые годом раньше поразили москвичей в дни похорон или, вернее, мумификации первого вождя. После этого тактика была изменена, и церковь расколота изнутри.

Преемник покойного патриарха выступил с широкозвучающим заявлением, что отныне радости безбожного государства — и наши радости, его горести — и наши горести. Превышая свои полномочия, высший иерарх русской церкви включил в текст великой ектиньи моление о «властях предержавших» и о пребывании их «во всяком благочестии и чистоте». Весьма вероятно, что субъективные мотивы, руководившие при этом высшей иерархией, сводились к мысли, что лучше хоть таким путем сбросить церковь от полного физического разгрома, хоть этими способами обеспечить для народа выполнение основных ее функций: таинства крещения, исповеди, евхаристии.

Но, так или иначе, этим было положено начало тому политическому курсу со стороны церкви, который вскоре превратил ее в безропотную рабу антирелигиозного правительства. Естественно, что такой поворот вызвал среди духовенства и мирян резкое разделение. Большинство священников или отказалось напрямик, или уклонялось от поминования властей при богослужении. На саботажников обрушились кары — отнюдь, впрочем, не церковные. За тысячу лет своего существования русская церковь насчитывала среди своих святых едва ли десяток мучеников за веру. Теперь эта недостача была пополнена в избытке. Тысячи священников и верующих мирян погибли в тюрьмах и трудовые лагерях. Храмы подверглись закрытию и разрушению, либо превращению в склады, мастерские или общежития. Истребительный самум обращал в груды щебня и те храмы и монастыри, которые пользовались мировой известностью как уникальные памятники искусства. Колокола, веками катившие над городами и полями России волны благовеста, отзвонили в последний раз, и сброшенные с разломанных колоколен, были отправлены, как металлолом утиль, на переплавку. К середине 30-х годов в Москве из 600 действовавших церквей уцелело едва ли 40, а в Киеве, например, остался открытым один-единственный собор. Судьбу православной церкви разделили и все другие вероисповедания.

К тому времени уже давно было сконструировано, свинчено то, что должно было заменить собору церковь, как водительницу душ, как учительницу жизни, как массовую организацию. Эта квазицерковь приняла от своей предшественницы и ее исконную догматическую неколебимость, и свойственное ей сочетание централизованности с демократизмом, и ее систему сурового внутреннего подчинения, и ее претензии на роль единственного индикатора истины. Постарались имитировать даже то душевное тепло, которое свойственно церкви. Идею и структурное единство партии охранялось такими же беспощадными мерами, какими некогда, в века своего становления, христианская церковь оберегала свое единство, вступая в жестокую борьбу с любой ересью. А исключение провинившегося члена из лона квазицеркви стало таким же страшным наказанием и воспринималось несчастным столь же трагически, как в средние века воспринималось отлучение от церкви.

Мало-помалу квазицерковь выработала и квазикульт. Вместо жалких, кустарных антирелигиозных маскарадов в дни церковных праздников упор был взят теперь на устроение грандиозных массовых шествий, парадов и помпезных действий в дни праздников революционных, на хоровое исполнение партийных квазисалмов и квазиакфистов и на поклонение квазимошам, покоившимся в квазихраме у стен Кремля.

Средствами экономического и внеэкономического при-

нуждения на службу квазицеркви было привлечено все — от художественной литературы до цирка, от сцен ведущих театров до ресторанных эстрад. Стержнем же этой системы было сделано так называемое просвещение. то есть лестница образовательных-воспитательных и научных учреждений от детских садов до Академии наук СССР.

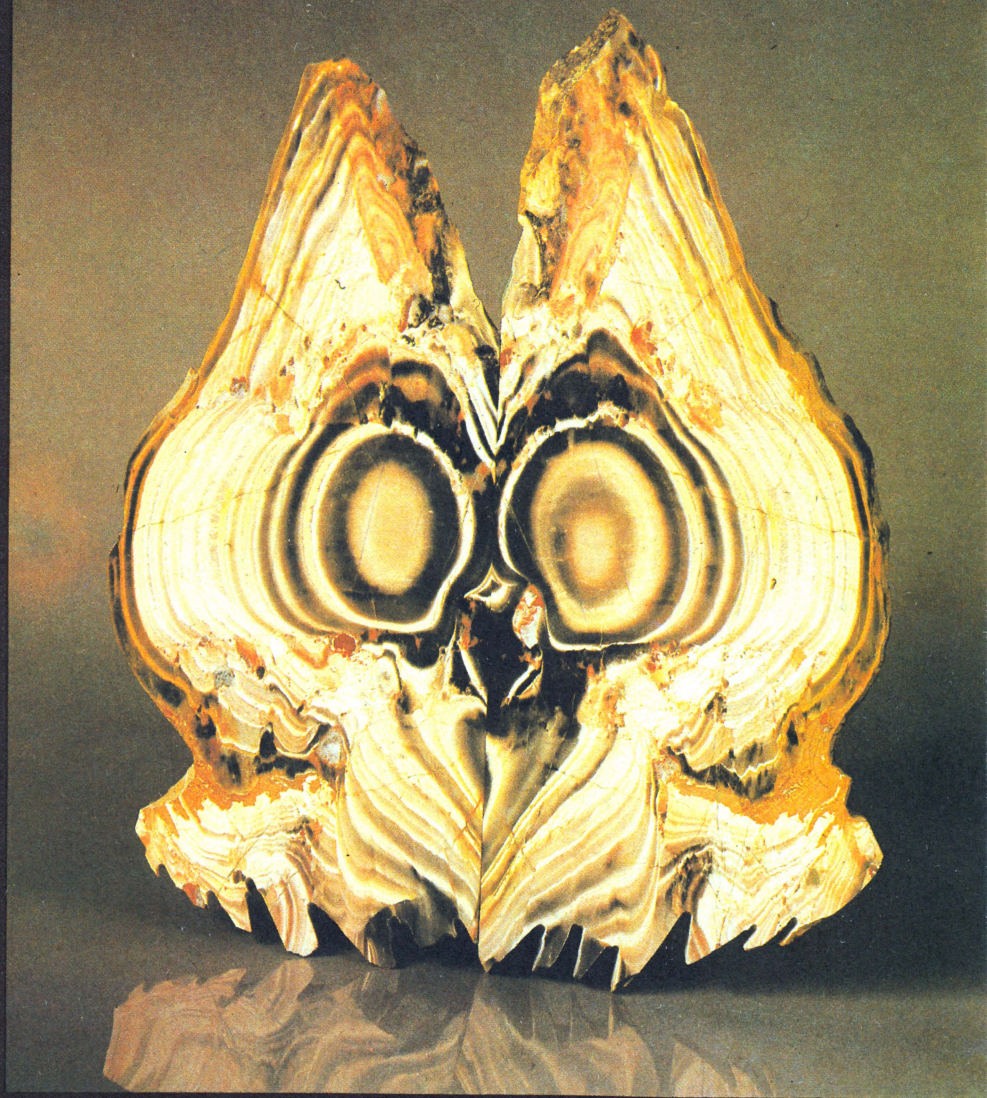
Человек какого образа воспитывался этой всеобъемлющей педагогической системой? Каков был ее идеал?

Она развивала в испытуемом смелость, ибо смелость эта была нужна государству для борьбы с врагами и для грядущих боев за всемирную власть. Воспитывалась воля, но такая воля, которая покорна государству и квазицеркви и тверда в осуществлении их — и только их — директив. Воспитывалось чувство товарищества, но товарищества по отношению только к тем, кто неукоиснительно и твердо отстаивал дело именно этого государства и этой квазицеркви. Воспитывались правдивость и честность, но честность особого рода: такая честность, когда человек, не колеблясь, предаст товарища, друга, отца, выдаст любую доверенную ему тайну, если они хотя бы в деталях противоречат интересам государства и указаниям квазицеркви. Воспитывалось творческое отношение к труду, — все ради эффективности трудовых процессов в интересах той же квазицеркви и того же государства. Поощрялась жажда знания, но направлялась она по строго определенному руслу: такому руслу, которое обеспечивало технический прогресс и формирование определенной идеологии. Все это окрашивалось тщательно культивируемой, выращиваемой, питаемой, поливаемой, подогреваемой ненавистью к врагу, причем врагом считался каждый, мыслящий иначе, чем квазицерковь. В итоге получалась развитая, энергичная, жизнерадостная, целеустремленная, волевая личность, по-своему честная, по-своему идейная, жестокая до беспощадности, духовно узкая, религиозно невежественная, зачастую принимающая подлость за подвиг, а бесчеловечность — за мужество и героизм. Создавался законченный тип самоуверенного фанатика, воображающего, что его государство — лучшее из всех государств в мире, его народ — талантливее всех народов, его квазицерковь — ковчег абсолютной истины, его идеология — безупречно правильная, его вождь — непогрешим не только *ex cathedra*, но и во все минуты своей жизни, все же остальное — ветошь, исторический мусор, только мешающий жить и осужденный на безжалостное уничтожение.

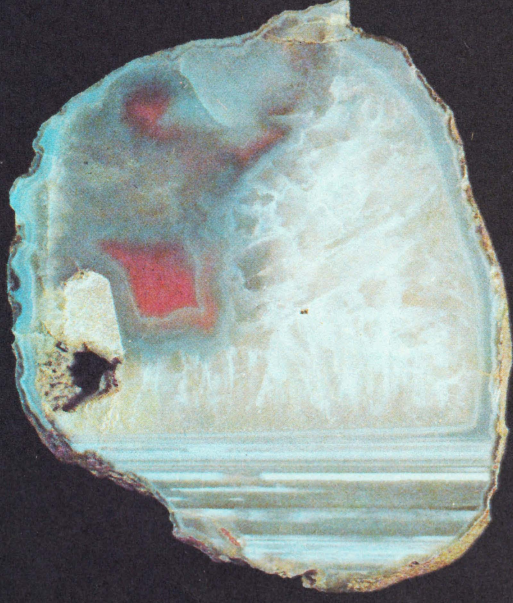
Но какими бы прочными ни были позиции, занятые Доктриной в битве за человеческие души, внутри этих душ продолжала протекать почти невидимая постороннему глазу, часто невятная рассудку самих людей, борьба провиденциального начала с теми, кто пытался его искоренить. В повседневности, в быту, в семьях, в дружбе, в любви, в тайных движениях человеческого сердца, в смутной тоске, в неутолимых сомнениях, самопроизвольно возникающих из недр совести, в общении с природой, в струях красоты, низливавшихся в душу от великих творений прежних времен, сказывалось непобедимое сопротивление духа.

Таких стадий достигла борьба с духовностью в тридцатых годах нашего века, когда над шестой частью земного шара обрисовалась с окончательной резкостью исполинская фигура страшного человеческого существа, еще издали предвиденная и предсказанная великими пророками России.

**Слайды
Владимира Холостых**

**Слайды
Владимира Холостных**

*В них золотой песок
и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.
«Сады души»*

И, наконец, желтым:

*Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О янтарный мрамор Сиены,
И молочно-белый Каррары!
«Пиза»*

В последнем четверостишии указаны также месторождения высококачественного мрамора. Сиена — город в Центральной Италии, основанный римлянами в I веке до новой эры. Близ него находятся мраморные карьеры, которые дали материал для выдающихся памятников архитектуры готического стиля: соборов, церквей, дворцов. В той же области Тоскана почти на берегу Лигурийского моря расположен и город Каррара. Здешний белый мрамор известен с незапамятных времен. В настоящее время половина местных рабочих занята ломкой и обработкой мрамора, большая часть которого идет на экспорт.

Что еще можно узнать о мраморе из стихов Гумилева? Например, то, что минерал способен образовывать крупные монолиты, из которых вытачивают надгробия и колонны: «Столпами из мрамора в пылающем небе укрепились мои сады» («Семирамида»). Или что твердость мрамора значительно ниже твердости стали, о чем указывается в стихотворении «Сон Адама» не только словами, но и изобретательной звукописью: «Он любит и скрежет стального резца, дробящего глыбистый мрамор для статуй». Или, наконец, то, что блеск полированного мрамора сравним с блеском жемчуга: «Там вечером и страшно, и красиво в тумане светит мрамор плит» («Памяти Анненского»).

На втором месте по частоте упоминания после карбонатов кальция стоят минералы кремнезема. К ним относятся хрусталь (кварц), аметист, яшма, агат, кремь. К этому списку можно причислить и гранит, горную породу, состоящую в основном из кварца и полевых шпатов.

Как известно, аметист окрашен в фиолетовый цвет. В полированных изделиях в определенном положении иногда видны красноватые отблески, которые внезапно вспыхивают в калейдоскопической разгранке. Это свойство присуще лишь кристаллам аметиста высшего сорта. Именно об этом с большой поэтической силой и достоверностью пишет Гумилев в поэме «Дракон»:

*До глубин ночами и днями
Аметист светился и цвел
Многоцветными огоньками,
Точно роem веселых пчел.*

В Китае одним из популярнейших камней является яшма. Даже

эпитет такой существует — «яшмовый» как синоним чего-то прекрасного, утонченного, дивного. Зная о точности Гумилева при описании деталей быта, мы при первом чтении книги «Фарфоровый павильон (Китайские стихи)», конечно же, предвкушали встречу с яшмой. И не ошиблись. Уже в первом стихотворении, по которому названа вся книга, есть строки:

*И ясно видно в чистом озере —
Мост вогнутый,
как месяц яшмовый,
И несколько друзей за чашами,
Повернутых вниз головой.*

Прозрачная чистота горного хрустала позволяет Гумилеву строить такие образы: «Голос хрустальный казался особенно звонок» («Отказ»); «Выпускает ночь из рукава хрустальных нимф» («Фра Беато Анджелико»).

В предисловии к одной из книг Гумилева В. К. Лукницкая пишет о предвидениях поэта. Например, Н. Гумилев предчувствовал свою гибель от пули, предвещал Африке высокое будущее. В 1920 году он написал: «В созвездии Змея загорелась новая звезда». Как ни поразительно, но 14 февраля 1970 года японские астрономы обнаружили в созвездии Змеи новую звезду пятой величины!

Алмаз, царь самоцветов, в перечне камней Гумилева стоит на третьем месте. Причем почти повсюду он участвует в построении метафорических рядов. Поэт пренебрегает высочайшей твердостью минерала. В этом смысле он может поставить алмаз рядом с гранитом: «И в глубине земли, точа алмаз, дробя гранит, ключи лепечут скоро» («Деревья»). Гумилев приписывает алмазу необычайную прочность. Между тем минерал довольно хрупок. Изготавливать из него штыи и панцири совершенно бессмысленно. Но поэт то и дело занимается этим:

*Над морем встал алмазный щит
Богини воинов, Паллады.
«Одиссей у Лаэрта»*

*Я встретил ангела, что пел
Про человеческий удел,
Алмазным панцирем звеня.*

«Мик»

В приведенных строчках алмаз играет чисто декоративную роль. Он сверкает, переливается радужными огнями и ошеломляет размерами и ценой. Подобное же место занимает алмаз (бриллиант) в других стихотворениях Гумилева. Некоторые из них столь же совершенны, сколь совершенна тонкая структура алмаза:

*Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты.
И метались в гулкой зале,
И роняли бриллианты.*

«Маэстро»

Совсем по-иному относится поэт к минералам группы корунда — рубинам и сапфирам. Гумилев четко различает красные рубины и синие сапфиры. «Синяя, как чаша сапфировая, сокровищница льва» («Норвежские горы»). Однако общий для обоих самоцветов славянский термин «яхонт» он, по-видимому, относит только к сапфиру.

Гумилев знает цвет истолченного рубина. Это следует отметить особенно, так как только минералогам известно, что цвет минерала и цвет порошка (цвет черты, как говорят они) не всегда совпадают. У густокрасного рубина цвет порошка розоват, что и отмечает поэт в стихотворении «Помпей у пиратов».

Из минералов группы берилла в стихах Гумилева нашлось место только собственно бериллу и изумруд. Изумруд нужен поэту лишь для построения метафор, основанных на цвете камня. Изумрудно-зелеными у Гумилева могут быть волны Нила, змеи, крокодилы, рыбы, птицы, жуки, египетские равнины, сок травы. Ни одного самоцвета-изумруда в гумилевских списках нет (за исключением строк, переведенных из «Гильгамеша»), и это кажется достаточно странным.

*А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
На него алеющий цветок.*

«Заклинание»

Янтарь, как и изумруд, понадобился Гумилеву для определения одного из цветов спектра. В янтарно-желтый цвет он окрашивает смолу, различные плоды, рог носорога, зерна ячменя, чубук курительной трубки и даже зрачки дракона. Лишь в трех случаях Гумилев украшает янтарным ожерельем своих героинь: «Я надела алый пояс, янтари и жемчуга» («Невеста льва»).

Вот мы добрались и до эмали. Вообще говоря, это не драгоценный камень, а всего лишь цветное стекловидное покрытие на металле, образовавшееся в результате высокотемпературной обработки. На такое искусственное происхождение эмали указывает поэт:

*Художник! Акварели
Тебе не будет жаль!
В купели
Расплавь свою эмаль.*

«Искусство»

Эмаль была изобретена в глубокой древности. При археологических раскопках ученые часто находят металлические изделия, покрытые эмалью различных цветов. Любили эмаль в древнем Китае, на что намекает Гумилев в стихотворении «Я верил, я думал...».

Выдающийся средневековый ученый-энциклопедист Бируни в знаменитой книге «Собрание сведений для

познания драгоценностей (минералогия)» описал эмаль наряду с алмазами и рубинами. В старину высококачественную эмаль уподобляли синему яхонту. Теофил Готье свою лучшую поэтическую книгу назвал «Эмали камней». Не потому ли и Гумилев (кстати, переводчик стихов Готье) украшает переплеты древних книг самоцветами и эмалью. Впрочем, ему известно и более будничное применение эмали:

*Весь двор усыпан был песком,
Цветами редкостными вышит,
За ним сиял высокий дом
Своей эмалевою крышей.*

«Два сна
(китайская поэма)»

Почти с одинаковой частотой встречаются у Гумилева популярные на Востоке лазурит и бирюза. Отличие одно: лазурит, или ляпис-лазурь — всегда камень, а бирюза идет только на эпитеты. Бирюзовыми у поэта могут быть небо, море, глаза героини. Впрочем, в стихотворении «Лес», обращенном к Ирине Одоевцевой¹, упомянут зеленоватый самоцвет:

*Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневеющей змеи,
На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.*

Действительно, под воздействием органических веществ (например, косметики) бирюза меняет окраску, как говорится, «болеет». Она или обесцвечивается, или приобретает оттенок зеленого цвета.

О лазурите Гумилев узнал, переводя «Гильгамеша». Из поэмы выясняется, что в древнейшие времена лазурит был так же ценен, как золото: «Вождь могучий развяжет над нею свой пояс, одарит ее золотом и ляпис-лазурью». Его включали в формулу торжественной клятвы: «О боги, стоящие здесь, как я не забуду моего ожерелья из ляпис-лазури, так же и этих дней не забуду, всегда буду помнить!» На вес лазурита оценивался особо ценный товар, как в наши дни измеряют что-то на вес золота: «Они восхитались длиною рогов бычачьих, тридцать мин лазурного камня их масса».

Довольно часто в стихах Гумилева называются просто драгоценные камни или кристаллы. Из этого числа выделим только «черный камень» мусульман, противопоставленный кресту:

*Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем
этих мест.
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нателный крест.
«Африканская ночь»*

В Мекке, месте паломничества мусульман, находится Кааба — храм кубической формы. В нем хранится одна из главных культовых святынь — «черный камень». Согласно легенде, это обугленные останки ангела, посланного Аллахом на землю. Доказательством божественного происхождения «черного камня» является его необыкновенная легкость — он не тонет в воде. Длительное время считалось, что «черный камень» Каабы действительно упал с неба. Однако совсем недавно датская ученая Э. Томсен доказала, что крупный метеорит (или астероид) послужил лишь причиной. Энергия его удара расплавляла кварцитовые породы, из которых затем и образовалось пористое стекло. Внедрившиеся мельчайшие частички метеорита придали стеклу черный цвет. И поныне в аравийской пустыне Руб-эль-Хали можно найти кусочки «черного камня».

Итак, мы выяснили отношение Гумилева ко многим самоцветам. Мы увидели, что его любимыми камнями являются жемчуг и мрамор, что он знает свойство, историю и географию многих цветных камней, что красный, желтый, зеленый и голубой цвета ассоциируются у него с кораллом, янтарем, изумрудом и бирюзой. Однако поэт видел полезность драгоценных камней не только в построении метафорических рядов. Задолго до Г. Банка он очертил полный круг использования самоцветов в человеческом обществе. Как известно, западногерманский ученый-геомолог назвал следующие основные области применения драгоценных камней: предметы религии и культа; магия и древняя медицина; печати и перстни с печатями; ювелирные украшения, династические регалии; коллекции, сокровищницы и музеи; эквивалент валюты; наука и техника. В строчках Н. Гумилева читатель найдет и блестящее поэтическое подтверждение тому, какое большое место занимают в нашей жизни камни-самоцветы.

Поэт Николай Гумилев был расстрелян в 1921 году Петроградской ЧК. Через шесть лет другой русский поэт, отлученный от Родины, посвятил ему сонет. В четырнадцати строчках Игорь Северянин сумел с исчерпывающей полнотой дать портрет Рыцаря, Путешественника, Любовника, Зверобоя, Солдата. Не занимаясь кропотливым подсчетом самоцветов, Игорь Северянин с великолепной точностью указал главный камень Поэта:

*Путь конквистадора в горах
остер.
Цветы романтики на дне
нависли.
И жемчуга на дне —
морские мысли —
Трехцветились,
когда ветрел костер.*

Владимир ДАГУРОВ

Не верьте, что чудес на свете нет.
Зима, как медсестра в халате

снежном.
Укрылся белым снегом белый свет
и кажется задумчивым и нежным.
Витают хлопья, словно мотыльки,
Они прекрасны и к тому ж полезны
и малышам,

играющим в снежки,
и лыжникам,
порхающим по лесу.
Снег валится не с неба:

ведь зима
земные испарения морозит,
и потому выходит,
что земля
сама себе подарок преподносит.
Снег
новогодней сказкой

норовит
украсить все края земного шара,
и, задыхаясь, Африка глядит
на белые снега Килиманджаро.
Снег студит лоб тебе,

двадцатый век.
Мой русский снег
несет вам счастье, люди!
«Мир дому, люди!» —
шепчет белый снег.
И верю я, что так оно и будет!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Рубашка — распахнутый ворот,
улыбка — до самых ушей.
Я бросил в каникулы город
во имя ее Патрушей.
Иду по деревне,

и мысли,
как та ключевая вода,
которая на коромысле
наполнила оба ведра.
По пояс стою оголенный,
и ковшик студеной,

как лед,
на шею мою в огороде
девчонка бедовая лет.
А в час неуютный прощанья
проводит меня на вокзал
и скажет

печально-печально
все то,

что я ей не сказал.
Уеду пускай недалечко —
платочек в руке у нее
трепещет,
как будто сердечко,
как будто сердечко мое!

¹ И. В. Одоевцева — автор книги воспоминаний о Н. С. Гумилеве «На берегах Невы», М., 1988.

ДРЕВНИЕ ДОРОГИ УРАЛА

Евгений
ЯСТРЕБОВ

Пути через Урал существовали с незапамятных времен. В тундрах крайнего Севера, где обитали в основном ненцы, хребет как летом, так и зимой пересекали нарты, запряженные в олени или собачьи упряжки. В таежной зоне обитали коми, манси, ханты. Здесь удобнее было передвигаться по рекам, пользуясь лодками-долбленками, сплываемыми из ствола толстого дерева. С одной реки на другую их переправляли по волокам. В равнинных и горных степях и лесах Южного Урала, где кочевали башкиры, преобладали конные дороги.

Когда на Урал пришли русские, они тоже воспользовались этими дорогами, чтобы побывать в неведомых прежде районах.

Впервые русские люди (это были новгородцы), продвигаясь на восток по рекам бассейнов Северной Двины и Печоры, вышли в конце XI века к наиболее северной части Уральских гор. Почти 400 лет ходили они сюда за ясаком и распространили свое господство практически на всё северное Предуралье и западный склон Северного Урала. В конце XV столетия эти владения отошли к Московскому государству, что способствовало хозяйственному развитию северного Предуралья.

Дорог в ту пору здесь проходило несколько. Самая северная и отдаленная шла от верховьев реки Усы (правый приток Печоры) по небольшой речке Елец и далее по реке Сось, стекающей на восток в Обь.

Второй путь шел по правому притоку Печоры — реке Шугор, недалеко от известной горы Тельпосиз. Поднимаясь по Шугору, путники затем преодолевали довольно высокий перевал и попадали на восточный склон хребта, на реку Ляпин, впадающую в Северную Сосьву. Еще южнее, по другому правому притоку Печоры — реке Ильч проходила аналогичная дорога и за перевалом приводила к верховьям Северной Сосьвы.

Четвертая была преимущественно водной. Она шла вверх по Вишере и ее левому притоку Велсу, затем поднималась на перевал и спускалась на восточном склоне хребта к рекам Тальте и Ивделю. Далее путь шел по Лозьве и Тавде. В 1589 году при впадении Ивделя в Лозьву построен Лозьвинский городок, где находился гарнизон для охраны дороги.

В середине 50-х годов XVI века к России была присоединена предуральская и частично горная часть Башкирии. Тогда же русские проникли на реку Яик, отделяющую южную оконечность Уральских гор от Мугоджар. С 1775 года эта река по указу императрицы Екатерины Второй стала называться Уралом. Башкиры и другие народы степных и полупустынных районов издавна пользовались яикским водным путем. Русским же он стал известен с начала второй половины XVI столетия. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1555 году они по просьбе башкирских биев (местных князьков) провели межевание земель по правобережью Яика от устья реки Ори километров на 100 вниз по течению, включая отроги южноуральских гор. Верхний же участок Яика, выше впадения Ори, стал известен им, очевидно, в начале XVII века. Возможно, что вдоль правого берега Яика шла и сухопутная конная дорога, каких немало было в Башкирии.

Через северную Башкирию проходила еще одна дорога от Волги, в частности от Казани, — на восток вдоль Камы, нижнего течения Белой и вдоль реки Уфы. В верховьях

Уфы она пересекала невысокие Уральские горы и спускалась в бассейны рек Исети и Миасса. Скорее всего, дорога была проложена еще древними народами. Путь был удобен и проходил через невысокий перевал. Позднее он стал называться Старой Казанской дорогой. С западным участком ее наши предки познакомились в начале второй половины XVI века, а к востоку от Уральских гор проникли позднее.

Однако вернемся к Прикамью, где в последние десятилетия XVI века активизировалась хозяйственная деятельность россиян. После того, как предприимчивые солепромышленники братья Строгановы получили от Ивана Грозного жалованные грамоты на владение землями по Каме и Чусовой. Один из братьев — Яков — стал полновластным хозяином всей Чусовой от истоков до устья и земель, прилегающих к реке. Если нижнее течение Чусовой было известно русским задолго до этого, то о среднем и, тем более, верхнем ее участке они еще ничего не знали.

Сибирские татары совершали набеги на строгановские земли, пользуясь путем по реке Чусовой. Чтобы обезопасить себя, Строгановы пригласили дружину Ермака. В 1579 году (прежде считалось, что в 1581-м) Ермак отправился вверх по Чусовой, ее правому притоку Серебрянке, и далее по рекам Баранке, Тагилу и Туре проник в Сибирь, чтобы уничтожить Сибирское ханство. Поход увенчался успехом, и граница Русского государства отодвинулась далеко к востоку. Таким образом, стал известен еще один водный путь в Сибирь с гораздо более низким перевалом, чем на прежних северных дорогах. На Туре в 1586 году возник первый русский город в Сибири — Тюмень, а в следующем, 1587-м, основан Тобольск, ставший главным административным центром Сибири.

Теперь неизбежно встал вопрос о налаживании с ней прочной транспортной связи. В те времена дорога из Москвы на Урал приводила в Соликамск. Далее в Сибирь шла Вишерская дорога. Но ни она, ни водный путь Ермака не были утверждены для постоянного пользования. Вишерская дорога была слишком длинной, а на чувском пути, не исключено, столкнулись государственные интересы с личными интересами Строгановых: с превращением реки в постоянно действующую водную (зимой санную) дорогу Строгановы остались бы на Чусовой только формальными, а не фактическими хозяевами.

В 1595 году царь Федор Иванович — сын Ивана Грозного — приказал проложить новую более прямую дорогу в Сибирь. Ее предложил житель Прикамья Артемий Бабинов. Он рекомендовал трассу от Соликамска к реке Туре. Местность была гористая, покрытая девственным лесом. Видимо, бывалые манси (их чумы встречались в районе намеченной дороги) подсказали ему, где и как лучше проложить путь. Проект был принят, началась рубка просеки и строительство дороги. Спустя 2 года, в 1597 году она была в основном готова, но впоследствии еще долго приводилась в надлежащий порядок. Эта полностью сухопутная дорога вошла в историю как Бабиновская. Длина ее от Соликамска до Туры составила около 270 верст (примерно 300 км). Через реки были сооружены деревянные мосты, на болотах насланы гати.

Появились вдоль дороги и небольшие населенные пункты: Сурмог, Верх-Яйва, Чикман, Молчан, Верх-Когьва, Ростес, Павда, Караул. Их жители в основном обслужи-

вали этот нелегкий таежный путь. В конечном пункте дороги, на реке Туре, в 1598 году возник город Верхотурье. Туда перевели гарнизон из Лозьвинского городка, сам городок ликвидировали.

Если же какие-нибудь высокопоставленные чиновники направлялись в Сибирь по неотложным государственным делам, то им разрешалось иногда проехать другим путем. Так случилось, например, с русским посольством под начальством Избранта Идеса, направлявшимся в 1692 году по распоряжению Петра Первого в Китай. Началась весенняя распутица, и, чтобы не задерживать посольство, соликамский воевода предложил изменить маршрут и ехать по Чусовой. Он выделил пять небольших судов с пятью гребцами в каждом. Путники сплавились по Каме и поднялись по Чусовой до Уткинской слободы (теперь село Слобода, в 3 км от железнодорожной станции Коуровка). Это на 206 км выше устья Серебрянки, докуда дошел по Чусовой Ермак.

От Уткинской слободы путешественники проследовали проселочной дорогой через невысокие среднеуральские горы и на их восточном склоне вышли к Аятской слободе. Затем через Арамашевскую слободу достигли реки Нейвы и сплавились по ней, а также по Нице, Туре и Тоболу до Тобольска. На восточном склоне Урала, как и на реке Чусовой, Идес не мог обойтись без помощи местного населения. Значит, русским этот путь через Средний Урал уже был хорошо известен. Но пользовались они им только для местных нужд.

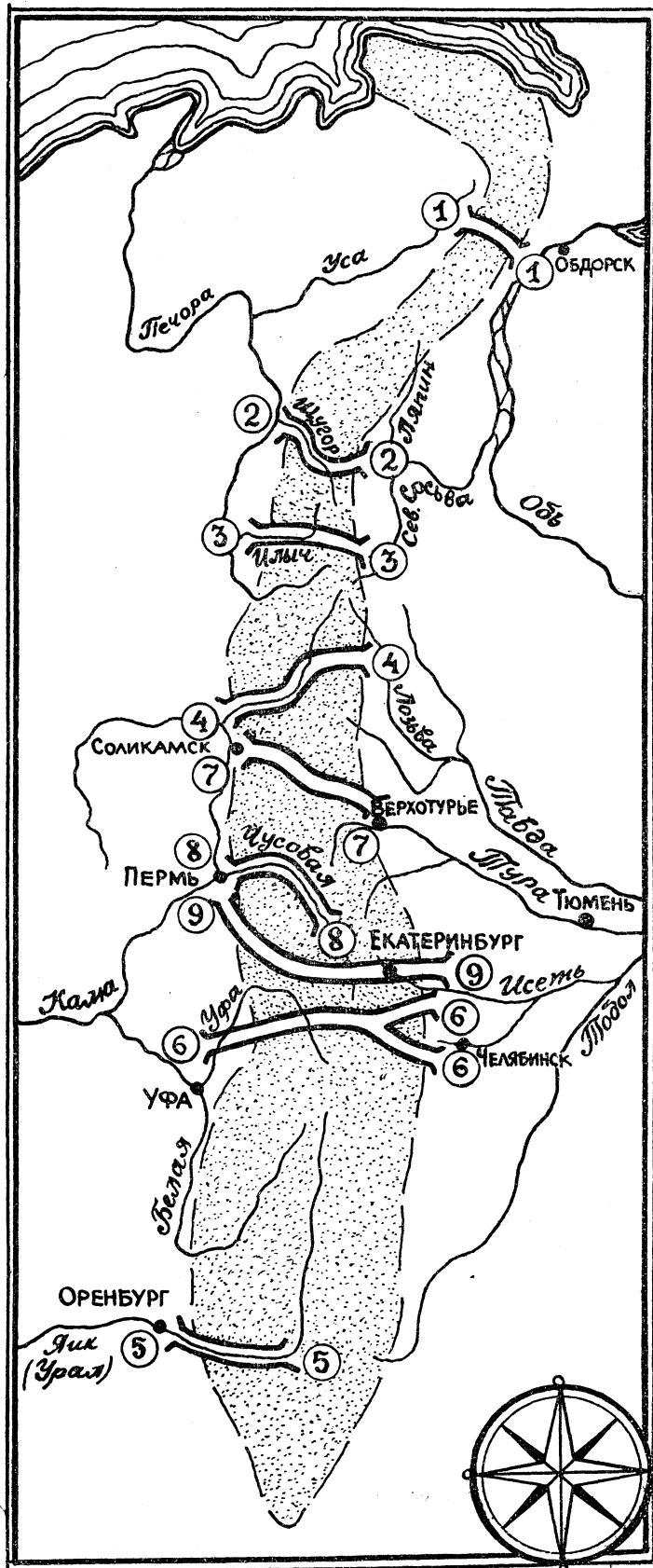
Бабиновская дорога официально существовала до 60-х годов XVIII века, хотя по ней ездили и в последующие годы. Однако еще раньше ее особый статус стал все чаще нарушаться. На Среднем Урале начал складываться горно-промышленный район, вскоре превратившийся в крупнейший во всей России. Было бы нелепым поддерживать с ним связь через Соликамск — Верхотурье — Тюмень. Это показала первая же попытка доставить с Каменского завода по Бабиновской дороге в Москву обоз с пушками и снарядами. Выручила Чусовая. Тут уж Строгановым не помогли никакие жалованные грамоты 150-летней давности. Интересы государства требовали того, чтобы уральское железо, чугун и металлические изделия регулярно поступали на рынки Европейской России. А регулярно, значит раз в год, в период весеннего половодья, когда уровень воды в Чусовой резко повышается и скорость течения namного возрастает. Именно в этот короткий период большие груженные барки могли преодолеть межение мелкие перекаты и быстро доплыть до Камы, где грузы перегружались на более крупные суда.

С промышленным развитием Среднего Урала здесь стала формироваться также сухопутная сеть дорог. Сначала это были обычные проселочные дороги, а в 30—40-х годах XVIII столетия началось строительство трактовых. Самыми значимыми среди них были те, что шли от Екатеринбурга на восток, в Тюмень, и на запад, в Кунгур. Прокладывалась и новая трактовая дорога от Москвы через Нижний Новгород и Казань до Кунгура. В 1745 году по ней уже была налажена почтовая связь из Москвы через Екатеринбург до Тобольска. Тем самым Урал оказался пересеченным еще одной сухопутной дорогой, причем через самый удобный перевал.

Новая дорога от Москвы через Урал в Сибирь еще долгие годы достраивалась, кое-где спрямлялась. Со временем она превратилась в одну из важнейших сухопутных транспортных артерий России. В 1783 году дорога была официально узаконена в качестве нового Большого Сибирского тракта взамен окончательно потерявшей свое былое значение Бабиновской.

За многие сотни лет формирования дорожной сети Урала наблюдалась такая закономерность: сначала русские освоили дороги через северную часть гор, затем узнали о дорогах Южного Урала и наконец — Среднего. Такая последовательность произошла потому, что знакомство русских с Уралом шло с севера на юг.

Дороги на схеме: 1 — Елецкая, 2 — Шугорская, 3 — Ильчская, 4 — Вишерская, 5 — Янская, 6 — Старая Казанская, 7 — Бабиновская, 8 — Чусовская, 9 — Большой Сибирский тракт.

«Уральский следопыт»

ПРОЗА. ЗАРУБЕЖНЫЙ МИКРОДЕТЕКТИВ. ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- Балашов В. Есенин. Константиново. № 11.
Березовский Н. Побег. № 6, 7.
Берроуз Э. Тарзан — приемщик обезьяны. № 4—12.
Блок Л. Удачный вечер бизнесмена. № 2.
Дробиз Г. Спасение жука. № 4.
Зуев В. Вот, например, Мироновичи... № 1.
Иванов Ю. Урок труда. № 1.
Кристи А. Трагедия в Масдон Мейнор. № 3.
Кулаков Ф. Любовь Поклончиков. № 3.
Нечаев Л. Нещечко. № 2, 3.
Никонов Н. Орнитоптера Ротшильда. № 10—12.
Нисковских Ю. Звездный час. № 11.
Перехвальская Е. Холодильник для мамы. № 4.
Привалихин В. Умягчение злых сердец. № 8, 9.
Соломко Н. Горбунок. № 5, 6.
Тайганова Т. Пасынок. № 3.
Фомин Л. Возрождение. № 11.
Хеммет Д. «Смерть и К⁰». № 2.
Чекакина Т. Изабелла и Катя. № 1.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Година Н. Так виднее будущее... № 4.
Дагуров В. Стихи. № 12.
Денисов В. Наши души еще не истлели... № 11.
Застырец А. В чужом лице. № 8.
Касимов Е. Стихи. № 3.
Кузванова Е. Стихи. № 3.
Кымытваль А. На краю необъятной страны. № 10.
Марченко С. Стихи. № 1.
Мережников Н. Не просто свидетель. № 9.
Найдич М. Мне выпала доля... № 8.
Нохрин С. Стихи. № 10.
Полева А. Танец на цыпочках. № 8.
Поскребышев О. Испытывает время нас... № 6.
Самсонов Ю. Стихи. № 6.
Сорокин Л. Я вижу то, что скрылось вдалеке... № 2.
Теличко Н. Стихи. № 5.
Чечулин А. И осени близятся сроки. № 7.
Шамсутдинов Н. Мурло. № 1.
Шахрин В. Стихи. № 3.
Шкавро Л. Останется вечно со мной... № 5.
Юганпелек И. Тюли-се. Поэма. № 12.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

- Алферова М. Идолы. № 12.
Баюшев Д. Допущение. № 1.

- Галкина Н. Надзиратель прошлого. № 12.
Гуревич Г. Бхага. № 11.
Иванов А. Охота на «Большую медведицу». № 4.
Казменко С. Сила слова. № 12.
Карапетян А. Скоро будет весна. № 12.
Конан Дойл А. Владыка Темной стороны. № 10.
Крапивин В. Крик петуха. № 8, 9, 10.
Михалёв С. Форс-мажор. № 3.
Михайлов В. Ночь Черного Хрустала. № 6, 7.
Орехов Н., Орехов С. Присказка. № 3.
Романов А. Чуда не будет... № 5.
Стоянов А. Вполне порядочный мир. № 3.
Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. № 5.
Тяглов И. Круги магистра. № 2.
Щеголев А. Главный враг. № 12.

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

- Белошистая А. Не отпуская руки... № 11.
Борисов В. Эксперименты фантастов. № 1.
Борисов В. Оцениваем фантастику. № 2.
Борисов В. Новое или старое? № 3.
Борисов В. Фантазии, в которые веришь. № 4.
Борисов В. Человек и его окружение. № 5.
Борисов В. Художник и время. № 6.
Бугров В., Князева О. Фантастика под микроскопом. № 4.
Бугров В., Халымбаджа И. Свердловск: «Аэлита»-90. № 9.
Буря В. Земные маршруты фантаста. № 4.
Вести из Ленинграда. № 7.
Дорченко Г. «Внимание: метеориты!» № 1.
Иванов В. «...Я серьезно думал над этим...» № 11.
Казанцев С. Соцкон-1. № 1.
Киреев К. Не допустить вакансии! № 5.
Козубов В. НЛО: связь времен, или аргонавты Хроноса. № 4.
Михайлов В. Живем мы в реальном мире... № 8.
На перекрестках времени: год 1990-й. № 2.
Порохня Л. Ищите Хоббита! № 2.
Трифонов Д. Аварии в космосе. № 10.
Фантастика под микроскопом. Викторина-90. № 1.
Фантастика и фантасты в перестройке. № 3.
Шабанов С. Любовь по-инопланетянски... № 6.

ПАМЯТЬ. ТОВАРИЩ ВРЕМЯ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. НАЙТИ СЕБЯ

- «...Беспомощность перед громадой наследного». № 6.
Валек К. Особая армия зенитчиков. № 9.

- Гребенников В. Помнить или забыть? № 1.
Деськов И., Деськов В. Видеть звезды! № 6.
Земцов В. «Сиянье шапок этих медных...» № 1.
Иоффе Г. Безумство храбрых — мудрость жизни? № 7.
Князя В. Из афганского дневника. № 11.
Козулин Б. Сестра комиссара. № 2.
Левин Ю. Берлин, май сорок пятого. № 5.
Лузянинов О. Во имя и во славу. № 6.
Мишкевич Г. Шесть орденов Ленина. № 1.
Моисеев А. Миасские экссы. № 7.
Молчанов Э. На тропах Маньчжурии. № 7.
Непешин И. «Я адмирал Колчак». № 9.
Олешко В. Афган: продолжение потерь. № 1.
Печенкин Л. «Приказано тебя замечать». № 5.
Пешкова И. Ничего, кроме травы... № 5.
Письмо мертвого человека. № 9.
Пьянков И. Треугольное время. № 5.
Стажеев В. Семейные реликвии. № 2.
Шавырин В. Куликово поле. № 4.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ.

- Андреев Д. Борьба с духовностью. Глава из книги. № 12.
Бероев В. Покоритель гор. № 2.
Богоявленский Л. Крепость на Исти. № 10.
Борисов В. На челябинской сцене. № 3.
Бухаркина О. Неизвестная рукопись П. В. Засодимского. № 4.
Вигилев А. Замечательные чудачки. № 3.
Вилинов Ю. Легенды каменного котла. № 1.
Галай Ю. Справка о конкуренции. № 4.
Горбунов Ю. Далматово — город из прошлого. № 4.
Горбунов Ю. Легенды старой Чердыни. № 12.
Горбунов Ю. На девяти холмах стояли... № 8.
Городилина В. «Я буду великим музыкантом...» № 5.
Горшман А. Неизвестный обретает имя. № 3.
Дун А. О репе и утерянной переписке. № 12.
Дунаев Ю. Шисим. № 2.
Емлин Э. Знаки на камне. № 11.
Жемчужников В. Байкальцы каменного века. № 3.
Зайцев Г. Клад Пугачева: легенды и факты. № 3.

В 1990 ГОДУ

Захаров С. Это песни твои и мои. № 5.
Зюлотарев В. Северный ваз. № 8.
Зырянов В. Цирк Труцци. № 1.
Ивлев Н. Камзол, парик и папироза. № 10.
Ильин С. Песня о ныробском узнике. № 7.
Кляёта Г. Первый, первым и впервые... № 3.
Клянин М. Часовня Павла Сюзева. № 11.
Катков А. «...Для чего стольким простреливать грудь?» № 11.
Книзя В., Михалёв С. Неизвестный автограф Горького. № 7.
Ключников Ю. Подписано Суворовым. № 8.
Козловский М. Будет адресная книга. № 3.
Кобзев И. Размышление у парадного подъезда. № 10.
Коверда П. «Думал, что это ферзь...» № 8.
Копылов В. Кто вы, инженер Зорге? № 11.
Коровин А. Царь и паровые машины. № 1.
Коровин А. Стенька Разин из Билимбае. № 9.
Краеведческий бумеранг. № 3, 7, 9.
Кудрявцев Э. Коллекция Рыбакова. № 2.
Ласунский О. Заветная полка. № 7.
Матвеев А. Пропавшая вершина. № 2.
Мигаев Н. Подарок эфиопскому правителью. № 12.
Минский М. Царские марки на советской почте. № 1.
Мошинская Р. «Роман наподобие Вальтера Скотта?» № 2.
Нестеров А. Монеты Ибрагим хана. № 12.
Осинцев Л. Шадринский бульвар. № 7.
Паначев В. Майор Теплов — герой Бородин. № 4.
Прытков В. Экспедиция в старую крепость. № 6.
Резниченко А. Коллекционер землетрясений. № 6.
Ромашов В. Родина Камы — Индия?
Рябинин Б. Озеро Джека Лондона. № 3.
Савченко А. По следам катастрофы «Вайгача». № 3.
Сардак О. Рюрик на аверсе. № 3.
Сентябрев Ю. Село, пожившее столицей. № 11.
Сибирева-Несмелова В. Храм на Вавожской горе. № 4.
Случанко Б. Ожерелье королевы и француз из Феодосии. № 7.
Сорокин М. Сибирские травники. № 10.
Суриц Л. Как ныне собирается вещный Олег... № 5.
Трифонов Д. Детские ясли 1915 года. № 1.
Хохлачев В. И виноградная косточка, и лунный глобус... № 11.

Черных Н. Как вятский мужик генералов прокормил. № 2.
Чечулин А. Изумруд, не снившийся Юлию Цезарю. № 8.
Шкерин В. Палач декабристов на Урале. № 6.
Шумов В. Фигуреры из Нижне-Озерной. № 1.
Яблоков М. За уроками к тюменцу Афромееву. № 11.
Якубовский Э. Мадам Вон и другие пираты XX века. № 1.
Ястребов Е. Древние дороги Урала. № 12.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. НАУКА И ТЕХНИКА. УРАЛЬСКИЕ ЗАКРОМА

Беляев И. Травы на Бугре. № 3.
Беньковский Л. Дерево русское. № 3.
Берсенев И. Советы тем, кто в поле и в тайге. № 5.
Богоявленский Л. Как вал гречневую кашу съел... № 2.
Богоявленский Л. Обыкновенный волк. № 4.
Буруковская Т. Эстафета идеи. № 11.
Быкова М. Колыбель Коми. № 3.
Глотов В. Второе рождение, или гипотетические суждения о том, что мы, люди, «считываем» информацию, идущую из вакуума. № 4.
Гошицкий Н. Лабитнангский дневник. № 2.
Дебердеев В. Ф-1: знакомый незнакомец. № 7.
Жуланов Б. Мой суровый, нежный Колень. № 10.
Зигуненко С. Институт человека. № 5.
Ищенко Е. Разговор о жизни и смерти с восточным целителем Цзяном. № 8.
Казанцев С. Аномалия. № 4.
Капорейко О. Живая-мертвая вода. № 2.
Капорейко О. Скворец обыкновенный. № 5.
Капорейко О. Просто осень. № 8.
Линник Ю. Зов пространства. № 1.
Павлович И. Многоэтажная Вселенная. № 10.
Петров М. Взрыв вместо зубила. № 2.
Петухов П. Верить ли Вере Прокофьевне? № 7.
Печенко Г. Истребитель в небе над Кольцовом. № 1.
Письма об экологии. № 1.
Ремпель С. С Кашпировским — по биополю. № 8.
Семенов А. Растет в нашем крае... № 1.
Семенов А. Стиль «мексиканских кактусов», или когда попала «под сокращение» ландшафтная архитектура? № 3.
Семенов А. Экзоты на окнах. № 7, 8.
Хакимов А. Морской паук. № 7.

Щекутова Н. Лихие травы. № 8, 9, 11.
Якубовский Э. Медь и цинк... по рецепту. № 8.

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. РУКОМЕСЛА

Агеева М. Рафаэль в Тагиле? № 6.
Артемов А. Люди Колымы. № 6.
Ахметов С. Жемчужная риза поэта. № 12.
Бурукровский Р. Тайна эликсира Клеопатры. № 10.
Верейн А. Дебютанты «зональной» выставки. № 8.
Власова О. Строгановское золотое шитье. № 9.
Вячеслав Смирнов. № 2.
Евграфова Л. Эмаль, ставшая искусством. № 11.
Загородских И. Царская охота. № 6.
Кулемзин В. По следам хантыйской культуры. № 10.
Максашина А. Сделаны из меди. № 2.
Наседкина А. Новое в экспозиции музея. № 3.
Пинаев Е. Пароль — «Балтика». № 2.
Пинаев Е. Мой друг — фантастика. № 4.
Рыжов А. Праздник лета красного. № 7.
Сентябрев Ю. Домик в Златогорова. № 5.
Шардаков П. На тихом берегу... № 7.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ. СТАРТЫ. ДИАЛОГ-КЛУБ. МУЗЫКА И МЫ.

Казанцев С. Нести мир и радость. № 10.
Калмыков В. Открывая неба красоту. № 7.
Максимова Н. Из объяснительной ей, вам и ему... № 6.
Орлов М. Наш гимн — жестче! № 3.
Пинаев Б. Рок против апартеида. № 8.
Поляков О. Парад мелодий. № 7.
Понизовкин А. О чем танцуются на цыпочках, или рок-леди и ее имиджи. № 8.
Понизовкин А. Пишите письма! № 9.
Ученый... с 13 лет. № 5.
Шинкаренко Ю. Властелины и пластилины. № 6.

Никита МИГАЕВ,
научный сотрудник музея

Подарок эфиопскому правителю

Холодное оружие существует давно. С мечами сражались воины Александра Невского на льду Чудского озера. С саблями шли в атаку на французов русские гусары и уланы.

Однако издавна холодное оружие выполняло и другие функции. Широко бытовал обычай награждать им воинов, отличившихся на поле боя. В дореволюционной России офицеры и генералы, удостоенные золотого георгиевского оружия, приравнялись к награжденным боевыми орденами. Холодным оружием, так же, как и боевыми орденами, награждали союзников и глав дружественных государств. Конечно, такое оружие делалось с особым искусством лучшими оружейными мастерами.

Изготовлением украшенного холодного оружия до начала XIX века занимались отдельные русские мастера-самородки, Московская оружейная палата, а также эпизодически Тульский и Сестрорецкий заводы.

Но уже в конце XVIII века начальнику Гороблагодатских и Каменских заводов было приказано подобрать на Урале место для строительства специального оружейного завода. Проект создания фабрики холодного оружия на Урале при Златоустовском чугунолитейном и железодельном заводе был разработан и представлен на утверждение в 1811 году. К строительству приступили в 1814-м. Оно продолжалось менее двух лет, и с конца 1815 года на оружейной фабрике уже работала часть мастерских.

А теперь обратимся к более близкому нам времени.

На далеком от России Африканском континенте на рубеже XIX и XX веков отстаивала свою независимость Эфиопия. Борьбу возглавил тогдашний правитель страны негус (император) Менелик II Итало-абиссинская (эфиопская) война 1895—96 годов получила большую известность в европейских столицах. Победу войск Менелика II приветствовала

вся прогрессивная общественность. Россия была одной из тех держав, которые постоянно поддерживали отношения со свободолюбивыми эфиопами. В Аддис-Абебе на рубеже двух столетий работала русская дипломатическая миссия.

Вернувшись из Эфиопии штаб-капитан лейб-гвардии 4-го стрелкового батальона Давыдов 20 февраля 1901 года докладывал, что во время его отъезда из Аддис-Абебы ему был вручен через поверенного в делах русской миссии клинок, принадлежавший негусу Менелику II, с поручением «передать оный в Министерство иностранных дел для выделки и присылки в Абиссинию по просьбе негуса нескольких клинков по образцу присланного».

Таких клинков он хотел получить десять—двадцать. По поводу выделки самих клинков дипломаты высказали пожелание, чтобы пять или шесть из них были сделаны из стали, которая по своим боевым качествам не уступала бы знаменитой дамасской. Все холодное оружие поверенный в делах русской миссии просил украсить золотой насечкой с синевой, а на клинках, предназначенных для самого Менелика II, изобразить на одном российский вензель, на двух других — вензель эфиопского негуса. Для этого он передавал в Петербург образец вензеля и традиционный эфиопский клинок.

В своем рапорте гвардейский штаб-капитан Давыдов изложил и некоторые интересные наблюдения. Оказывается, рукояти холодного оружия богатых эфиопов делались из носорожьего рога, который, по мнению Давыдова, можно успешно заменить обыкновенным. На ножнах эфиопских воинов укреплялись особые кольца по числу убитых врагов. Русский путешественник сказал, что таких колец делать не следует, так как неизвестно, в чьи руки попадет оружие, а владелец может их постыдиться сам. От глаз пытливого наблю-

дателя не ускользнула и борьба с варварскими обычаями, которую вел правитель Эфиопии. Тогда еще многие эфиопские воины имели холодное оружие с ножнами, у которых были наконечники филигранной работы, специально заостренные и загнутые вверх — для того, чтобы вешать скальпы, снятые воинами с убитых или раненых врагов. Менелик II запретил под страхом строгого наказания этот дикий обычай, и Давыдов в своем рапорте замечал, что такого приспособления на ножнах делать не следует.

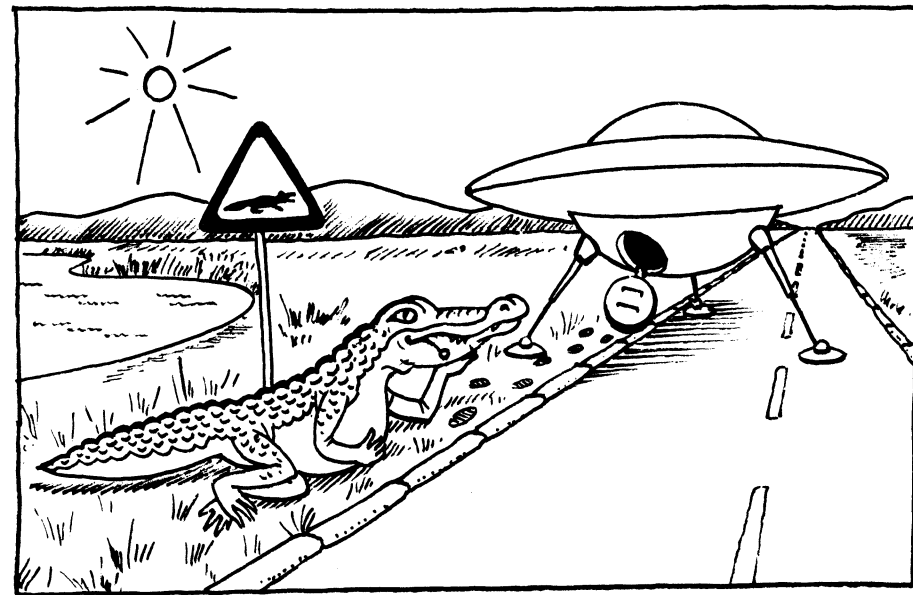
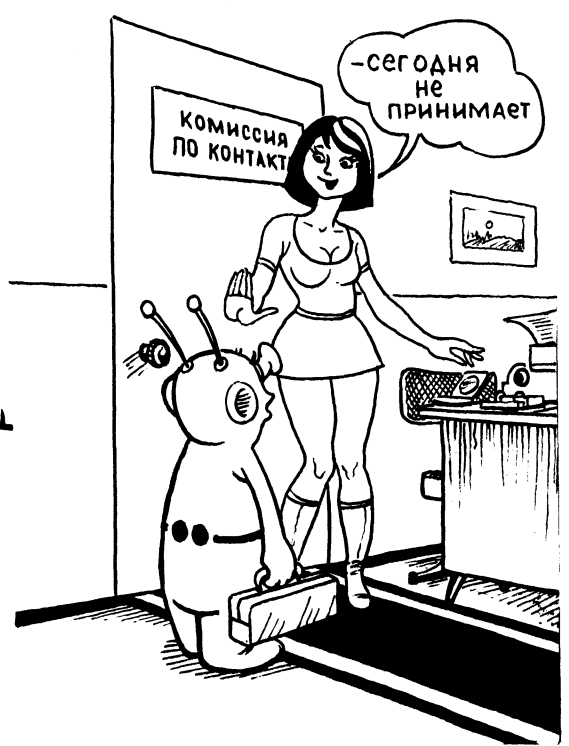
3 июля 1901 года последовало указание изготовить на Златоустовском казенном заводе 12 клинков по образцу доставленного в горный департамент.

Как свидетельствуют архивные документы, для Менелика II и его свиты было изготовлено 12 шашек. Первые три в описи, сохранившейся до наших дней, помечены размашистой карандашной надписью, которая указывает, что они предназначены «лично Менелику». У всех этих трех шашек были золотая и серебряная насечки на клинках, они имели бархатные ножны со стальными оправами, насеченные золотом и серебром, и украшены были рисунками в русском стиле.

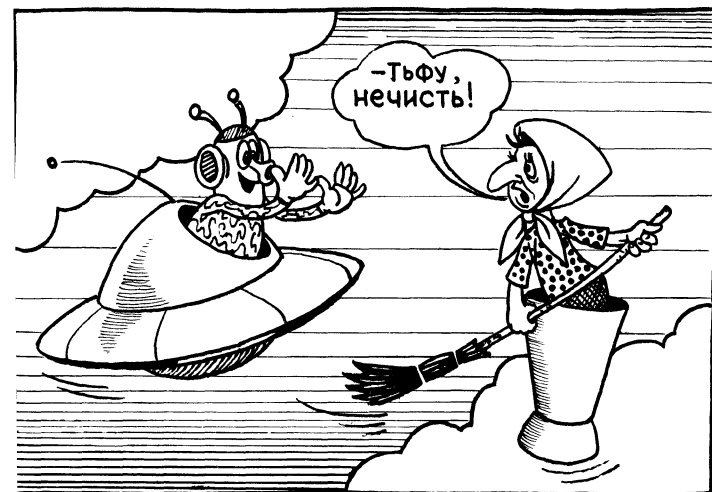
1 мая 1902 года из Екатеринбургa в столицу, в Главное артиллерийское управление пришло послание от заместителя начальника Уральских горных заводов, в котором тот уведомлял о выплате за изготовление 12 шашек «мастеру Златоустовского оружейного завода Василию Киселеву 150 рублей и помощнику его Дмитрию Людвиговскому 100 рублей». Так в наши дни мы узнаем имена создателей уникальных образцов оружия.

Уральские клинки, проделав длительное морское путешествие, были доставлены в столицу Эфиопии и очень понравились негусу.

г. Ленинград

Пикник на обочине.

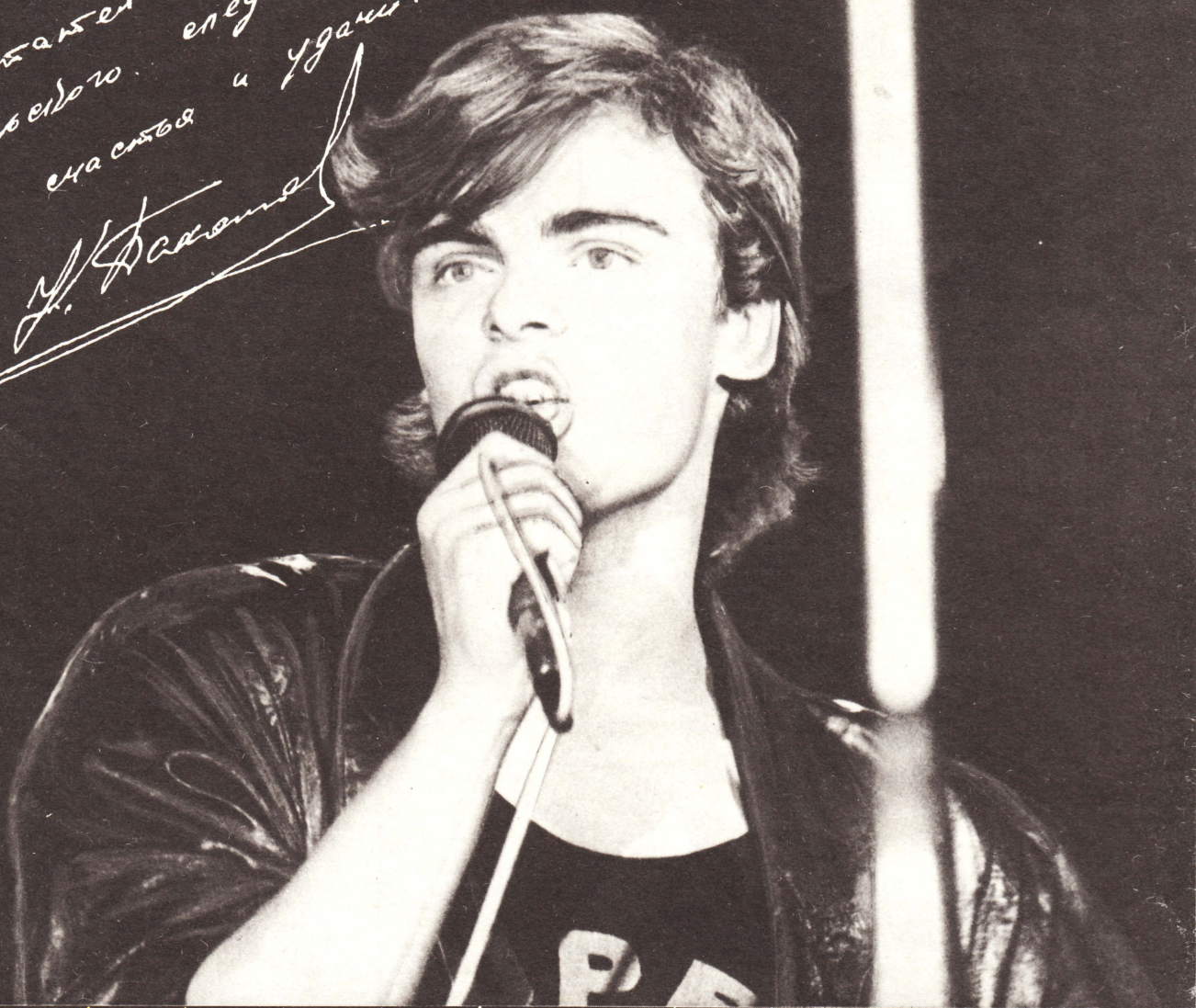

СЕРГЕЙ КУДРЯВЦЕВ — ЛЕТОПИСЕЦ НЛО

Его рисунки вы уже не раз встречали в нашем разделе «Заочный КЛФ». Любитель фантастики Сергей Кудрявцев «раньше фантастику предпочитал всем другим жанрам, — пишет он, — но последние 5–6 лет сильно к ней охладел: ...фантастика — это для юношества, более старшему поколению уже трудно погрузиться в мир фантастики с увлечением, вокруг столько реальных проблем, каждодневных дел, ответственных решений — перед ними бледнеют придуманные фантастические миры...» Может, поэтому Сергей в последнее время изображает в своих рисунках самую что ни на есть реальность, — небольшую подборку из его художественной летописи мы предлагаем вашему вниманию.

Сергею 30 лет, он совмещает работу слесаря и художника-оформителя («правда, с трудом, — самокритично признается он, — потому что как следует не умею делать ни то, ни другое»). По поводу «другого» — читателю судить. А живет «летописец НЛО» в прекрасном русском городе с красивым именем — Гусь-Хрустальный...

Читаем
и Уральского следопыта
желаю счастья и удачи!
К. Пахомов

Поклонницам К. Пахомова

В № 3 «Уральского следопыта» мы предложили читателям задать вопросы Косте Пахомову, экс-«ласковомаевцу». Почта посыпалась, как из рога изобилия... Наблюдая, как сельскохозяйственное изобилие правительство пытается обуздать с помощью авральных бригад студентов и школьников, мы решили действовать тем же методом.

Разбирать письма нам помогли многие, в том числе — десятиклассницы 122 свердловской школы Света Тренина и Юля Куликова. Им — вопросы...

— Каков характер почты!

Юля: К сожалению, очень много неинтересного... Столько наших ровесниц (а это основные корреспонденты) задают вопросы, которые можно задать любому артисту!.. «Ваш путь в эстраду», «Ваши творческие планы» и т. п.

Света: К таким письмам примыкают объяснения Косте в любви, просьбы выслать фото, завязать переписку... Письма-близнецы!.. Даже мне понятно: возьмись Костя кому-то ответить, он выберет письмо поярче...

— Какое, например!

Света: То, где интересные размышления, собственные мысли... То, где не «ахи» и «охи», а хитренькие вопросы, с подковыркой... Например: «Как бы вы поступили, если б увидели, что хулиганы избивают Андрея Разина!» — Оксана из Набережных Челнов. Или вопрос Яны из Свердловска: «На концертах тебе дарят много цветов. И куда ты их!..»

Юля: Из почты мы выбирали в первую очередь такие вопросы. Если редакция ими воспользуется, интервью получится интересным.

Что ж, воспользуемся... И пользуясь случаем, хотим извиниться перед нашими читателями, что беседа с Константином Пахомовым переносится на следующий год. Это связано: с Костиной стороны — с крутыми изменениями в жизни, по некоторым причинам он порвал с «Интеринтрадой», поступил в Московский институт культуры. С нашей стороны задержка вызвана техническими причинами...